Учредители:

Институт географии РАН

Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета

Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерсве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., Артоболевский С.С. (Москва)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н. проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 28.07.11 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО « Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2011

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 3 (33), 2011

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

ЛЮДИ НАУКИ

Пилясов А.Н. Мыслящий человек есть мера всему (памяти академика РАН А.Г. Гранберга) 3
Pilyasov. A.N. A thinking man is the measure of all (the memory of Academician Alexander Granberg) 3

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY OF REGIONAL STUDIES

Елацков А.Б. Геоадаптационный контекст геополитических отношений 15
Elatskov A.B. Geopolitical relations in the context of geoadaptation 15
Карякин В.В. Методологические основы современной геополитической динамики 28
Karyakin V.V. Metodological foundations of modern geopolitical dynamics 28
Лопатников Д.Л. Перспективы формирования экологического лобби в регионах России 39
Lopatnikov. D.L. Perspectives of shaping ecological lobby in the Russian regions 39
Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры 45
Streletsky V.N. Regionalism as a cultural phenomenon 45
Мичурин С.Б., Мичурина Ф.З. Концепция сочетания производственногои рекреационного направлений развития сельских территорий 51
Michurin S.B., Michurina F.Z. The Concept of Combining Agribusiness and Recreation Industry as the Direction of the Development for Farming Territories 51
Соколова А.А. К вопросу о гуманитарных направлениях в географии: трудности диалога 59
Sokolova A.A. The problem of humanitarian trends in geography: difficulties of dialogue 59

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Бильчак М.В., Носачевская Е.А. Развитие научно-исследовательской деятельности как ресурс модернизации экономики эксклавного региона 70
Bilchak M.V., Nosachevskaja E.A. Development of research activity as a resours of modernization of economy of exclave region 70
Горячко М.Д. Олимпийский импульс постиндустриальной модернизации регионов России 75
Goryachko. M.D. The Olympic impulse for postindustrial modernization of the Russian regions 75
Землянский Д.Ю. Индикативный подход к оценке сезонной динамики размещения населения в России 83
Zemlyansky D.Y. Indicative approach to estimating the seasonal dynamics of population in Russia 83
Клейменов С.П. Рыночная трансформация хозяйства Псковской области в контексте постиндустриального этапа общественного развития 93
Kleimenov S.P. Market Transformation of the economy of the Pskov region in the context of post-industrial stage of social development 93
Коломенская А.С., Хаустова О.И., Шурбе В.З. Экология и состояние здоровья населения: региональный аспект 103
Kolomenskaya A.S., Khaustova O.I., Shurbe V.Z. Ecology and population health: the regional dimension 103
Куница М.Н. Типология сельских населенных пунктов Центральной России: демо-экологический аспект 111
Kunitsa M.N. Typology of the rural settlements of central russia: demo-ecological aspect 111

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD

Львова Е.К. Роль инвестиций в экономическом развитии Китая и его регионов 118
Lyvova E.K. The role of investments in the economic development of China and its regions 118

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Прусс Е.А.Территориальная структура японских банков в США 128
Pruss E.A. The territorial structure of Japanese banks in the U.S.A. 128
Родионова И.А., Гордеева А.С. Особенности влияния информационных технологий на экономический рост и развитие стран мира 135
Rodionova I.A., Gordeeva A.S. Information technologies as a factor of the economic growht and development of countries 135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Катровский А.П. Конференция «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика.» 141

ЛЮДИ НАУКИ

Пилясов А.Н.
(г. Москва)

МЫСЛЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ МЕРА ВСЕМУ[1] (ПАМЯТИ АКАДЕМИКА РАН А.Г. ГРАНБЕРГА)

Pilyasov. A.N. (Moscow)

A THINKING MAN IS THE MEASURE OF ALL (THE MEMORY OF ACADEMICIAN ALEXANDER GRANBERG)

Аннотация. *Статья посвящена научному пути лидера российской школы региональных исследований академика А.Г. Гранберга*

Abstract. *This article is devoted to scientific ways of leader of the Russian school of regional studies of academician AG Granberg*

Ключевые слова: *академик А.Г. Гранберг, региональные исследования, этапы научной карьеры*

Key words: *academician AG Granberg, regional studies, the stages of scientific career*

Уход титанов. Есть некоторая символичность в том, что смерть лидера российской школы региональных исследователей, председателя Совета по изучению производительных сил, члена Президиума РАН Александра Григорьевича Гранберга 22 августа 2010 года произошла в последний день работы Европейского конгресса региональной науки (он был участником этих конгрессов на протяжении двух десятилетий), между уходом из жизни двух легендарных людей, оказавших на него значительное влияние. Уолтер Хикл, дважды губернатор Аляски, умер в мае 2010 года. Уолтер Айзард, легендарный основатель мировой региональной науки, умер в ноябре 2010 года.

Как и У.Айзард, академик А.Г. Гранберг стремился обеспечить широкий междисциплинарный синтез при изучении региональных проблем. Как и У.Айзард, А.Г. Гранберг эффективно и новаторски использовал математический аппарат в региональных экономических исследованиях. Как и его американский коллега, который уже в 29 лет, в первое послевоенное десятилетие, инициировал встречу ведущих экономистов, географов, социологов и демографов во имя формирования нового предметного поля региональной науки, А.Г. Гранберг стал организатором региональной науки в России, будучи в течение многих лет руководителем авторитетных исследовательских институтов в этой области: сначала, в 1980-е годы, директором новосибирского Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, затем, в последние два десятилетия, председателем московского Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН. Оба: и У. Айзард, и академик А.Г. Гранберг – считали своим учителем лауреата Нобелевской премии по экономике американца с русскими корнями В.Леонтьева[1]. Для обоих любовь к пространству (различного уровня анализа – город, район, регион, страна, мир) стала определяющей привязанностью на весь период активной научной жизни.

В газетах Аляски А.Г. Гранберга сравнивали с Уолтером Хиклом («Гранберг мыслит широко, как русский Хикл»), который

[1] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление// Размышления натуралиста. М.: Наука. 1965. С.65.

[2] Гранберг А.Г. Василий Леонтьев: жизненный путь и вклад в мировую науку//Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. Автор предисловия и научный редактор А.Г.Гранберг. М.: ОАО «Издательство «Экономика». 1997. 479с. С. 5–21.

был ее губернатором в переломные 1960-е и 1990-е годы и оказал на экономическое развитие этого штата определяющее влияние. Энергия первопроходства, мышление поверх рутинных барьеров, активное участие в проектировании смелых суперпроектов глобального значения, которые радикально изменяют свойства пространства, – все эти черты роднят А.Г.Гранберга и У.Хикла. Поэтому его предисловие к книге У.Хикла «Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России?»[1] написано так вдохновенно, с несвойственной А.Г. Гранбергу эмоциональностью.

В период своей долгой научной карьеры А.Г. Гранберг участвовал в технико-экономическом обосновании многих мегапроектов национального и международного значения – Байкало-Амурской магистрали, полимагистрали Обская-Бованенково (Урал Промышленный – Урал Полярный), Северного морского пути как транзитной супермагистрали между европейским и азиатским континентами. В последние годы он был увлечен идеей полимагистрали Евразия-Америка с тоннелем через Берингов пролив[2], которая позволяет объединить транспортные сети Европы, Африки, Азии, Америки в единую глобальную суперсеть, организовать масштабные межконтинентальные транзитные перемещения грузов, пассажиров, переброску энергии, экономически освоить огромные северные территории России, США и Канады[3].

Масштаб личности А.Г.Гранберга определил его одинаковую увлеченность научным творчеством в области региональной науки, творчеством в деле организации региональной науки в России, творчеством в вопросах проектирования суперпроектов глобального значения. Все эти направления были постоянной сферой его жизненных интересов. В каждом из них проявился его талант опережающего мышления поверх сложившихся шор и рутинных представлений, благодаря которому ему удалось добиться существенных прорывов, увлечь коллег за собой и оставить о себе память как об интеллектуальном лидере и первооткрывателе.

Факторы успеха. Александр Григорьевич Гранберг был в жизни очень прагматичным человеком, ничто не делал вхолостую, подчинял все свои дела и поступки, интересы окружающих его близких людей и коллег выполнению поставленных сверхзадач. Поэтому будет абсолютно естественным, если и мы факты его научной биографии рассмотрим с точки зрения прагматичной задачи изучения общих черт жизни талантливых людей. Действительно, от каких факторов зависит, что одним ученым удается решать сверхзадачи, а другие не способны выполнить эту миссию, остаются безвестной пехотой науки? Достаточно ли одного таланта, чтобы способному ученому состояться как научному лидеру?

Изучая историю мировой и российской науки, В.И.Вернадский первым обратил внимание на резкую временну*ю* неравномерность появления талантливых людей, пульсации талантливости в смене поколений, которые вызывают возможность взрыва научного творчества, и связал это явление с динамикой энергии биосферы: всюду и всегда в истории всех наук мы видим, как на протяжении одного, двух, трех поколений одновременно появляются талантливые люди, поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заместителей…Такое вр*е*менное сосредоточение талантливых личностей в немногих поколениях и их отсутствие в долгие промежуточные времена – иногда века – есть общее характерное явление хода духовных проявлений человечества. Оно резко и ярко выражено в истории научной мысли[4].

На протяжении десятилетий мне не удавалось найти реальные, осязаемые причины отмеченной В.И. Вернадским кластеризации научных талантов к определенным годам рождения. Оценить же роль динамики

[1] Хикл У.Дж. М. «Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России?» М.: Прогресс. 2004. 360с. С. 13–19.

[2] Гранберг А.Г. Трансконтинентальная магистраль и тоннель через Берингов пролив: экономические аспекты проекта//Экономика и организация промышленного производства. 1995. № 4.

[3] Вот некоторые количественные параметры данного проекта согласно технико-экономическому обоснованию, позволяющие оценить его грандиозность: общая длина трансконтинентальной железнодорожной магистрали 5873 – 6058 км; на российской территории протяженность железной дороги Якутск-Уэлен от 3850 до 4020 км (в зависимости от выбора варианта трассы); американская часть железной дороги от Нома (у Берингова пролива) до Форта Нельсон – 1925 км. Длина тоннеля через Берингов пролив – от 98 до 113 км.

[4] Вернадский В.И. Мысли о современном значении истории знаний// Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука. 1988. 334с. С. 217.

энергии биосферы в этом процессе через известные показатели и факты никак не получалось. Ответ на этот вопрос пришел совсем из другой области, никак не связанной с теорией биосферы.

В недавно опубликованной книге популярного американского журналиста Малкольма Гледвелла «Странные гении»[1] акцент сделан на факторах среды, которые определяют для талантливых людей возможность состояться. В жизни каждого поколения, в каждом столетии человеческой истории существует очень немного лет, предоставляющих «окошко возможностей» (каждое длительностью не более 7–10 лет) быстрой реализации, быстрого карьерного взлета для молодых, энергичных и предприимчивых людей. А потом оно закрывается на долгие годы. Поэтому парадоксальным образом для реализации талантов огромное значение имеет удача родиться в «правильный» год – не меньшее, чем сам талант! Нужно, чтобы через 25–30 лет после рождения талантливых людей в их стране начался процесс формирования радикально новых и трансформации старых институтов и структур. Тогда они смогут воспользоваться этими новыми возможностями в самом молодом, мобильном и динамичном возрасте. *Эти же* возможности, открывшиеся позже, например, в возрасте 35–40 лет, уже не окажут того фундаментального воздействия на их карьерное продвижение.

Состоявшимся талантам выпадает удача родиться так, что окошко возможностей открывается в самый разгар, самое начало их трудовой карьеры, на старте, и придает им максимальное ускорение. Вызревают, из потенциальной фазы переходят в актуальную только те таланты, которые опережают в своем рождении открывающееся окошко возможностей в их стране на 25 – максимум 30 лет. Можно назвать это удачей оказаться в нужное время в нужном месте.

В 20 веке в СССР-России таких окошек было всего три – часть 1930-х годов, когда можно было сделать быструю карьеру ввиду необходимости заместить сотни и тысячи квалифицированных специалистов в разных областях научного и инженерного знания, исчезнувших в лагерях ГУЛАГа; года хрущевской оттепели (1956–1965 гг.), когда радикально менялась вся система государственного управления страны, организация науки; годы радикальных экономических реформ 1992–2000 гг., когда происходил слом старой административно-командной системы и формирование на ее обломках принципиально новой социально-рыночной экономики. Так вот родившиеся в 1910-е, 1930-е, 1966–1970-е годы через 25–30 лет, т.е. в тот период, когда человек нередко еще не обременен семьей и высоко мобилен, попадали в среду беспрецедентных возможностей для активного талантливого человека (ученого, инженера, предпринимателя); особенно если он избирал то направление экономической деятельности, которое в силу определенных причин ранее было ограниченно развитым в его стране. Очень важно было иметь в этот момент редкий и потому особенно ценимый навык, например, знание математических моделей, иностранного языка, который чуть-чуть приподнимает талант над окружающим его миром. Этот навык в период неожиданно открывшихся возможностей вдруг превращается в карьерный успех.

Проверим эту гипотезу на экономическом научном сообществе России – академиках РАН по экономической специализации. Леонид Иванович Абалкин и Дмитрий Семенович Львов родились в 1930 году; Абел Гезевич Аганбегян в 1932 году; Александр Григорьевич Гранберг в 1936 году; Валерий Леонидович Макаров и Николай Яковлевич Петраков в 1937 году. Им всем повезло родиться в «правильные» годы – они все уже накопили необходимые новые знания и первый опыт, чтобы максимально использовать возможности «окошка возможностей» хрущевской оттепели. И Александр Григорьевич Гранберг был в их числе: в момент «призыва» в новый новосибирский академгородок в 1960 году он уже был сложившимся ученым с редкой тогда экономико-математической специализацией.

Почему в 1940-е годы не рождались академики РАН по экономике? Что, в эти годы не появлялись на свет талантливые люди, которые избирали профессию экономиста? Экономические таланты появлялись, но к моменту их вызревания иной (более агрессивной к ним) уже была внешняя среда, сопротивление которой (протиснуться через которую) большинство талантливых «выскочек» уже не могло преодолеть. Реально это проявлялось, например, в раздражении

[1] Gladwell Malcolm. Outliers. The Story of Success. Penguin Books. 2009. 365p.

способных людей, что им нужно сидеть до пенсии, до лысины, чтобы получить новое карьерное назначение. Эти разговоры были очень популярны среди научных сотрудников институтов и преподавателей вузов в 1970-е годы. Поэтому о многих экономических талантах, например, 1940-х годов рождения мы никогда так и не узнали – в советских энциклопедиях люди этих лет рождения как легендарные ученые, писатели, знаменитые путешественники встречаются достоверно реже, чем родившиеся в 1930-е годы.

Но помимо фактора времени рождения есть еще фактор пространства, конкретной среды «инкубирования» молодого таланта, в которой происходит выращивание, обретение новых навыков и компетенций. Среды, созданной близким окружением, семьей, родственниками. Нужно, чтобы условия этой среды позволили таланту тысячами часов труда набрать и отточить навыки и компетенции. Период инкубирования ученого длится до десяти лет, начинается еще в старшие школьные годы, затем захватывает университетские годы, первые годы трудового стажа и завершается примерно к 30 годам.

У Александра Григорьевича Гранберга он начался с момента его учебы в старших классах престижной 110 московской школы на рубеже 1940–1950-х годов, продолжился в Московском государственном экономическом институте и завершился в первые годы работы в новосибирском академгородке, за несколько лет до защиты докторской диссертации в 1968 году (в 32 года, что было беспрецедентно рано для советского экономиста в те годы).

В семье А.Г. Гранберга ценности образования, знания, настойчивости и прилежания в учебе были исключительно высокими. Их культивировала прежде всего мать. Поэтому в московский период учебы в школе для него были созданы очень благоприятные условия. Огромную позитивную роль в новосибирский период сыграли многочисленные помощники, которые обеспечили информационное заполнение тысяч перфокарт для компьютерного просчета эконометрических моделей «затраты-выпуск» (для оценки межрегиональных связей СССР).

Процесс инкубирования означает не просто трудозатраты на культивирование нового навыка или компетенции (в случае А.Г. Гранберга – это экономико-математические модели и методы в региональных исследованиях), но существенное расширение взгляда, набирание нового знания в смежных областях. Для молодого Р.Коуза таким опытом стали стажировки на заводах Европы, на которые он попал будучи студентом-экономистом американского университета; для молодого П.Л. Капицы таким опытом стала работа в Кембридже у Резерфорда; для молодого А.Г. Гранберга бесценные возможности набирания нового знания дали первые годы работы в новом новосибирском академгородке.

Для того, чтобы научный талант из потенциальной формы перешел в реализованную, естественно, мало факторов времени рождения и пространства «инкубирования». Необходимы личностные качества, причем далеко не только в выбранной сфере научных исследований. Огромную роль играют практические житейские навыки, способность крепко стоять на ногах, без которых одаренный человек не состоится как научный талант. Дело в том, что, как пишет М.Гледвелл, уровень интеллектуальности влияет на карьерную траекторию таланта лишь до определенного значения, за которым начинают работать уже другие факторы. Говоря другими словами, если весь класс или группа состоит из талантливых ребят, то внутренние различия в уровне интеллектуальности каждого уже не имеют значения для объяснения различий их карьерной траектории. Начинают работать совсем другие факторы.

Почему же многие юные вундеркинды становятся карьерными лузерами? Почему талантливый экономист-ровесник А.Г. Гранберга, выпускник экономического факультета МГУ Г.Н. Ядрышников[1], даже не защитил кандидатскую диссертацию, хотя у него были почти все те же благоприятные предпосылки к карьерному восхождению, что и у А.Г. Гранберга (год рождения, московский вуз, период инкубирования на «целинной» магаданской территории) ? Какой дополнительный фактор X был у А.Г. Гранберга, но не был у Г.Н.Ядрышникова?

Помимо аналитических способностей, общего уровня интеллектуальности очень важны практические навыки и опыт, практический ум, без которых талант не может состояться. Многие эти навыки закладываются еще в семье, с детских лет.

А.Г. Гранберг обладал ими в полной мере. Хорошо помню, как он учил меня уклады-

[1] Умер 1 октября 2010 года.

вать пиджак, чтобы он не мялся, во время нашей совместной командировки в Грецию в 2006 году. Коллеги отмечали его умение печь блины. Жажда нового опыта была исключительно характерна для него, шла ли речь о гонках на собачьих упряжках на Аляске или о велопрогулках в столицах европейских городов, или о лыжных прогулках в Норвегии.

Долгие годы он увлекался марафонским бегом. Это бесконечное терпение, выдержка, выносливость, но не только; это и культура прагматичной рациональности и оптимизма, азарт состязательности. Спорт отвечал этим особенностям характера А.Г.Гранберга, интегральной составляющей которых была заряженность на позитив, утверждение возможностей победы, а не барьеров и ограничений. Он никогда не жаловался на неблагоприятные обстоятельства, на производственные трудности, но любил демонстрировать нам, своим коллегам в Совете по изучению производительных сил, возможности их преодоления. Его отношение к риску было спокойным и мужественным, что подтвердил последний год жизни, когда он выбрал операцию без гарантий радикального излечения, но не медленное угасание.

Талантливый ученый отличается от способного или одаренного своим коммуникационным поведением, умением извлекать информацию и новое знание из общения с любым человеком. А.Г. Гранберг обладал бесконечной обучаемостью и цепким коммуникационным поведением. Он признавался мне, что во многих вопросах использования современных компьютерных технологий и технологий мобильной связи внук является для него учителем. Многие из нас, его коллег, могут вспомнить, как наши мимоходом высказанные в его присутствии предложения потом обретали в его выступлениях уже законченную и убедительную форму.

Этапы творческой эволюции. Каждый талантливый ученый неизбежно развивает исследовательскую тематику на протяжении своей научной карьеры. Специфика творческой эволюции А.Г. Гранберга состояла в постепенном дополнении первоначальной тематики экономико-математического моделирования народнохозяйственных процессов в стране и ее регионах многоаспектными вопросами и проблемами пространственного развития.

В научной биографии Александра Григорьевича Гранберга можно выделить четыре этапа – два сибирских и два московских – средней продолжительностью по 10–15 лет, кроме последнего, самого короткого, протяженностью в пять лет, оборванного смертью в 2010 году. На первом этапе (ранее 1965–1980 год) в его работах доминирует общесоюзная (сегодня бы сказали макроэкономическая) тематика, разработка межотраслевых балансов для СССР и крупных советских регионов. Коньком А.Г.Гранберга, определяющим его особый почерк научного исследователя, становится моделирование межрегиональных связей.

На втором этапе (1980-е годы), который оказался максимально карьерно успешным (в этот период А.Г.Гранберг стал сначала членом-корреспондентом, затем академиком АН СССР) приоритет получает сибирская тематика, которая разрабатывается в аспекте широтных зон и отраслевых комплексов, с применением мощных модельных комплексов (оптимизационная экономико-математическая модель СИРЕНА и др.). Подлинно новаторским стал подход А.Г. Гранберга к изучению экономики Сибири в разрезе широтных зон.[2] За семь лет до работ современного лауреата Нобелевской премии по экономике П. Кругмана[3], за 15 лет до работ Дж. Сакса[4] А.Г. Гранберг обращается к географическим факторам регионального экономического развития (к числу которых приоритетно принадлежит зональность).

Сегодня исследование роли климата, географической формы, экономико-географического положения стали популярными направлениями мировой экономической на-

[1] Автор недавно вышедшей монографии отмечает эту черту как свойственную всем талантливым людям: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика – XXI. 2007. 421с. То есть практическая смекалка и потребность в новом опыте являются теми факторами, которые «приподнимают» состоявшийся талант над способными и одаренными людьми.

[2] Гранберг А.Г Исследование экономического развития Сибири в разрезе широтных зон и мезорегионов// Изв. СО АН СССР. 1983. № 11. Сер. обществ. наук. Вып.3. С.59–67; Экономика Сибири в разрезе широтных зон. Под ред. А.Г. Гранберга. Новосибирск: Наука. 1984.

[3] Krugman P. Geography and trade. The MIT Press. 1991. 156p; Krugman P. The role of Geography in Development. International Regional Science Review. 1999. 22.2. P. 142-161.

[4] Gallup John Luke, Sachs Jeffrey D. and Mellinger Andrew D. Geography and Economic Development// International Regional Science Review. 1999. 22.2. P.179-232.

уки. Но в 1980-е годы роль географических факторов экономического развития изучать было не принято. Экономисты разрабатывали темы внешних факторов экономического роста, географы не включали в свои исследования проблемы экономического роста и его природы. Эффективного взаимодействия этих наук в изучении факторов экономического роста не получалось.

По причинам радикальной экономической реформы и начала московского периода научного творчества А.Г. Гранберга в 1990-е годы усиливаются тенденции к расширению его исследовательских интересов. На третьем этапе (1991–2004 годы) тематика его статей включает вопросы региональной политики и регионального развития, реструктуризации старопромышленных регионов, взаимоотношений регионов и федерального центра. В фокусе исследований становится реакция экономики российских регионов на радикальное реформирование, увеличение открытости российской экономики и распад СССР.

В последний, четвертый, период научного творчества (2005–2010 годы) А.Г. Гранберг обратился к идее междисциплинарного синтеза наук о пространстве. В его учебнике «Основы региональной экономики»[1] содержатся первые свидетельства этого красивого замысла. Он стал думать об этом под влиянием эволюции взглядов создателя региональной науки В.Айзарда, который в последние годы своей жизни стал активным сторонником создания единой науки о пространстве.

Действительно, перспективы синтеза дисциплин, занимающихся изучением пространства, оказываются намного более захватывающими и грандиозными, чем при интеграции наук, которые исследуют региональную проблематику. Пространственная парадигма открывает возможности для междисциплинарного синтеза специалистам естественных и технических наук, для которых региональная наука была абсолютно чужой.

Мечта А.Г. Гранберга стала обретать конкретные очертания после утверждения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации. Междисциплинарный синтез»[2]. В ответ на современные тенденции «разбегания» наук, в русле энциклопедических традиций российской науки как единого социального института, без дисциплинарных перегородок, была предложена новая платформа их интеграции – на основе синтеза знаний о пространстве, интеграции частных теорий, формирования все более интегрированных научных представлений о пространстве. А.Г. Гранберг отмечал, что междисциплинарность исследований пространства будет заключаться не только в расширении предмета исследований (совместном изучении разных видов пространства), но и в синтезе понятийного аппарата и методологии естественных, технических и общественных наук…[3]

Этот мощный замысел в современных условиях создания основ инновационной экономики в России может способствовать установлению конструктивного диалога между когнитивными (общественными), естественными и техническими науками на платформе пространственной парадигмы и нового понимания пространства как основы инновационного, творческого процесса.

Такие идеи широкого междисциплинарного синтеза периодически выдвигаются в мировой науке. Например, К.Маркс в 19 веке убежденно говорил: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»[4]. Несмотря на то, что эти проекты, как правило, никогда полностью реализовать не удается, они исключительно полезны для развития науки, потому что противодействуют тенденциям безудержной дифференциации наук и измельчения тематики научных работ.

В этот же период происходит возвращение интереса к работе А.Леша, которой А.Г. Гранберг увлекся еще в своей юности. По его инициативе в России осуществляется

[1] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ. 2000. 495с.

[2] Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации. Междисциплинарный синтез. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М.: 2009. 31с.; Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России// Регион: экономика и социология. 2009. №2. С. 166–178. С. 170.

[3] Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 166–178. С. 170.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 24. Взаимодействие «истории природы и истории людей».

Таблица 1

Избранные работы А.Г.Гранберга

Количество ссылок	Авторы	Название	Издательство
2	А.Г. Аганбегян, К.А. Багриновский, А.Г. Гранберг	Система моделей оптимального народнохозяйственного планирования	Мысль. 1972
109	А.Г. Гранберг	Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства	**Мысль. 1973**[2]
25	А.Г. Гранберг	**Математические модели социалистической экономики**	**М.: Экономика. 1978**
10	А.Г. Гранберг	Исследование экономического развития Сибири в разрезе широтных зон и мезорегионов	Изв. СО АН СССР. Сер. обществ, наук. 1983
14	А.Г. Гранберг	**Динамические модели народного хозяйства**	**М.: Экономика. 1985**
2	А.Г. Гранберг	Взаимосвязь структурной и пространственной политики экономического развития Сибири	Изв. СО АН СССР. Сер. обществ, наук. 1986
2	А.Г. Гранберг	Об идеях Августа Лёша по пространственной организации хозяйства: оценки советских экономистов и географов	Препринт. ИЭиОПП. 1986
14	А.Г. Гранберг	**Моделирование социалистической экономики**	**М.: Экономика. 1988**
3	А.Г. Гранберг	Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего	Общество и экономика. 1999
282	А.Г. Гранберг	**Основы региональной экономики**	**М.: ГУ ВШЭ. 2000**
10	А.Г. Гранберг, Ю.С. Зайцева	Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика	М.: СОПС. 2003
2	А.Г.Гранберг	Идеи Августа Лёша в России	Пространственная экономика. 2006

переиздание книги А. Леша «Географическое размещение хозяйства» (первое издание было предпринято в 1959 году).

Эмоционально и вдохновенно написан раздел о А.Леше в последнем учебнике А.Г. Гранберга. “Наибольшим научным достижением А.Леша, поднимающим его над всеми теоретиками пространственной экономики до первой половины 20 века, является разработка принципиальных основ теории пространственного экономического равновесия. Здесь А. Леш занимает место, подобное Л. Вальрасу в общей экономической теории”… Очень конструктивно сопоставление методов регионального мышления А.Леша – дедуктивный (абстрактный) теоретический анализ и эмпирический (индуктивный) подход К. Маркса. Эти подходы не являются альтернативными для получения верных выводов, могут и должны друг друга дополнять при изучении конкретных ситуаций и проблем. Однако общая теория в принципе не может быть выведена эмпирическим путем. Заслуга А.Леша состоит в том, что он ярко продемонстрировал логику и операционализм абстрактного мышления, открыв тем самым своим последователям прямой путь для создания общей теории пространственной экономики[3].

Учебники как вехи научной биографии.

[1] Составлено на основе данных Интернет-программы Publish or Perish, данные за ноябрь 2010 года.

[2] Жирным шрифтом обозначены учебники.

[3] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 2000. С. 64; 65–66.

Научное наследие А.Г. Гранберга включает более 550 научных работ, в том числе более 30 монографий. Этот факт подтверждает то, что талантливый ученый – это в том числе вопрос количества. Там, где одаренный человек успевает написать десятки научных работ, талантливый в силу особой плотности мышления и организации времени для творчества успевает подготовить сотни научных работ.

Если сравнивать Интернет-рейтинг цитируемости работ А.Г. Гранберга, то он станет абсолютным чемпионом среди своих коллег-экономистов (академиков, членов-корреспондентов и докторов наук). Только его учебнику «Основы региональной экономики» удалось перейти границу в 200 ссылок; другие, самые именитые, авторы не преодолели рубеж в сто ссылок (табл. 1).

Учебники для А.Г. Гранберга – это вехи научной биографии, возможность впервые высказать свои задушевные мысли, многие из которых нигде более не будут больше изложены. Каждый из них всегда был событием в отечественной регионалистике. Охарактеризуем более подробно последний учебник А.Г. Гранберга – «Основы региональной экономики».

Книга привлекает своей строгостью, лапидарностью изложения, фактурностью. Она, безусловно, вносит вклад в создание жизнеспособной системы преподавания экономических дисциплин, регионализацию экономического мышления и образования, поднимает интерес (как можно судить по ее уникальному Интернет-рейтингу) к региональной экономике как перспективной науке и активизирует ее преподавание в вузах разного профиля. Этот учебник не просто для студента, но для будущего исследователя региональных проблем России.

Миссия учебника заявлена четко и с первых же страниц – “экономическая география и размещение производительных сил мало связаны с фундаментальными дисциплинами современного экономического образования (макроэкономикой и микроэкономикой), оставляют в стороне изучение основных проблем рыночной экономики…” (с. 9). Это заявление абсолютно созвучно усилиям лауреата Нобелевской премии по экономике 2008 года П.Кругмана в последние два десятилетия по синтезу макроэкономики и теории размещения производительных сил в пространстве.

Учебник А.Г. Гранберга смог преодолеть многолетнюю, свойственную советскому времени, интеллектуальную замкнутость российской региональной науки, дал широкую панораму мирового опыта и знания, парадигм и моделей. В книге многогранно использована зарубежная методология регионального экономического анализа, приведен зарубежный опыт регионального развития.

Автор призывает к новому конструктивному синтезу западных традиций и российской “почвы” в исследовании проблем регионального развития. Он приверженец взвешенного подхода, при котором самобытность, исключительность, неповторимость России не являются непреодолимым барьером для продуктивной селекции зарубежного опыта. С другой стороны, одновременно он пишет и о том, что знание мирового опыта должно сочетаться с пониманием груза и бремени российской генетики – трагической истории 20 века, от которой никто из современных лиц, проводящих региональную политику на федеральном или региональном уровне, не свободен.

Учебник выигрышно отличает умеренный, без какой-либо определенной идеологической доминанты, не ангажированный, “естественно-исторический” подход к проблемам региональной политики: “Среди ученых-регионалистов редко встречаются приверженцы крайних позиций: или полностью рыночная экономика (радикальный либерализм) или централизованно-управляемая экономика” (с.83–84).

В книге нет споров либералов и государственников. И эта мировоззренческая отстраненность, положение “над схваткой” очень важны и типичны для лучших современных представителей региональной науки. Это продолжает традиции российских “естествоиспытателей” – А.А. Богданова, В.И. Вернадского, П.А. Флоренского, всегда понимавших уязвимость и неизбежную неполноту любой, самой красивой, “политически корректной” модели общественного развития, сложную диалектику общественной жизни, всегда выскальзывающей из сетей господствующих доктрин и жестких идеологических постулатов. В реальной практике регионального развития ощутимо видно фиаско чистого рынка и тотального огосударствления общественных процессов, и сама жизнь подвигает к более диалектичному и менее безапелляционному восприятию реальности. Однако

инструменты региональной политики соотносятся с господствующей макроэкономической идеологией: при господстве рыночного либерализма сокращаются региональные льготы; усиление приоритетов государственного регулирования способствует более активному использованию региональных макрорегуляторов.

Автору мало дать простое описание общеметодогических вопросов, экономической ситуации в регионах России и набора инструментов региональной политики, используемых государством для коррекции направлений регионального развития. Он хочет работать на сверхзадачу: строительство фундамента – создание целостной теории пространственной экономики. Поэтому в учебнике так подробно изложен процесс рождения каркасных положений современной регионалистики. Поэтому ставится амбициозная задача сделать региональную экономику "третьим китом" в фундаментальной подготовке экономистов – наряду с макро- и микроэкономикой. А вослед за фундаментом можно уже будет возводить этажи конкретной экономики регионов.

Оригинальность мышления автора и новизна изложения уже хорошо известных фактов и сведений хорошо видны при оценке социально-экономического развития регионов России 1990-х годов. Здесь А.Г. Гранберг уходит от широко известных штампов, дает этим явлениям свою интерпретацию.

Книга построена как триптих – сначала "Теория и методы региональной экономики" затем "Региональные проблемы России", а завершает ее часть "Государственное регулирование регионального развития". При этом первый раздел логически сцеплен с третьим, а второй – это собственно не проблемы, а описание ситуации в региональной политике в переходный период 1990-х годов.

Учебник начинается с определения основных понятий региональной экономики и ее места в системе общественных наук (глава 1 "Региональная экономика как наука"). Из многочисленных положений, изложенных здесь, хотелось бы выделить рассуждения о междисциплинарности региональной науки как условие насыщения ее новыми идеями, укрепления жизнеспособности. Действительно, ученые-регионалисты склонны к более широкому, чем коллеги-экономисты, не зашоренному взгляду на общественные процессы. С одной стороны, эта универсальность объективно ослабляет, делает менее строгой саму науку. С другой, она же позволяет осуществлять конструктивную экспансию методов других наук, широко использовать мышление от аналогии [1].

Глава вторая "Теоретические основы региональной экономики" особенно хороша и выдает ученого широкой эрудиции и профиля, безусловного лидера российской региональной школы. Именно здесь подробно рассматриваются собранные трудами предшественников строительные материалы и конструкции для создаваемой синтетической теории, анализируется ход научной мысли о пространстве и законах организации его экономики.

Затем А.Г. Гранберг подробно разбирает развитие советской региональной науки с позиций сравнения его с параллельно идущим развитием науки западной и делает интересное замечание о советской – как науке эмпирических обобщений плановой практики, а западной – теоретической аксиоматики и абстрактных ситуаций. Он пишет о том, что западные теории концентрируют внимание на рациональном поведении экономических субъектов в экономическом пространстве, а советские были исключительно нормативными, отвечали на вопросы, где в интересах единого народнохозяйственного комплекса необходимо размещать новые производства, куда перемещать население, какие новые регионы необходимо осваивать[2]. Советская региональная школа была ориентирована на более масштабные проблемы, чем преобладающая часть ученых-регионалистов Запада (с.78).

Среди бегло прозвучавших здесь, но имеющих очень большую нагрузку, мыслей, отметим:

- эволюция теории региона отражает повышение роли нематериальных целей и факторов экономического развития, возможности междисциплинарных знаний и переход регионов на модель устойчивого развития;
- уход от детерминизма к категориям ри-

[1] Видный европейский регионалист Э. Куклински масштабно использует метод аналогий в региональном экономическом анализе, а патриарх региональной науки У.Айзард в своей последней книге настаивает на синтезе искусства, науки и религии и пишет об общих закономерностях эволюции.

[2] Неслучайно при переходе к экономике рыночного типа приоритеты математического моделирования смещаются в сторону дескриптивных моделей (ранее – нормативных).

ска и неопределенности в современной российской региональной науке;

• перспективность институционального подхода к региональному развитию;

• сопряжение современной теории размещения производительных сил с теорией отраслевых рынков.

Очень полезный инструмент, который может эффективно использоваться для объяснения различных феноменов регионального развития, приводится в самом конце главы: четыре парадигмы региона – как квазигосударства, квазикорпорации, рыночного ареала и как социума. Эта полиструктурность (множественность структурной организации) есть качественное свойство региона.

Третья глава, богато иллюстрированная, посаженная на фактуру, с сильным креном к исследованию межрегиональных связей, посвящена методам регионального анализа. Здесь приведены все значимые работы российских регионалистов 1990-х годов по этой теме[1]. В этом смысле она может считаться энциклопедией для наших потомков, хорошо передающей атмосферу эпохи, – летописью методов, индикаторов (индексов, рейтингов) и статистических показателей, которые специалисты региональной науки России широко использовали в своих исследованиях в драматичный переходный период 1990-х годов.

Анализируя сущность и силу связей между элементами регионального механизма и внешней экономической средой (федеральными регулирующими системами, экономиками других регионов и мировыми рынками), автор делает здесь фундаментальный вывод: при переходе к рыночной экономике для внутренних и прямых межрегиональных и международных связей типично их усиление, для связей с федеральными системами – изменение качества связей или ослабление (с. 97; рис. 3.1., табл. 3.1.).

Учебник переходного времени не может не иметь главы, в которой предметно дана оценка ситуации – демографическая, инвестиционная, динамика промышленного производства, занятости. Именно это и является темой пятой главы "Региональная динамика и трансформации экономического пространства". И здесь, как всегда у А.Г. Гранберга, делается попытка научного обобщения состоявшихся в 1990-е годы реалий: "Многие региональные "напряженности" в экономике переходного периода являются проявлением противоречия между инерционностью размещения материальных элементов национального богатства (природных ресурсов, основных производственных и непроизводственных фондов) и возросшей динамичностью экономических условий производства, труда, жизнеобеспечения" (с. 260).

Содержателен подраздел, который посвящен проблеме выравнивания развития регионов (5.3.3. "Перспективы сближения регионов"). Здесь впервые, пожалуй, в нашей литературе формируются новые идеи: "Прямолинейный подход к межрегиональному выравниванию неосуществим в обозримом будущем. Практический смысл представляет более скромная цель – не добиваться выравнивания любой ценой, а уменьшать отставание экономически менее развитых регионов" (с. 297).

Заключительные страницы написаны очень красиво. В разделе 5.4. "Дезинтеграционные тенденции и возможности их преодоления" для того, чтобы выпукло показать эффекты различных режимов внешней торговли на тонус регионального развития, уместно и убедительно используется метод экономико-математического моделирования. Сделан важный вывод, что экономический рост в стране будет осуществляться при опережающем росте межрегионального товарообмена.

Следующий раздел 5.5. "Необходимость новой стратегии территориального развития страны" насыщен оригинальными мыслями: "Не следует надеяться, что новые реалии 21 века будут только сглаживать противоречивый характер экономического пространства России, а не создавать новые коллизии – необходимо будет решение новых сложных проблем" (с. 311). "Ось "Запад-Восток" теперь уже не выступает определяющей в трансформациях российского экономического пространства. В 21 веке к ней добавляются стратегические дилеммы "Север-юг", центр-периферия" (с.314).

Шестая глава посвящена различным типам проблемных регионов, наиболее пострадавшим в результате радикальной экономической реформы. Здесь на основании сравнения траекторий экономического роста

[1] Дмитриева О.Г. Региональная экономическая диагностика. СПб 1992; Анализ тенденций развития регионов России: типология регионов, выводы и предложения. М.:ТАСИС.1996; Михеева Н.Н. Макроэкономический анализ на основе региональных счетов. Владовосток. Дальнаука. 1998 и др.

в стране и регионах при разных темпах роста приведены убедительные доказательства, что полное выравнивание регионов по величине ВРП на душу населения в обозримой перспективе абсолютно невозможно, что следует признать как математический факт. Одна из причин существования новой региональной "проблемности" – это возникшее в переходный период противоречие между научно-технической прогрессивностью отраслевой структуры и ее рыночной эффективностью (с. 328).

Седьмая глава обобщает мировой (прежде всего европейский) опыт государственного регулирования регионального развития[1]. И это тем более актуально, что в самое последнее десятилетие в этом процессе в Евросоюзе произошли радикальные подвижки, которые, возможно, частично объясняют позитивный факт постепенного подтягивания отставших регионов к среднему уровню. Во многих странах приняты федеральные законы о региональном развитии. Центр тяжести в региональной политике перемещается с макроинструментов на микроинструменты – регулирование рынка труда (прежде всего поощрение мобильности работников) и рынка капитала. Государственное участие в региональном развитии во многих случаях осуществляется через поощрение позитивных структурных сдвигов в локальной экономике. Нередки случаи, как пишет автор на примере корпорации "Рурколе", когда спасение географически сконцентрированной кризисной отрасли одновременно используется для модернизации всей экономики региона.

Очень важен новаторский для данной темы раздел про институты регулирования регионального развития, в котором А.Г. Гранберг фиксирует расширение круга участников региональной политики в Евросоюзе. Здесь уже нет монополии одного центрального государственного органа, ответственного за регулирование регионального развития; помимо административных и законодательных органов государственной власти важную роль играют консультативные, проектные, экспертные исследовательские организации.

В последней, восьмой, главе учебника "Государственное регулирование регионального развития в Российской Федерации" подчеркивается необходимость сочетать разнообразие конкретных подходов к решению проблем в отдельных регионах и единство общих принципов функционирования рынка на всем экономическом пространстве, общие правила экономического взаимодействия центра и регионов, всех хозяйствующих субъектов. Автор пишет здесь про специфику российской региональной политики – необходимость укрепления целостности государства и общества как ее сверхзадачу.

На протяжении всей книги автор неоднократно высказывает парадоксальные мысли, которые опрокидывают устоявшиеся представления, стимулируют читателя к самостоятельным интеллектуальным усилиям. Остановимся на некоторых из них. "Качество начинающегося экономического роста будет характеризоваться не столько приближением наиболее отсталых регионов к лидерам, сколько увеличением числа регионов с положительными темпами прироста" (с. 298). "Возобновление интеграционной тенденции не станет реинтеграцией в том смысле, что начнут восстанавливаться прежние экономические связи, существовавшие в едином народнохозяйственном комплексе конца 1980-х годов. Это уже невозможно и нерационально… Новая интеграция будет строиться в соответствии с новыми критериями эффективности и изменившимися объективными условиями" (с. 309). "…Благодаря экономической интернационализации российского пространства мировое сообщество будет в большей степени заинтересовано не в его расчленении, а в эффективном функционировании как необходимой части мировой экономики" (с. 312).

"В опыте решения региональных проблем разных стран главное – не масштаб страны, а ее региональное разнообразие и степень активности региональной политики государства" (с. 347). "В богатом государстве доля регионов со статусом "отсталых" (слаборазвитых) может быть даже больше, чем в бедном". "Большие различия между странами в целом (по суммарным или средним характеристикам) сочетаются со значительным сходством между определенными типами регионов в разных странах".

[1] Ее квинтэссенцией является табл. 7.5, в которой систематизированы сведения об использовании различных макро- и микроинструментов региональной политики в странах ЕС (с. 379).

Научное завещание А.Г. Гранберга. Три проекта, которые вдохновляли академика РАН А.Г.Гранберга в последние годы его жизни и остались пока не осуществленными, можно считать его научным завещанием нам, его коллегам. Первое – это программа Президиума РАН междисциплинарного синтеза наук о пространстве. Нам предстоит предпринять усилия для укрепления интеграции понятийного аппарата, инструментария, концептуальных представлений различных наук во имя углубления и расширения представлений о развитии российского пространства и путях его трансформации.

Второе – это подготовка и проведение Конгресса европейской ассоциации региональной науки в Санкт-Петербурге. С момента проведения последнего Конгресса в России в 1993 году в Москве прошло уже более 17 лет. Необходимо предпринять усилия по проведению нового Конгресса, что одновременно позволит консолидировать российское сообщество региональных исследователей и теснее интегрировать его в международное сообщество.

Третье – это подготовка новой версии учебника «Основы пространственной экономики». Он должен учесть реалии постиндустриальной трансформации российской экономики, закономерности и особенности нового размещения производительных сил России, общий вектор инновационного развития российских регионов, важнейшие тренды российского и мирового развития, развития мировой региональной науки нулевых и десятых годов.

По мере того как увеличивается время с момента ухода от нас академика А.Г. Гранберга, все больше начинаешь ценить остроту и быстроту его интеллекта, его преданность региональной науке, его умение ставить амбициозные задачи и добиваться их выполнения. Осознаешь, какое это счастье работать под руководством умного лидера. Масштаб его личности и сила мышления, опережающего время, становятся для нас, его современников, все яснее и очевиднее.

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Елацков А.Б.
(г. Санкт-Петербург)

ГЕОАДАПТАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Elatskov A.B. (Saint-Peterburg)

GEOPOLITICAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF GEOADAPTATION

Аннотация. *С позиций деятельностно-геопространственного и георелляционного подходов в статье предпринята попытка рассмотреть геополитику и другие виды деятельности человека и общества в геопространстве как частные случаи геоадаптации общества. Последняя представляется системой геоадаптационных отношений как элементарных объектов исследования. Одним из видов геоадаптационных отношений являются отношения геополитические. Рассматриваются такие понятия, как: геострессор, геоадаптационный горизонт, геоадаптационное поле.*

Annotation. *In this paper was made an attempt to consider geopolitics and other activities of society in geographical space from the viewpoint of activity-geospatial and georelational approaches as special cases of geoadaptation of society. The latter is a system of geoadaptative relations as basic objects of study. One of the types of geoadaptative relations are geopolitical relations. From this perspective the concepts of geostressor, geoadaptative horizon, geoadaptative field and some others are examined.*

Ключевые слова: *геоадаптация, геополитика, геополитическое отношение, общественная география*

Key words: *geoadaptation, geopolitics, geopolitical relation, human geography*

Проблемное поле. Более двадцати лет в России активно развиваются геополитические исследования. За это время в оборот вошло множество вариантов интерпретации предмета геополитики. Одним из наиболее интегративных нам представляется предложенный Н.В.Калединым деятельностно-геопространственный подход [15]. На его основе и с помощью анализа различных исторических парадигм обосновано выделение *геополитического отношения* (ГПО) в качестве базовой категории теоретизации политической географии и геополитики, их элементарного объекта исследования. Оно служит «обозначением того системообразующего отношения предметной области, к которому сводятся все политико-географические явления» [15, с.113]. Основанный на расширенном использовании данной категории подход нами предлагается обозначить как георелляционный или реляционно-геополитический (в отличие от деятельностного, он предполагает равноправность сторон ГПО).

В связи с рассмотрением геополитики в таком ключе, неизбежно возникает вопрос о ее месте в системе различных видов деятельности и научного знания. Каковы ее «горизонтальные» и «вертикальные» связи? Если для политической географии, выступающей частью общественной географии, эта проблема не столь остра, то для геополитики, «разрываемой» между политическими и географическими науками, найти «законное» место куда проблематичнее. Тем более надо учесть, что геополитика – не только наука, но и вид деятельности. «Параллельные» науки для политической географии – другие отрасли географии, а что «параллельно» геополитике? Кто-то назовет геоэкономику, геокультурологию и некоторые другие направления. Но геоэкономика часто рассматривается как отрасль геополитики. Различные «гео»-общественные науки, по аналогии с геополитикой, должны находиться на стыках соответствующих географических и обществоведческих дисциплин, отражать специфический вид деятельности.

Для осмысления места геополитики в системе знания требуется выявить ее родовое понятие. Самым простым решением данного вопроса было бы считать геополитику (геополитическую науку) составной частью либо только политики (политологии), либо только территориальной организации общества (общественной географии). Большинство авторов так и поступает. Однако политология без географического фактора перестает быть геополитикой, как и география без рассмотрения политики теряет даже политическую географию. Очевидно, что обе стороны ГПО и отражающие их области знания не сводимы друг к другу. Политическое отношение не может являться родовым для географического отношения, которое имманентно присуще ГПО. Как и наоборот. (Мы не будем здесь обсуждать мнение некоторых политологов, что геополитика якобы может обойтись без учета географических факторов.) Кроме того, такой подход отделяет геополитику от «параллельных» ей видов познания и деятельности, имеющих родственную ей деятельностно-геопространственную специфику.

При сопоставлении двух сторон ГПО – геопространственной и политической – становится очевидна разная степень их общности. Если геопространство – это целостный объект, максимально обобщенное в своем роде понятие, то политическую деятельность таковой назвать нельзя. Любая политическая деятельность имеет пространственное выражение, но таким свойством обладает и деятельность вообще. Последняя, очевидно – родовое понятие для политической деятельности. В чем же общность всех прочих видов геопространственной деятельности общества с геополитикой? С позиций синергетического подхода, и то, и другое – проявление некоторой специфической сферы жизнедеятельности человека и общества, одним из функциональных направлений которого и предстает геополитика. Можно называть эту сферу по-разному: «геоуправлением», «геодеятельностью» и тому подобными терминами, которые, однако, этимологически подчеркивают лишь одну сторону процессов взаимодействия или несодержательны. Возможно, одним из оптимальных наименований был бы предложенный автором в данном широком смысле термин *«геоадаптация»* [11, с.124]. Он разнопланов и богат смыслами. Это подтверждается и тем, что геополитический процесс с точки зрения деятельностно-геопространственного подхода рассматривается как взаимоадаптация политики и геопространства [15, с. 87]. Данный термин нашел применение у авторов, рассматривающих схожие проблемы как с общественно-, так и с эколого-географических позиций [14, с.113; 29].

Распространение самого понятия адаптации на различные виды человеческой деятельности представляется вполне правомерным. Так, Ю.А.Урманцев отмечает, что укоренившиеся эколого-биологические дефиниции адаптации слишком узки для такого междисциплинарного и сложного понятия [27]. Болгарский философ И.Калайков также рассматривал понятие адаптации как общенаучное [13, с.23]. Д.Харвей считал адаптивными системами такие, которые имеют привилегированные состояния или выходы, достигаемые посредством обратных связей [28, с.445]. Адаптационный подход широко используется в естественных, общественных и технических науках. (Можно, например, вспомнить, что еще Г.Спенсер в конце XIX века использовал адаптационный подход к изучению эволюции общественных институтов [24, с. 512-514, 584–589].) Э.М.Эльдаров, использовавший термин «геоадаптация» в социально-экологическом аспекте (и как синоним «территориальной адаптации»), отмечал повышение значимости адаптационного подхода в современной географии [30, с.3–4]. Харвей писал, что «адаптивная система представляет значительный интерес для географии, но при изучении этих систем мы должны раскрывать понятие “привилегированное состояние” и все, что с ним связано» [28, с.446]. Адаптация сообществ к ландшафтам рассматривается как один из основных факторов и в теории этногенеза по Л.Н. Гумилеву [9, с.185]. Так или иначе, независимо от наименования рассматриваемой стороны жизнедеятельности общества, адаптация является одним из ее ведущих механизмов. При этом «в основе методологии адаптационного подхода лежит теория эволюции как наука о причинах, движущих силах и общих закономерностях развития живой природы» [30, с.6]. С эволюционной точки зрения, почти все признаки организации являются адаптивными.

Отметим сразу, что геоадаптацию общества мы рассматриваем в качестве инте-

Рис. 1. ГАО и ГПО в контексте геопространства и видов деятельности

грального процесса, то есть включающего в себя как общественно-природные, так и внутриобщественные взаимодействия в геопространстве (последнее состоит из ряда планетарных сфер и включает как природные, так и социальные, и духовные компоненты: гидросферу, ландшафтную сферу, биосферу, социосферу, ноосферу и т.д.). Социально-экологический аспект геоадаптации – лишь одна из сторон этого сложного и многогранного явления. Вместе с тем, распространение понятия геоадаптации и на все внутриприродные отношения [14, с.113–114] представляется спорным. (Хотя в широком смысле оно, конечно, может применяться к некоторым биологическим и техническим системам.) То же самое надо сказать и про понятие деятельности, которая, по мнению многих философов, является специфическим человеческим феноменом (с этой точки зрения упоминание о деятельности природы – лишь метафора или отсылка к телеологии, к гипотезе Геи). Это не означает, что рассмотренный подход не может быть поднят на ступень выше – к общегеографическому синтезу. Но в таком случае надо переходить к более общим категориям, чем адаптация и деятельность. (Впрочем, если считать стержневой задачей всей географии только изучение взаимодействия природы и общества [7, с.89], то более сильного абстрагирования не требуется. Но такой взгляд, очевидно, неприемлем для естественного крыла географии, как и для отдельных общественно-географических субдисциплин.)

Таким образом, геополитика предстает в качестве частного случая геоадаптации, или как геоадаптация политического типа. Аналогичные по структуре области деятельности в геопространстве – геоадаптация экономического, социального, духовного и экологического типов. В более «дробном» выражении можно рассматривать множество различных функциональных отраслей геоадаптации общества: военная, природно-ресурсная, рекреационная, культурная, миграционная и т.п. Как и геополитика, они интегративны и для разрешения внутренних противоречий вовлекают в свою орбиту другие функциональные отрасли геоадаптации. Так, геоэкономика становится расширением геополитики, но можно рассматривать и обратную ситуацию. Любая деятельность человека и общества в геопространстве может адекватно рассматриваться через призму геоадаптации. Это и использование природных ресурсов, и берегозащитные мероприятия [30, с.29], и прокладка транспортных магистралей, и процесс расселения, и планировка городов, и размещение предприятий, и многие другие феномены. Как обобщенные модели массо-

вой геоадаптации можно рассматривать, например, гексагональную систему центральных мест В. Кристаллера и экономические кольца И.Тюнена. В этом же ряду находятся и геополитические явления. Так, и межгосударственные союзы, и политические границы, и даже войны (особенно те, которые имеют целью территориальную экспансию или защиту от нее) можно рассматривать в ракурсе геоадаптации.

С точки зрения георeляционного подхода, в самом общем виде можно считать, что геоадаптация проявляется в системе разнокачественных отношений между разноплановой деятельностью субъектов и геопространством, а как мышление и деятельность она представляет собой выявление и организацию этой системы отношений. Исходя из контекста, назовем эти отношения *геоадаптационными* (ГАО) [11, с.125; 14, с.113]. Они различаются по сферам деятельности, так что ГПО выступает как один из множества их видов (*рис. 1*). При данном подходе можно заметить, что все иные виды ГАО оказывают опосредованное влияние на ГПО двумя путями: через сферу деятельности и содержанием геопространства. Отметим, что под субъектом геоадаптации мы понимаем некоторую адаптивную систему – индивида или сообщество, способных к активной координированной деятельности, так как «целостность адаптивной системы не могла бы проявиться, если бы она просто суммировала активность частей» [13, с. 31].

Но геоадаптации как отдельной области исследований пока не существует, и картина вырисовывается более сложная. Так, ГПО являются объектом одновременно и геополитики, и политической географии. Дискуссия об их соотношении продолжается до сих пор, но отметим лишь, что геополитика и политическая география – имеют разные, хотя и пересекающиеся, области исследования (предметы). Аналогичные соотношения должны быть характерны и для других функциональных отраслей, но очень немногие из них сформировались как самостоятельные исследовательские направления. В 1930-х годах на волне популярности геополитики в Германии предпринимались попытки сформировать целый блок специфических «геонаук» – от геополитики до геопсихологии и геоюриспруденции. Позже идея оказалась дискредитирована политизированностью их содержания. Сегодня под геонаукой понимается комплекс наук о Земле – геология, геохимия, география. Геоадаптационные же науки рассыпались на независимые частные разделы отраслевых наук, часто с изменением предмета исследований (как, например, традиционная геопсихология). Лишь общественная география (или гуманитарная в интерпретации Ю.Н.Гладкого, то есть как *human geography*, что несколько шире, чем «общественная» [7, с.23]) остается пока единственной познавательной системой, охватывающей, хотя и односторонне, общественно-геоадаптационные процессы в целом. Есть и другие интегративные направления исследований, хотя и затрагивающие значительно меньший круг вопросов. Так, важную роль в данной сфере играет широко понимаемая региональная политика. С.С.Артоболевский считает, что «к региональной политике правомерно отнести любую деятельность государства, в рамках которой достижение определенных пространственных целей осознанно становится на первый план» [4, с.4]. Нельзя обойти вниманием и региональную науку В.Айзарда, и современную глобалистику.

Для всех дисциплин, изучающих те или иные виды геоадаптации, объектом исследования фактически являются специфические виды ГАО, имеющие соответствующие наименования. Так, если для геополитики объектом выступают ГПО, то «в качестве объекта геоэкологии выступают совокупность всех субъектов и объектов антропогенного воздействия… и их экологические отношения» [12, с.44], У.И.Мересте писал о промышленно-географических отношениях как «исходной клетке» географии промышленности [19, с.30]. Н.В. Калединым предложено понятие *геообщественного отношения* как объекта общественной географии и синоним геоадаптационного отношения общественно-геопространственного типа [14, с.113]. Однако с нашей точки зрения, ГАО общества и геообщественные отношения – понятия разные. Геообщественные отношения представляют собой совокупные (агрегатные) ГАО общества в целом, и отражают лишь ту сторону геоадаптации, которая изучается географией общества. Кроме того, категория «общество», в отличие от «политики» и «адаптации», обозначает не вид деятельности, а ее субъекта. Надо отметить, что в понятиях геополитики и геоадаптации имеется существенное различие по масштабности:

если геоадаптацию можно рассматривать даже на локальном уровне деятельности отдельного индивидуума (например, фермера на острове), то масштабность геополитики определяется масштабностью политических процессов (и, соответственно, геополитических субъектов). В чем-то аналогичное различие наблюдается между геоадаптационными и геообщественными отношениями. Ю.Н.Гладкий в качестве главного объекта географии предлагает рассматривать корреляционные отношения между обществом и природой. Под такими отношениями он понимает «связи, взаимодействия..., кругообороты, потоки, наконец – системы... приуроченные к конкретной пространственной арене» [7, с.89]. Гуманитарная же география, по его мнению, исследует корреляционные отношения в рамках очеловеченной природы [там же, с.105]. Безусловно, такие отношения объективны и их изучение крайне важно. Однако они представляют лишь часть интересующих нас геоадаптационных и геообщественных отношений. (Кроме того, термин «корреляционные» трудно признать удачным из-за дополнительных смыслов.)

Характер геоадаптации. Понятие адаптации является общенаучным, но ее специфические конкретно-научные характеристики определяются природой участвующих в адаптивном процессе систем и их сторон. «Понятие адаптации, – отмечает Калайков, – отображает в своем содержании как общее – одну из бесчисленных сторон универсальной связи и взаимодействия действительности, так и особенное – содержание объективных связей и диалектических отношений между организмом и средой. В конечном счете это понятие отображает и специфические, конкретные формы связи живых систем с окружающей средой» [13, с.25]. Особенными чертами обладает и географическая адаптация (геоадаптация) человека и общества. Иногда адаптацию ошибочно противопоставляют активному изменению среды субъектом. Но здесь будем трактовать ее более широко. Другими словами, мы рассматриваем субъекта одновременно как *адаптирующегося, адаптирующего* и *адаптируемого*.

С эволюционной точки зрения в геоадаптации ключевую роль играют две характеристики: *устойчивость* и *изменчивость* [30, с.13]. Наблюдается два полюса: где социальные или природные явления повторяются, там большую роль играют традиции и культурные нормы («закрепление» геоадаптационного эффекта), а где преобладает изменчивость и уникальность ситуаций – инициативное поведение (в биологии в этом случае говорят о «срочной» адаптации). В разных сферах деятельности возможность закрепления геоадаптационного эффекта различна. В сельском хозяйстве, например, повторяемость явлений высока. В результате возникает традиционное землепользование, приспособленность к климату и т.п. Как элемент постоянной среды адаптируются иноязычные топонимы. Многие локальные адаптационные признаки биологически закрепляются в генах народов [6]. Соответственно, как отмечает Э.М.Эльдаров, принципиально различны типы геоадаптации к местной природной среде у мигрантов и старожилов [30, с.12]. Во внешней политике, наоборот, доминирует изменчивость, где традиционное регулирование минимально, но даже здесь, обобщая исторический опыт социума, вырабатываются некие «геополитические коды». В целом можно утверждать, что чем меньше отработана система реакций на определенный фактор среды, тем больше требуется управленческих вмешательств и стратегического планирования. Наиболее постоянными в жизни общества являются, безусловно, природные факторы. Тем не менее, нет прямой зависимости повторяемости (постоянства) фактора от доли природы в его образовании (так, разрушительные стихийные бедствия относительно редки и нерегулярны). Несколько спорно утверждение Эльдарова, что «высокая частота флуктуаций в пределах полосы стабильного развития ведет к расширению порогов сопротивляемости по отношению как к внешним, так и внутренним дестабилизирующим факторам, иными словами к “закаливанию” системы» [30, с.15]. Действительно, опыт геоадаптации к отрицательному фактору имеет большое значение, но слишком частое его действие во многих случаях может приводить к истощению адаптационных возможностей.

Фактор среды, вызывающий потребность в адаптации, именуется стрессором в широком системном смысле (от англ. stress и -or, т.е. создающий давление, нагрузку, напряжение), что отличается от узко-физиологиче-

ского подхода. В контексте геоадаптации мы назовем его *геострессором*. Он может быть как положительным (например, открытие новых ресурсов требует адаптироваться к их использованию), так и отрицательным (прямое негативное или тормозящее влияние на субъекта). Его основное отличие – географический характер (территориальная локализация или привязанность к географической среде как, например, глобальные климатические изменения).

Однако большинство характеристик геоадаптации относительны и зависят от исторических, пространственных, ценностных и других систем координат. Так, геоадаптацию следует рассматривать в нескольких исторических масштабах (*геоадаптационных горизонтах*). Адаптация среды субъектом часто имеет мотивацию получения только непосредственного результата. «И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему» [31, с.499]. Любое преобразование нарушает сложившиеся процессы и соотношения в геопространстве, последствия чего не всегда положительны и прогнозируемы. Так, Ф.Энгельс отмечал, что «людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран» [там же, с.496].

Кроме того, при нерегулируемых капиталистических отношениях главным мотивом действий становится прибыль как показатель узко-функциональной адаптации. «Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев, – какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы!» [там же, с.499]. Другими словами, в процессе геоадаптации в диалектическом единстве сосуществуют две противоречивых стороны – адаптация и дезадаптация[1], каждая из которых имеет свои механизмы и время проявления. Источником этих противоречий являются внутренние противоречия сторон ГАО.

В связи с этим большое значение имеет *опережающая геоадаптация*. Она происходит на основе опережающего отражения, которое представляется информационной моделью, придающей особую активность адаптационным системам. Ключевую роль в построении этой модели играет научное знание. Простые биологические системы не могут прогнозировать отдаленные последствия своей жизнедеятельности, но они расплачиваются за адаптацию популяций жестким естественным отбором. Опережающая геоадаптация может противоречить естественному стремлению уменьшить действие отрицательного фактора (на данном геоадаптационном горизонте). Например, если предполагается, что некоторый геострессор окажет подавляющее воздействие на более опасные отрицательные факторы (своеобразный адаптационный «демпинг»). В геополитике такие попытки решить спор за чужой счет происходили постоянно. Можно вспомнить, например, мюнхенский сговор 1938 года. В рассматриваемом аспекте следует отметить разницу понятий «опережающая геоадаптация» и «преадаптация». Последняя в биологии обычно означает «случайное» приобретение организмом признаков, позже оказавшихся полезными (адаптивными) при неожиданном изменении среды.

В целом, геоадаптацию необходимо рассматривать как *динамический баланс* трех групп факторов и сил:

1) Потенциал субъекта (воспроизводство, совокупная мощь, экспансия, защита, способность преодоления неблагоприятных условий, способность уменьшать энтропию, господствующая идеология, пассионарность и т.п.): а) активный (преобразовательный и защитно-преобразовательный), б) пассивный (защиты и изменчивости), в) эволюционный (способность к адаптации активного и пассивного потенциалов);

2) Противодействие и сопротивление внешнего и внутреннего геопространства (расстояние, проблема ресурсов, неблагоприятные условия, конкуренты, враги и тому

[1] Надо отметить, что термин «дезадаптация» означает отсутствие адаптации или процесс возврата к неадаптированному состоянию (лат. de... – отсутствие, устранение), тогда как «дизадаптация» подразумевает неполную, искаженную адаптацию (лат. dis... – расстройство, затруднение).

Таблица

Примерные геоадаптационные стратегии

	Сила (S)	*Неопределенность* (I)	*Слабость* (W)
Возможность (O)	экспансия	специализация	консолидация
Нейтральность (N)	провоцирование	выжидание	консервация
Угроза (T)	преодоление	сдерживание	уклонение

подобные факторы выступают в роли отрицательных геострессоров): а) активное (подавляющее), б) пассивное (ограничительное) и в) эволюционное (способность фрагментов среды к встречной адаптации);

3) Возможности и стимулы внешнего и внутреннего геопространства (потенциальные ресурсы, потенциальные союзники, благоприятные изменения условий и тому подобные факторы выступают в роли положительных геострессоров): а) активные, б) пассивные и в) эволюционные.

В результате встречного действия этих сил (факторов) складывается множество различных конкретных форм геоадаптации. И.Калайков выделял две такие формы: отражение-след и отражение-ответная реакция [13, с.24]. Э.М.Эльдаров рассматривал защитно-преобразующую (преобразование природной среды) и приспособительную (адекватную изменениям природной среды) формы геоадаптации [30, с.17–18]. На самом деле, типов и подтипов геоадаптационного взаимодействия можно выделить значительно больше, а геоадаптацию можно представить как вектор в многомерном факторном пространстве. Более того, сложившийся баланс не очень точно отражает соотношение сил (факторов) и может испытывать ощутимые флуктуации вокруг равнодействующего вектора. В связи с этим, направление изменения базового соотношения сил (факторов) может временно не совпадать с направлением изменения отдельных геоадаптационных отношений (находиться в «противофазе»). Соответственно, чем больше усилий прикладывается для стабилизации отдельных геоадаптационных отношений (для сохранения статус-кво), тем более вероятна их скачкообразная, а не постепенная перестройка. В результате более выгодной становится стратегия управления неизбежными изменениями, чем противодействия им. Это отчетливо проявляется в геополитике. Ввиду постоянно меняющейся геополитической реальности, ее перехода в новые качественные состояния, чрезмерно затянутая стратегия консервации ГПО приводит к постепенному истощению адаптационных возможностей субъекта. В последние десятилетия эта особенность осознается все больше. Как отметил Н.А.Косолапов, «попытки зафиксировать статус-кво, сохранить его любой ценой приводят рано или поздно, но неизбежно к взрыву и катастрофе... Опыт цеплявшихся за статус-кво имперских стран Европы оказался и во внутреннем, и в международном планах… катастрофичным» [5, с.57]. Соответственно, по мнению А.Д.Богатурова, многие «вспышки разногласий, говоря языком медицины, можно расценивать как своего рода “спазмы аккомодации”, сопровождающие трудное приспособление... внешней политики к изменившимся внешним и внутренним условиям для ее проведения» [там же, с.371].

Одним из способов геоадаптации субъекта является смена своего местоположения (под «давлением места», по Б.Б. Родоману [22, с.17]), для чего может потребоваться изменить среду или провести внешнюю экспансию. В ряде случаев адаптация субъекта и контр-адаптация объектов среды приобретают характер «гонки вооружений» (эффект Черной королевы[1] в эволюционной теории, который получает всё больше экспериментальных подтверждений [34]). В целом, с точки зрения геоадаптации, у субъекта есть три возможные обобщенные стратегии поведения [23, с.46]: а) сосуществование с геострессором («синтоксическая»), б) преодоление, борьба с геострессором («катотоксическая») и в) уклонение от геострессора («бегство»), которые чередуются, составляя разные типы динамических стратегий. Каждая из них может быть успешной или проигрышной на определенном этапе взаимодействия и в определенном отношении.

Геополитические примеры для первых двух стратегий («мирное сосуществование», статус-кво и конфликт, экспансия) нет смыс-

[1] The Red Queen’s Effect предложен биологом Л. Ван Валеном по мотивам произведения Л.Кэрролла.

ла даже приводить, настолько они распространены. Что касается третьей, то и она – не редкость на всех организационных уровнях: уход племени от колонизаторов вглубь джунглей, продажа Аляски под угрозой ее захвата Британской империей, «сжатие интенсивно используемого пространства» (вывод Россией производственных мощностей и населения с Севера под действием природных условий) [20] и т.п. В геополитическом аспекте как антоним экспансии иногда используется термин «контракция» (*лат.* contractio – сжатие, стяжение) [16].

Однако выбор геоадаптационной стратегии происходит не случайно. На протяжении тысячелетий лица, принимающие решения, вынуждены были сопоставлять силы своего актора с имеющимися возможностями и угрозами выполнению задач в данном конкретном отношении. В середине XX века эта процедура была упорядочена – появился метод анализа по матрице SWOT (по первым буквам – сила, слабость, возможность и угроза). Для выработки стратегических решений (преимущественно в экономической сфере) он оказался вполне эффективным, но для описания реальных событий двоичной логики недостаточно, необходимо введение промежуточных, неопределенных градаций (ни сила, ни слабость; ни возможность, ни угроза). Состояние неопределенности – одно из наиболее частых при выборе стратегии, как на уровне отдельного человека, так и на уровне сообществ. Также мы видели три возможных ответа на вызов геострессора. Если сопоставить сильные стороны субъекта – первой из трех стратегий, а слабые – третьей, то в несколько редуцированном виде и в троичной логике возможные стратегии можно представить в виде матрицы $SWOT_3$ (*табл.*). Подчеркнем, что разные ГАО могут относиться к разным ее ячейкам и взаимодополнять друг друга (это касается не только функционально, но, что не менее важно, географически разных ГАО).

Геоадаптация выступает как единство организационно-деятельностного (функционального) и геопространственного аспектов. Важным свойством названных выше сил и факторов (потенциала субъекта, сопротивления и стимулов геопространства) является *географическая неравномерность* и анизотропия. Соответственно, все материальные процессы геоадаптации имеют территориальное выражение. Так, адаптируясь к локальному геострессору, который затрагивает всю систему, от проблемного района по силовым линиям напряжение распространяется на близлежащие, а потом и на дальние районы. Например, растет нагрузка на транспортные коммуникации, производящие эвакуацию населения и подвоз специальных средств. В целом, с разными точками и участками геопространства у человека и общества складываются ГАО разных типов. С какими-то очень тесные, а с какими-то – и вовсе отсутствуют. Механизмы геоадаптации с разными объектами среды также различны. Всё геопространство, на которое распространяются ГАО субъекта, можно именовать полным *геоадаптационным полем* субъекта. (В чем-то аналогично понимается географическое поле любого объекта [2, с.98].) В его внутренней структуре выделяются элементарные поля (субполя), характеризующиеся относительно однородными ГАО. Геоадаптационные границы представляют собой границы геоадаптационных полей с разными типами ГАО. Аналогичным образом выделяются разные функциональные поля и границы, и в частности – геополитическое поле и геополитическая граница.

Географическая неравномерность ГАО имеет огромное значение для развития отдельных субъектов и общества в целом. В частности, разнообразие ГПО повышает возможность геополитического маневра. Участие в разнообразных ГАО требует от системы множества взаимосвязанных адаптационных реакций по разным направлениям. В результате, если суммарное адаптационное давление не оказывается чрезмерным, то система усложняется, приобретает новые функциональные связи как внутри себя, так и во вне. В свою очередь, такое усложнение приводит к дальнейшей дифференциации отношений со средой: важными становятся факторы, до того не идентифицировавшиеся вовсе (например, использование новых типов природных ресурсов). На ранних ступенях развития человечества главную роль в географическом разнообразии ГАО играла неравномерность природных условий (ландшафтов). На важность этого обстоятельства для развития, а иногда и самого возникновения того или иного сообщества указывали многие исследователи (в частности, В.А.Анучин [3, с.29-31] и Л.Н.Гумилев [9,

с.187]). Со временем всё возрастающую роль стало играть и разнообразие социальной и антропогенной среды. Тем не менее, «корни» двух последних, как и сама биологическая сущность человека, находятся в природе. Все попытки разорвать ГАО с природной средой (что само по себе невозможно, иначе человечество должно стать «чистым сознанием») могут приводить лишь к дезадаптации. Более того, для субъекта во многих случаях нет принципиальной разницы между «природными» и «общественными» объектами среды. Так, для древнего человека угроза от какого-нибудь саблезубого тигра и от копий соседнего племени вполне сопоставима. Для США по большому счету не важно, искусственен ли Панамский канал. Главное, чтобы он был, и находился под стратегическим контролем (именно с этим обстоятельством связано и само образование государства Панама в 1903 г.). Естественно, методы адаптации по отношению к природным, антропогенным и общественным объектам будут различны, но они будут различаться и по отношению к разным собственно природным и общественным объектам. Потому бессмысленно как разделять ГАО на принципиально различные типы – природный и общественный, так и сваливать их «в одну кучу». Каждое ГАО и их группа обладают как уникальными характеристиками, так и сходством с некоторыми другими, причем все ГАО, включая разнотипные, существуют не изолированно, а включены в отношения высших порядков (отношения отношений или реляционные сочетания).

В процессе жизнедеятельности субъекта вырисовывается некоторое подпространство (ячейка социального геопространства), которое достаточно освоено данным субъектом, в котором он перемещается, контролирует события, производит некоторую деятельность. Изучая такое пространство отдельных людей и групп, Т.Хегерстранд обозначил его термином «*домен*» [32, p.324]. Его можно интерпретировать как поле наиболее тесных ГАО субъекта. (Соответственно, «давление места» циклически действует на точку-человека внутри домена, но более существенно «давление места» более высокого уровня – вынуждающее двигаться сам домен.) Целенаправленное объединение индивидов и их деятельности в определенном пространстве Хегерстранд именует «проектом». На высшем уровне обобщения располагается «живой ландшафт» или «диорама», в том числе глобального масштаба. Очевидно, что аналогичная пространственная структура геоадаптации характерна и для субъектов высших рангов, таких как компании, партии и государства, обладающие своими «доменами», вступающие в «проекты» и формирующие социальный, экономический и политический «ландшафты». Кроме того, группы людей, проживающих и осуществляющих свою деятельность на определенной территории (на ней домены пересекаются или соседствуют) и связанные между собой различными связями, могут рассматриваться как территориальные общности (адаптированные к данной территории и адаптирующие ее под свои нужды).

Для исследования геоадаптационного пространства особое значение имеет анализ представлений субъектов о среде своей деятельности. Интересным методом в этом плане представляется создание так называемых «*ментальных карт*». Они широко использовались в западной бихевиористской географии с середины прошлого века. Так, С.Вулдридж с их помощью описывал восприятие среды фермерами, выбиравшими структуру землепользования [10, с.184]. Ментальные карты всё большую популярность приобретают и в геополитических исследованиях. Восприятие людьми и сообществами окружающего пространства приводит к складыванию сначала в сознании, а потом и в культуре, в географических названиях и документах особого типа «самоорганизовавшихся» районов – *вернакулярных* (от *англ.* vernacular – местный диалект) [26, с.7]. Однако, по нашему мнению, это понятие, как выражение геоадаптации, можно применять и на геополитическом уровне, причем не только по отношению к «местным», но и к «внешним» пространствам, с которыми установлены тесные связи. Если для локальных сообществ вернакулярными районами являются такие, как: Мещера, Полесье и т.п., то для европейских империй таковым можно считать, например, Ближний Восток, а для арабского мира – Магриб (*араб.* «Запад»).

[1] В спортивной медицине «адаптационный цикл» подразумевает серию однотипных адаптационных нагрузок (и, соответственно, адаптационных синдромов). В нашем случае это можно интерпретировать как «длинный геоадаптационный цикл», приводящий, как уже говорилось, к складыванию традиционного природопользования и культурных норм.

Геоадаптационный процесс. Для рассмотрения геоадаптационного процесса важно понятие «*порог адаптации*». Нижний порог определяет степень изменения одной стороны отношения, до достижения которой геострессор не вызывает срабатывания адаптационного механизма. При эффективной опережающей адаптации превышение некоторым фактором этого порога прогнозируется заранее, а уровень порога устанавливается целенаправленно. Это крайне важно, в частности, для корректировки геополитических стратегий. Верхний порог (максимум адаптационного потенциала) определяет предельные возможности адаптации к сильному и/или продолжительному геострессору. Иногда этот порог связывают с «адаптационным барьером», при прорыве которого скачкообразно ухудшаются функциональные возможности системы. Здесь уместно вспомнить закон «золотой середины» А.Тойнби, в соответствии с которым цивилизационный вызов как стимул развития не должен быть ни слишком слабым, но и не слишком суровым [25]. Величина адаптационных порогов зависит от обеих сторон и типа отношений.

В биологии существует понятие «общий адаптационный синдром», которое в 1936 г. предложил канадский биолог Г. Селье [23, с.35]. Возможно, в рассматриваемом контексте биологический термин «синдром» (*греч.* «наравне») может показаться не совсем уместным, потому его логичнее заменить на *«геоадаптационный цикл»*[3]. Он состоит из следующих фаз, которые имеют также и географическое выражение (так как могут относиться к разным пространственно локализованным ГАО и геоадаптационным полям):

1) «аварийная» – мобилизация адаптационных, защитных и преобразовательных сил и ресурсов субъекта. (При этом правило фазовых реакций («польза–вред») [21, с.74] гласит, что малые дозы вредного влияния могут действовать на субъекта в направлении усиления его функций и стимулирования, как, например, цивилизационный «вызов» по А.Тойнби [25] или некая «небольшая победоносная война»). Но, как мы видели выше, адаптационный баланс является изменчивой равнодействующей внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов. Соответственно, для разных субъектов один и тот же геострессор может быть как смертельным, так и стимулирующим, или не иметь значения вовсе. Об этом писал Л.Н.Гумилев, критикуя одностороннюю концепцию А.Тойнби [9, с.152-153]. В последней рассматривались преимущественно внешние «вызовы» и реактивные «ответы», но не учитывалась внутренняя пассионарная динамика этносов.

В «аварийной» фазе часто выделяются две подфазы: шока и противошока. Если адаптивная реакция значительно слабее действия геострессора, то система может подвергнуться разрушению уже в начальной фазе взаимодействия (шока). При воздействии незнакомого геострессора происходит поиск адаптивных стратегий, зачастую путем их перебора. Неэффективные варианты позже отвергаются, однако попытка их применения задерживает адекватную реакцию системы. Опережающая адаптация, важную роль в которой играет научное знание, во многом сглаживает эту проблему, но не решает ее полностью;

2) сопротивления – достижение устойчивости в динамическом соотношении субъекта и геопространства, достижение стабилизации основных функциональных систем, повышение устойчивости к неблагоприятному фактору или его устранение. В ряде случаев эту фазу можно рассматривать как борьбу на истощение – какая из сторон противоречия окажется менее стабильной. В некоторых других случаях данную фазу можно расценивать как достижение системой состояния гомеостаза (постоянство внутренней среды). Истощение ресурсов, способных поддерживать равновесие, переводит субъекта в следующую фазу;

3) истощения – когда субъект не в состоянии достаточно компенсировать воздействие отрицательных факторов, многие изменения становятся необратимыми. Истощение ресурсов начинает превышать их воспроизводство. С точки зрения Б.Б.Родомана, если объект под «давлением места» не способен переместиться, измениться сам или изменить среду, то он деградирует и исчезает [22, с.17]. Данная фаза может протекать медленно, а при успешной адаптации не обязательна. В значительной степени в эту фазу перешла современная биосфера. Возможно достижение стабилизации на новом, сниженном, уровне геоадаптации с потерей системой части своих прежних возможностей и элементов. В

Рис. 2. Соотношение стоимостей видов геоадаптации и цены действия геострессора (на основе [33, p.748], с изм.)

физиологии есть понятие «цена адаптации», отражающее разницу между этими двумя уровнями адаптации и подразумевающее износ адаптационных механизмов. Если выразить цену геоадаптации субъекта (системы), среды и цену некомпенсированного действия (ущерба) геострессора в некоторых общих единицах (например, в денежном выражении), то их соотношение можно выразить в соответствии со схемой (*рис. 2*).

Можно предположить, что для разных фаз геоадаптационного цикла характерны (но не жестко заданы) разные стратегии адаптационного поведения, названные выше в матрице $SWOT_3$. Так, если субъект исходно обладает достаточным потенциалом сопротивляемости, то в «аварийной» фазе будет преобладать стратегия (S/T). По мере успешной адаптации и открытия новых возможностей она переместится в ячейку (S/O), а в случае последующего начала истощения – в (W/O) и, наконец, в (W/T).

Вместе с тем существует гипотеза, что организм располагает *стресс-лимитирующими* механизмами, препятствующими чрезмерной адаптивной реакции, способной привести к полному истощению [18]. Подобные механизмы можно оценивать как отрицательные обратные связи, существующие во многих областях геоадаптации. В частности, в геополитике это революции и перевороты в перенапряженном войной государстве, платящем за адаптацию слишком высокую цену. (Например, турецкая революция 1920 года.) Стресс-лимитирующие подсистемы подразделяются на центральные, задача которых состоит в регуляции системы, и периферические, направленные на повышение устойчивости отдельных частей (в геополитике это может проявляться в сепаратизме периферийных регионов при общем кризисе системы).

Актуальным вопросом является способ количественной оценки геоадаптационного процесса. С этой точки зрения представляет интерес «эффект группового стресса», описанный коллективом отечественных биологов и математиков [8]. Для исследования эффекта был разработан *метод корреляционной адаптометрии*. Было выявлено, что в процессе адаптации системы корреляция (G) между достаточно изменчивыми показателями элементов и их дисперсия (D) возрастают, корреляционный граф становится более связным. G и D снижаются при успешной адаптации. Если же наступает фаза истощения, то G падает, но D продолжает расти – начинается процесс разрушения [17, с.522]. (Надо отметить, что этот эффект отчетливо проявляется лишь при стрессоре, действующем по принципу Либиха.) Данный метод использовался для диагностики биологической адаптации популяций, но в последние годы применяется и к явлениям иной природы. В частности, для оценки адаптации банковской системы к финансовому кризису [17]. Это дает основания предположить, что выявленный

эффект присущ любой области геоадаптации, включая геополитическую. Становится актуальным изучение географических особенностей его проявления, причем корреляционные отношения можно представить как вид ГАО. Вероятно, корреляционная адаптометрия показывает уменьшение степеней свободы элементов при геоадаптационном давлении. Тем не менее, однозначного объяснения эффекта пока не дано. Безусловно, есть и более традиционные индикаторы геоадаптации локальных сообществ. Например, картина заболеваемости [13, с.110], характер массовой миграции или результаты выборов.

Однако названные показатели могут служить преимущественно для изучения геоадаптационных процессов «сверху вниз», то есть на основе оценки массовых, усредненных проявлений. Большое значение с этой точки зрения играет сопоставление статистически значимых изменений адаптированности сообществ (статистических показателей и ареалов) с изменениями природной и социальной среды. Такого рода исследования получили название *экологического* подхода. Он успешно используется в электоральной географии [1, с.9]. Может быть применен и к индивидуальным субъектам – как исследование воздействия на геоадаптацию стимулов и ограничений разнородной среды (идея географического поссибилизма). Но всё же, по мере уменьшения статистической выборки, точность и предсказательные возможности экологического подхода уменьшаются. Кроме того, возможно «выявление» ложных зависимостей, скрывающихся за высокими показателями коэффициентов корреляции (так называемая «экологическая ошибка») [1, с.10].

Противоположный подход, нацеленный на исследование «снизу вверх», то есть на анализ процесса принятия пространственных решений субъектами (обычно – отдельными людьми, но в расширительном толковании – любыми субъектами, в том числе геополитическими) в условиях конкретной социальной и природной среды, получил название *бихевиористского* (поведенческого) подхода в географии. Для полноценного изучения массовых явлений он достаточно трудоемок, требует большого количества выборочных обследований, но при исследовании небольшого числа действующих субъектов может быть предпочтительным, и даже единственно возможным. Агрегация результатов выводит исследователя на уровень массовых процессов и позволяет выявлять обобщенные пространственные формы частных геоадаптационных процессов.

Оба подхода (понимаемые в самом широком смысле) по своим задачам не противоречат, а дополняют друг друга, и могут использоваться в зависимости от целей исследования и имеющихся в распоряжении методов и информации. Так, рост социальной конфликтности в результате повышения уровня Каспия связывается с процессом геоадаптации [30, с.29] может быть рассмотрен с обеих позиций. Другие подходы, такие как нормативный (использующий идеальные модели с включением рационального «экономического человека») или хорологический (описывающий характер пространственных структур и размещение явлений) сами по себе не способны объяснить реальные процессы геоадаптации общества. Но они могут быть весьма полезны для представления либо исходных данных, либо итоговых результатов исследования, а также в качестве эталонов сравнения. Так, один из основателей бихевиористской географии, Дж.Уолперт, считал, что отличие пространственного решения реального распорядителя от гипотетического решения «экономического человека» будет показывать недостаток информации у распорядителя (осведомленности, опыта и т.п.) и искажающее воздействие непредсказуемой природно-общественной среды [10, с.181].

Таким образом, рассмотренный геоадаптационный подход позволяет по-новому оценить геополитику в системе прочих отраслей познания и деятельности, обладающих родственной спецификой, расширить методологическую базу исследований. Он также представляет интерес с точки зрения интеграции (синтеза) некоторых «сквозных» аспектов общественно-географического знания и углубления его кооперации с отраслевыми общественными науками, обогащает возможности проектирования и оценки целенаправленной деятельности разнородных субъектов в географическом пространстве.

Библиографический список

1. Аксенов К.Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штили Северной столицы 1989 – 2004. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – 333 с.

2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

3. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.

4. Артоболевский С.С. Региональная политика в развитых странах Европы: теоретические, методологические и прикладные аспекты. Автореф. докт. дисс. – М., ИГРАН, 1992. – 27 с.

5. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – 390 с.

6. Боринская С.А. Генетическое разнообразие народов // Природа. – 2004, № 10. – с.33– 39

7. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 664 с.

8. Горбань А.Н., Манчук В.Т., Петушкова Е.В. Динамика корреляций между физиологическими параметрами при адаптации и эколого-эволюционный принцип полифакториальности // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. – Л.: Гидрометеоиздат, 1987. Т.10. – С.187–198

9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 528 с.

10. Джонстон Р.Дж. География и географы: Очерк развития англо-амер. соц. географии после 1945 г. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

11. Елацков А.Б. Геополитика: реляционный подход // Труды XI съезда РГО. т.4: Географическая наука и образование, геополитика и история. – СПб., 2000. – С.123–125

12. Жиров А.И., Мосин В.Г., Соломин В.П. Геоэкология в системе естественнонаучного и экологического образования педагогических ВУЗов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – 218 с.

13. Калайков И. Цивилизация и адаптация. – М.: Прогресс, 1984. – 240 с.

14. Каледин Н.В. Географическая научная картина мира: деятельностно-геопространственный контекст // Вестник СПб. ун-та. Серия 7: геология, география. – 2003. Вып.1 (№7). – С.111–117

15. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. – СПб.: СПб. ун-т, 1996. – 163 с.

16. Комлева Н.А. Геополитическое сжатие // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. № 2. – С. 66–75

17. Красненко А.Н. и др. Анализ корреляционных связей в российской банковской системе при адаптации к экономическому кризису 2007-2008 гг. // Журнал Сибирского Федерального ун-та. Математика и Физика. – 2010, №3(4), – С.521–532.

18. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

19. Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. – М.: Мысль, 1984. – 296 с.

20. Пивоваров Ю.Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Изв. РАН. Сер. Географическая. – 1997. №5, – с.114-124

21. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). – М.: Россия молодая, 1994. – 367 с.

22. Родоман Б.Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник Моск. ун-та, Сер. 5. География. – 1979. Вып.4. – С.14–20

23. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 124 с.

24. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. – СПб.: Изд. И.И.Билибина, 1877

25. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. – М., 1991. – с.106–142

26. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмагилов Н.Н. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Географический вестник. – 2008. №1, – с.5–12

27. Урманцев Ю.А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии. – 1998. № 12. – С.21–36.

28. Харвей Д. Научное объяснение в географии. – М.: Прогресс, 1974. – 504 с.

29. Шальнев В.А., Ляшенко Е.А. Общая география: миф или реальность // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И.Вернадского. – 2009. №7(21). – С.15–23

30. Эльдаров Э.М. Геоадаптационные процессы в социально-экологических системах Дагестана. Автореф. докт. дисс. – М.: МГУ, 1998. – 50 с.

31. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т.20. – М., 1961

32. Hägerstrand T. Diorama, path and project // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, – Vol. 73(6). – 1982. – С.323–339

33. Klein R.J.T. et al. “Inter-relationships between adaptation and mitigation” // Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. (Fourth Assessment Report of the IPCC) Ed. by M.L. Parry et al. – Cambridge University Press, Cambridge, 2007. – 976 pp.

34. Paterson S. et al. Antagonistic coevolution accelerates molecular evolution // Nature. 464 (11 March 2010). – pp.275–278

Карякин В.В.
(г. Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Karyakin V.V. (Moscow)

METODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN GEOPOLITICAL DYNAMICS

Аннотация.*В статье рассматриваются базовые методологические вопросы построения концепции геополитической динамики в развитии идей М. Вебера и Р. Коллинза.*

Abstract. *In this article author considers the basic methodological questions of the geopolitical dynamics conception in developing of M. Weber's and R. Collins's ideas.*

Ключевые слова*: методология геополитической динамики, М. Вебер, Р. Коллинз и его аксиомы, баланс сил, экспансионизм*

Keywords*: methodology of geopolitical dynamics, R. Collins's axioms, expansionism, balance of forces*

Источники и база развития теории геополитической динамики.

Масштабы и глубина происходящих в мире процессов свидетельствуют о факте вступления современного мира в эпоху глобальной трансформации. Следует заметить, что близкие по характеру процессы имели место на протяжении всей истории существования человечества. Однако в прошлом они протекали настолько медленно, что оказывались почти незамеченными современниками. Люди прошедших времён не замечали направления хода истории, тогда как современный мир характеризуется ускоряющейся динамикой общественного развития.

В XX веке уже появилась возможность наблюдать все фазы развития государств – от их зарождения до гибели – на протяжении жизни двух–трёх поколений, что дало возможность исследовать практически все периоды развития государств, так сказать, в «лабораторных условиях».

Было замечено, что в период современных кризисов и трансформаций общественных и государственных систем течение исторического времени утрачивает монотонность. При этом каждое государство или региональное образование, начинает выстраивать свой ряд исторических событий, приобретающих собственный временной темп, что делает временное пространство большой социальной или государственной системы многомерным. При этом происходит одновременный запуск нескольких сценариев эволюции системы, которые развиваются параллельно и начинают, как бы, подсвечиваться из будущего. По этому поводу Ницше писал: «От будущего веет незаметно ветер»[1]. Контуры этих сценариев и должны увидеть аналитики, занимающиеся научным прогнозом в опоре на определённые теоретические разработки, в числе которых может быть использован аппарат геополитической динамики, основы которой были заложены немецким учёным – социологом М. Вебером в начале XX века и американским учёным Р. Коллинзом в 70-х годах[2].

Если геополитика, как методология и инструмент исследования макросоциальных процессов в международных системах, по определению Р. Коллинза, занимается вопросами организации силы, её применения и последующей легитимизации результатов этого применения, то геополитическая динамика связана с изучением эволюции государственных и социальных структур. В рамках своей теории социологии конфликтов Р. Коллинз расширил сферу современной геополитики, введя в неё среди прочего исследование динамики региональных международных систем, которую назвал теорией геополитической динамики, целью которой было изучение процессов зарождения, роста, зрелости, упадка, фрагментации империй и больших государственных структур.

Прослеживая истоки теории геополитической динамики (ТГПД) Р. Коллинза[3], следует отметить роль выдающегося социолога конца XIX – начала XX веков Макса Вебера (1864–1920). По выражению Н. Розова, М.

Вебер являлся крупнейшим социальным мыслителем XX века. В своём фундаментальном труде «Протестантская этика и дух капитализма» он положил начало дихотомии: марксизм – протестантский капитализм, выразителями которой были К. Маркс и М. Вебер. Если первый был идеологом пролетарских низов буржуазного общества, то второй теоретически обосновал реванш буржуазной протестантской идеологии над его революционным оппонентом. Под влиянием этих двух великих мыслителей история человеческого общества описала диалектическую спираль своего развития: от фазы марксистского исторического вызова буржуазному строю, завершившейся созданием СССР, социалистического лагеря, противостоянием двух сверхдержав – СССР и США и двух военно-политических блоков: Варшавского договора и НАТО, к фазе англо-саксонского либерального реванша, приведшего к крушению СССР, усилению Североатлантического союза и формированию однополярного мира во главе с Соединёнными Штатами.

При разработке своей теории геополитической динамики Р. Коллинз, кроме работ М. Вебера, опирался также на труды Е. Дюркгейма[4] и анализ процессов зарождения упадка древних китайских империй, Арабского халифата, Османской империи и империй Европы, охватывающих период в 3000 лет[5]. В результате анализа геополитических феноменов зарождения, роста, состояния зрелости, разложения и упадка общественных систем в рамках такого длительного исторического периода Коллинзу удалось объединить выдвинутые им гипотезы в единую теорию геополитической динамики. В основе его теории лежит утверждение о том, что факторы ресурсного и позиционного преимущества отдельного государства приводят вначале к его территориальному расширению за счёт соседних окраинных государств с последующим переформатированием региона через его завоевание и включение в состав метрополии. Однако в дальнейшем образованная государственная структура неизбежно вступает в стадию деградации вследствие непомерного груза чрезмерного расширения. После этого наступает период разложения и распада империи. Затем следует новый геополитический цикл, но уже с другими центрами силы (и другими направлениями геополитической экспансии), стремящимися сначала распространить своё влияние на территории распавшейся империи, а затем присвоить их, что и происходит с современной Россией.

В настоящее время к теории геополитической динамики примыкают научные направления, которые не только обогащают её методологию, но и создают плацдармы для её последующего расширения. Такими направлениям являются:

– теория социальных революций Теды Скотчпол[6,7];

– теория баланса сил и устойчивости региональных систем[8];

– теория экспансионизма[9].

Кроме того, на формирование ТГПД Коллинза сильное влияние оказали следующие социологические теории:

– идеи арабского мыслителя XIV века Ибн Халдуна[10];

– динамика этнической ассимиляции и религиозного обращения[11];

– теория взаимосвязи между численностью населения и социо-политической стабильностью, основанная на демографической модели Дж. Голдстоуна[12].

Таким образом, судя по обширному полю научной проблематики, охватываемой ТГПД, у этой теории имеется достаточный запас прочности, позволяющий решать широкий круг геополитических задач.

Здесь же следует отметить ещё одно немаловажное обстоятельство, касающееся социального воздействия ТГПД, которое может проявиться, при благоприятных условиях, на следующих трёх уровнях её применения:

– на уровне исследователей, занимающихся систематической работой по мониторингу, анализу международной и военно-политической обстановки (ВПО) с использованием широкого спектра информационных технологий и представляющих полученные результаты военно-политическому руководству страны;

– на уровне лиц, принимающих военно-политические решения на основе представляемых экспертами и аналитиками результатов анализа и прогнозирования развития военно-политической обстановки и, возможных, вариантов решения международных проблем;

– на уровне массового сознания, которое под влиянием политиков и аналитического

сообщества начинает видеть контуры возможного будущего страны (желательного или нежелательного) и осознаёт её национальные цели и пути их достижения.

После овладения массовым сознанием геополитических задач страны прогнозы, представляемые аналитиками политическому руководству страны, приобретают новое качество – они становятся «самосбывающимися», т.е. формируют собственное поле притяжения.

Аксиомы теории геополитической динамики Р. Коллинза

В процессе разработки Р. Коллинз, как автор теории геополитической динамики, творчески обогатил и развил учение М. Вебера о социальной конфликтологии[13,14,15]. При этом он сформулировал пять аксиом[16], которые мы приводим в редакции Н.С. Розова[17] – исследователя и пропагандиста трудов Р. Коллинза:

Аксиома 1. Величина и преимущество в ресурсах способствуют территориальной экспансии государства. При прочих приблизительно равных условиях большие, более населённые и богатые ресурсами государства расширяются военным путём за счёт меньших, более бедных и слабых государств.

Аксиома 2. Геополитическое преимущество, выраженное в «окраинном» положении государства, способствует его территориальной целостности. Государства с врагами по меньшему числу направлений расширяются за счёт государств с врагами на большем числе границ.

Аксиома 3. Государства в середине географического региона имеют тенденцию со временем делиться на меньшие единицы.

Аксиома 4. Деление государств вызывает кумулятивные процессы, в результате которых некоторые территории последовательно переходят под влияние более сильных соседей. Это сопровождается масштабными гонками вооружений и региональными войнами между основными претендентами на эти территории.

Аксиома 5. Чрезмерное расширение (а точнее – перерасширение, overextention) вследствие территориальной экспансии какого-либо государства приводит к его ресурсному напряжению и последующему распаду.

Теорию геополитической динамики, разработанную Р. Коллинзом в начале 80-х годов прошлого столетия, постигла непростая судьба. Первой попыткой её применения было предсказание крушения СССР. Но американское научное и политическое сообщество не обратило на это внимания, поскольку руководство США считало свою страну недостаточно сильной в ресурсном и военном планах по сравнению с таким могущественным противником, как Советский Союз, который постоянно расширял собственное влияние в мире и наращивал оборонный и экономический потенциалы. На теорию Коллинза обратили внимание только в 90-х годах, когда крушение СССР стало свершившимся фактом.

Сейчас, спустя почти 30 лет после создания ТГПД, имеются благоприятные возможности для дальнейшего развития этой теории на основе более углублённого анализа и осмысления исторического материала. При этом, по мнению автора, было бы полезно расширить поле исследования за счёт привлечения теории миро-систем А. Стичкомба[18] и И. Валлерстайна[19,20,21,22] что позволило бы рассматривать геополитические потенциалы государств не изолировано, а в контексте баланса сил для повышения прогностической силы данной теории.

За годы, прошедшие с момента публикации Коллинзом принципов геополитической динамики, была возможность провести их апробацию на акции НАТО против Югославии, экспансии США и НАТО в регионе Ближнего и Среднего Востока, продвижении НАТО на Восток, стремлении России удержать в своём геополитическом поле традиционные зоны национальных интересов на Украине, в Закавказье и Центральной Азии. Современное осмысление большого объёма исторических данных в свете геополитической динамики Коллинза позволило автору данной статьи не только выявить новые закономерности, но и уточнить методологический подход к построению всего каркаса этого научного здания.

Методологические основы современной геополитической динамики. При разработке обновлённой версии геополитической динамики автор данной работы пошел по пути, уже проторенному Р. Коллинзом. На первом, эмпирическом, этапе получения научных знаний автором был ещё раз проанализирован и систематизирован весь доступный исторический материал – от первых цивилизаций

до современности. Второй, теоретический, этап исследований состоял в формулировании общих для данной предметной области закономерностей, позволяющих объяснить имеющиеся факты и выявить эмпирические зависимости, на основе которых появилась возможность сформулировать новые положения геополитической динамики, которые могут стать основой для прогноза развития региональных политических систем.

Однако предварительно следует рассмотреть правомерность использования Коллинзом в его научной конструкции понятия «теория». Данный термин относится к естественным наукам, в которых требуется воспроизводимость условий эксперимента, повторяемость явлений и процессов. В социальных и гуманитарных науках, по мнению автора, теории и законы носят, скорее, нормативный характер[23]. В сфере гуманитарных и социальных наук теорию можно определить как комплекс взглядов и идей, направленных на объяснение явлений, процессов и связей между ними. Однако вследствие того, что взаимодействия между элементами социальной системы не носят устойчивого, повторяющегося характера и имеют низкую предсказуемость развития, ввиду влияния многочисленных случайных факторов, формальное перенесение определения «теории» из естественных наук в социальные не вполне правомерно. Поэтому, по мнению автора, вместо слова «теория» было бы правильно использование понятия «концепции», в качестве определённого способа понимания, трактовки явлений, процессов, а также базовой точки зрения на предмет исследования в политических науках[24,25]. Поэтому для рассматриваемой нами области научного знания правомерно использование названия – «концепция геополитической динамики», что мы и будем использовать в данной работе.

С абстрактно-логической точки зрения в конструкции любой концепции существуют следующие основные компоненты:

1. Исходная эмпирическая основа, состоящая из множества зафиксированных явлений и фактов, которые получили своё описание и объяснение, но требуют дальнейшего обобщения и теоретической интерпретации.

2. Теоретическая основа концепции, базирующаяся на допустимых в рамках данной концепции правилах логического вывода и доказательств.

3. Совокупность теоретически полученных следствий, принципов, утверждений, условий, тенденций и закономерностей.

Выполнение последнего пункта представляет собой наибольшую по объёму часть работы, в результате которой формируется ядро нового концептуального знания: его «тело» и содержание. Что касается формулировок понятий «тенденция» и «закономерность», то здесь следует отметить, что в Большой советской энциклопедии «тенденция» определяется как направление развития явления, мысли[26], а «закономерность» – как объективно существующая, повторяющаяся существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное движение истории[27].

Общая логическая структура концепции в общественных и гуманитарных науках имеет описательный характер, построенный на обширном эмпирическом базисе, в котором все явления, процессы, объекты и субъекты сведены в некую классификацию и систематизированы по важнейшим признакам для последующего анализа. Фактически это представляет собой генерализацию и обобщение привлечённого эмпирического материала. Концепция формулируется в понятиях естественного языка с применением терминологии соответствующей области научных знаний. При этом логический аппарат и правила остаются неформальными, а приводимые доказательства не проверяются на корректность ввиду нечётких границ существования объектов и субъектов исследуемой системы и наличия многочисленных нелинейностей и случайных воздействий. Описательный характер концепции в общественных и гуманитарных науках объясняется невозможностью количественно охарактеризовать происходящие в системе явления и процессы. Существенным моментом, который необходимо учитывать при построении научной концепции – это обязательное наличие центрального системообразующего компонента. В случае геополитической динамики таким компонентом, по мнению автора, может быть теория экспансионизма, государственного лидерства и баланс геополитических потенциалов, внимание которым в политической науке, по мнению автора, уделяется недостаточно.

Как справедливо отмечено А.М. и Д.А. Новиковыми[28], здесь важную роль сыграл принцип дополнительности, который коренным образом изменил парадигму современного научного мышления. Если естественные науки представляют собой целостный организм, ориентированный на получение системы знаний в завершенном виде, однозначную интерпретацию событий и исключение из контекста исследований влияния деятельности исследователя и используемых им средств и методов на результаты и интерпретацию получаемых знаний, то с осознанием принципа дополнительности, применительно к общественным наукам, ситуация изменилась следующим образом:

– произошло включение исследователя как субъекта в контекст процесса получения научных знаний. В результате реальность исследуемой области подверглась преломлению через призму используемых исследователем теоретических подходов и эмпирических средств;

– следствием этого явилось появление различных научных описаний и интерпретаций объекта исследования и, как следствие, различных теорий, концепций, относящихся к близким или родственным объектам исследования.

Это даёт нам право утверждать, что некоторая предметная область может, в соответствии с принципом дополнительности, описываться с помощью различных концепций, имеющих равную правомерность при соблюдении основополагающих принципов научных исследований, таких как истинность, интерсубъектность и системность, которые в полной мере определяют научность знания. При этом полнота и непротиворечивость любой концепции всегда будут относительными. Как следует из теоремы К. Геделя, «любая достаточно сложная теоретическая система будет, с одной стороны, неполна, а с другой стороны, её непротиворечивость не может быть полностью доказана в рамках данной системы»[29]. Однако это не снижает актуальности и ценности социальных и гуманитарных исследований. Разработка новых концептуальных подходов и ситуационных моделей формирования стратегий поведения акторов социальных и политических процессов является в настоящее время требованием времени. Но вследствие высокой динамики и наличия большого количества случайных факторов в социальных и политических процессах прогностическая достоверность таких исследований сохраняется непродолжительное время. Тем не менее, это не снижает ценности таких работ, потому что они служат строительным материалом для дальнейшего совершенствования политических систем и социальных технологий.

Новые положения концепции геополитической динамики. Проведенный автором анализ истории развития государств и империй от древнейших цивилизаций до наших дней, а также процессов, связанных с их зарождением, ростом и упадком, показывает, что перечень аксиом теории геополитической динамики Р. Коллинза может быть существенным образом дополнен новыми положениями, а сформулированные им, и уже ставшие каноническими, аксиомы, могут быть представлены автором в современной редакции.

Положение 1. Международная система стабильна и сохраняет свою устойчивость до тех пор, пока ни одно из государств не видит ни собственной выгоды, ни ресурсных возможностей в изменении сложившегося баланса сил на международной арене в свою пользу.

Положение 2. Как правило, государство планирует и предпринимает шаги к изменению существующей системы международных отношений в том случае, если ожидаемые выгоды превосходят ожидаемые потери от предпринимаемых действий по изменению существующей расстановки сил на международной арене в свою пользу.

Положение 3. При достижении чрезмерно большой для страны-экспансиониста территориальной протяженности созданной им геополитической системы усилия (а вместе с ними и расходы) по поддержанию имперской структуры значительно возрастают и зачастую превышают ресурсные возможности метрополии.

Положение 4. Преимущества в геополитических ресурсах одного государства по сравнению с другими на международной арене способствуют экспансии этого государства по наиболее выгодным для него направлениям. Территориально значительные, с большим демографическим потенциалом, этнически и конфессионально более однородные, богатые природными ресурсами и

экономически более развитые государства имеют тенденцию к расширению политическим, экономическим или военным путями за счёт меньших по размеру, менее населённых, более бедных и, следовательно, более слабых государств для овладения их территориальными, природными и людскими ресурсами.

Положение 5. Государство-экспансионист начинает своё движение, как правило, по направлениям наименьшего сопротивления с постепенным вторжением сначала в информационную, затем в культурную, идеологическую, конфессиональную и экономическую области. На завершающей стадии расширение принимает форму территориальной экспансией военным, включая использование сетевых технологий развала государства и террористических акций, или относительно мирным путём в результате смены политического режима в результате «цветных» революций. При любой экспансии, какую бы форму она не принимала, государство-экспансионист стремится обеспечить себе легитимность действий перед лицом международного сообщества, которая может быть выдвинута как a priory, так и post factum.

Положение 6. Геополитическое преимущество, выраженное в обособленном положении государства, способствует сохранению его территориальной целостности. Государства, отделённые от других государств морскими пространствами, горными массивами или пустынями при определённых ресурсных потенциалах имеют благоприятную возможность избежать агрессии или успешно её отразить.

Следствие Положения 6. Государства, находящиеся в зонах геополитического соперничества великих держав или военно-политических образований, имеют тенденцию к переходу из одной сферы влияния в другую, или же к делению по этно-конфессиональным признакам под влиянием сил притяжения или отталкивания по отношению к другим международным акторам.

Положение 7. Дробление неоднородных государственных образований порождает цепные процессы распада этих государств на более мелкие этно-конфессиональные или территориально-экономические структуры, что может сопровождаться возникновением состояний инфраструктурного хаоса в этих странах, гражданскими войнами, в которых скрыто или явно принимают участие внешние заинтересованные субъекты международной политики.

Положение 8. Чрезмерное расширение любого государства с включением в него других территорий, зон влияния, экономических и военно-стратегических интересов приводит к образованию империи. Следствием этого может возникнуть ресурсное перенапряжение метрополии, приводящее к политической этно-конфессиональной напряженности и слабой управляемости всей имперской структуры. С течением определённого исторического времени начинаются скрытые процессы деградации, которые постепенно ведут к упадку и последующему распаду имперской государственной системы.

Положение 9. Однако, как показывает исторический опыт, территориальная экспансия приносит свои плоды только в том случае, если она сопровождается многосторонней интеграцией вновь завоёванных или присоединённых территорий с ядром метрополии. Это означает, что военная экспансия должна трансформироваться в экономическую и культурно-идеологическую формы экспансии на завоёванных территориях. Таким образом, внешняя экспансия империи неизбежно должна уступить место внутреннему поглощению, принимающему форму интеграции, целью которой является включение присоединённых народов и территорий с целью пополнения и воспроизведения этнической энергии всего расширяющегося конгломерата империи.

Положение 10. Чрезмерное обогащение метрополии за счёт эксплуатации своих колоний и зависимых территорий ведёт к возникновению в ядре метрополии социальных слоёв, которые привыкают к роскоши и комфорту и теряют желание и способность не только к удержанию колоний военным, экономическим и идеологическим путями, но и утрачивают способность защищать внешние территории, да и саму метрополию, от внешних угроз с оружием в руках.

Положение 11. Несмотря на первоначальную экономическую и культурную отсталость присоединённых территорий и их полную политическую зависимость от метрополии, в них постепенно формируются национальные элиты, которые по мере сво-

его взросления и обретения самосознания и влияния в своих национальных сферах стремятся сначала к обретению самостоятельности в отдельных областях (образование, культура, религия, хозяйственное строительство) и, пройдя фазу национальной автономии, к полной независимости от метрополии.

Положение 12. Зарождающиеся и крепнущие национально-освободительные движения колоний и зон военно-политического влияния стремятся заручиться поддержкой наиболее сильных акторов международной политики, которые всегда стремятся к расширению зон своего геополитического влияния.

Так возникает линия обратной связи к Положению 7, которая играет двоякую роль – сначала она дестабилизирует старую имперскую систему, а потом участвует в формировании новой международной системы с другим центром геополитического влияния.

К сказанному выше можно добавить ещё одно положение предлагаемой концепции, относящееся к сохранению баланса сил и устойчивости международных систем, которое можно рассматривать как **Следствие Положения 1**: когда в системе межгосударственных отношений поддерживается устойчивый баланс сил и/или нет взаимно пересекающихся интересов и соперничества, то данная ситуация служит не только фундаментом международной безопасности, но и основой для сотрудничества в различных областях при реализации совпадающих интересов.

О роли баланса сил, пространственных факторов и силовых методов в геополитической динамике. При нарушении сложившегося баланса сил под угрозой оказывается, прежде всего, международная безопасность, т.к. интересы государств в результате меняющихся геополитических потенциалов акторов международной политики постепенно расходятся. В результате начинается процесс формирования новых военно-политических и экономических блоков и союзов, создание которых, в конечном счёте, имеет целью сначала восстановление нарушенного равновесия, а затем – обеспечение гегемонии государств-лидеров этих блоков. В связи с этим здесь уместно обратить внимание на утверждение Коллинза, что геополитика – это вопросы организации силы государством, её применения и последующей легитимизации результатов этого применения.

Однако в постиндустриальных обществах вектор геополитических устремлений начинает смещаться из военно-географической области в экономическую, финансовую, информационную, а в последнее время и в конфессионально-культурную координату геополитического пространства. Иллюстрацией этому является экспансия ислама для расширения своего конфессионального пространства в странах Европы и в России. В этих условиях борьба за ресурсы из чисто военной области, связанной с обладанием географическим пространством как физическим объектом существования человека, постепенно перемещается в экономическую, финансовую, информационную и когнитивную сферы. Включение в данный список когнитивного измерения пространства подчёркивает значение и роль в современном обществе продуктов умственного труда. Военные стратегии уступают место стратегиям и тактикам непрямых действий, миротворческим и полицейским операциям, всякого рода «цветным» революциям. Вследствие огромных потенциальных разрушений от применения даже обычного оружия современная война становится роскошью. Поэтому во главу угла международной политики теперь ставится задача не физического уничтожения противника, а сбережения ценных ресурсов на его территории: природных, промышленных и людских, которые можно было бы впоследствии использовать победителю. Глобализация показала, что в современном социуме особую ценность представляют информационное, экономическое и финансовое пространства, доминирование в которых даёт возможность получить доступ к ресурсам конкретного государства невоенным путём.

Процессы глобализации, продвигаемые идеологами либерализма, ставят на повестку дня вопрос об отказе от традиционных силовых подходов в геополитике. Может показаться, что доминирующий в настоящее время принцип политического реализма, представляющего международные отношения исключительно как силовые отношения государств (парадигма Клаузевица) в лице и их идеолога Г. Моргентау, для которого «национальный интерес» был центральным понятием теории международной политики и

главной, если не единственной, движущей силой во взаимоотношениях государств. Казалось бы, силовые методы решения международных проблем уходят в историю и на их место приходит «цивилизационный» подход А. Тойнби[30] с приоритетом общечеловеческих гуманистических принципов. Однако, как показывает новейшая историческая практика, несмотря на активность сторонников «цивилизационного» подхода, силовая геополитика пока ещё не списана в архив истории. Наоборот, её арсенал становится всё более разнообразным. Более того, с появлением и развитием информационных и сетевых технологий, новых средств вооруженной борьбы силовая геополитика приобретает всё новые формы и способы реализации.

В связи с этим неудивительным является то, что в условиях растущей многомерности современного геополитического пространства классическая геополитика оказалась неспособной объективно описывать социально-политические процессы. Выходом из создавшегося положения может быть подход, основанный на выявлении ценности элементов геополитического пространства и определении их геополитических потенциалов благодаря его наполнению теми ресурсами, которые используют люди при решении своих политических, экономических и военных задач. Для того чтобы какое-либо пространство стало объектом политических притязаний, оно должно обладать определённой ценностью, основанной на его военно-политической и ресурсной значимости. Пространства, не имеющие ресурсной значимости, не являются объектами притязаний со стороны других стран. И наоборот, социально и ресурсно значимые пространства являются критически важными для безопасности любого государства, за их обладание идёт борьба, и они должны быть защищены от любых притязаний извне.

Примером тому может быть Антарктида, территория которой пока не представляет особой социальной и ресурсной значимости для человечества. И обратным примером служит Арктика, которая до последнего времени не привлекала к себе внимания, пока там не были открыты богатые природные ресурсы и не появилась перспектива регулярного судоходства вдоль северных берегов России, Канады и Аляски. Вследствие этого Арктический регион начал приобретать важную геополитическую значимость с экономической и военной точек зрения. Однако этот фактор имеет значение не для всех стран. Всё зависит от того, насколько данная территория и содержащиеся на ней ресурсы вписываются в геополитику государств как обладающих ей, так и на неё претендующих.

В современном геополитическом понимании значимость пространства приобретает многомерный характер, а технический прогресс придаёт ему свойства динамической системы, состоящей из отдельных подсистем и узлов, соединённых линиями прямых и обратных, положительных и отрицательных связей. Таким образом, мы приходим к понятию сетецентричности при описании того или иного пространства. Принцип сетецентричности основывается на представлении пространства в виде взаимосвязанных узлов, представляющих собой критически важные объекты административно-политической, экономической, энергетической, информационной и военной инфраструктур государства. Все эти объекты имеют определённое, ранжированное значение важности для устойчивости государственной инфраструктуры, так как разрушение или нарушение функционирования даже их части может поставить под угрозу существование государства. Отсюда видна значимость контроля со стороны государства, как своего геополитического пространства, так и мониторинга всех пространств, представляющих для него интерес. Геополитика только тогда приобретает государственный статус и служит фундаментом национальной стратегии, когда она выходит на уровень анализа закономерностей развития геополитических процессов с целью определения форм и методов реализации политики государств в конкретном геополитическом пространстве, на которое претендуют или могут претендовать в будущем другие государства.

Иначе говоря, в условиях современного мирового развития, при увеличивающемся разнообразии форм экспансии, её материально-сущностная направленность сохраняет свой вектор. Как и во времена древних цивилизаций, борьба за доступ и использование ресурсов составляет основное содержание деятельности государств и народов. А поскольку ресурсы вне пространств существовать не могут, причём независимо

оттого, что это за ресурсы – идеи, технологии, сырьё, люди, ископаемые, то ресурсо-содержащие пространства всегда будут представлять ценность в качестве объектов для политических притязаний в международных отношениях.

Элементы современного геополитического пространства приобретают всё большую ценность по мере их освоения человеком. Однако для завоевания и сохранения своего геополитического доминирования во всех геополитических пространствах у государств не оказывается достаточного количества ресурсов для обладания всеми их компонентами. Да этого и не надо. Достаточно обеспечить контроль наиболее ценных узловых точек каждого вида пространств. При этом финансовое и информационное пространства вне их связи с другими элементами геополитического пространства вряд ли способны обеспечить государство необходимыми ресурсами. Это приводит к необходимости комплексного подхода к захвату, освоению и удержанию того или иного геополитического пространства.

Экспансионизм как движущая сила геополитической динамики. Уже не одно столетие идут поиски причин появления механизмов формирования цивилизаций, их становления, развития, угасания и упадка. Большинство ответов на эти вопросы сводятся к акцентированию внимания на двух главных факторах:

– развитием производительных сил и производственных отношений, что подразумевает деление обществ на первобытно-общинное, античное, феодальное, капиталистическое;

– эволюцией человеческого сознания в духовно-культурной и научно-познавательной формах, что является движущей силой и базисом общественного прогресса.

Третий фактор – классовая борьба, после поражения идей марксизма и коммунизма в настоящее время выведен из научного оборота.

Два первых вышеупомянутых фактора не противопоставляются один другому, а находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии и, казалось бы, должны оказывать влияние на все народы Земли в равной мере. Но это не так. В тропическом поясе Земли до сих пор живут племена, не знающие не только государственности, но и не имеющие никаких признаков, присущих современной цивилизации. Так продолжается на протяжении тысяч лет. Эти люди довольны своей жизнью и не мечтают о другой. И это происходит на фоне бурного развития промышленной, а теперь уже и информационной, цивилизации, лозунгом которой является «прогресс».

Поневоле приходится задаться вопросом о том, почему в одних обществах имеет место развитие производительных сил и производственных отношений, а вместе с ними и эволюция человеческого сознания в духовно-культурной и научно-познавательной формах, а в других обществах этого не происходит.

Ответ на этот вопрос следует искать в наличии третьего фактора, являющегося своеобразным стержнем эволюции человечества, определяющим его историческое развитие. Этим фактором является экспансионизм.

Как показывает весь ход исторического процесса, экспансия является движителем человеческого общества, его политики, экономики, науки и культуры. Она же определяет создание таких форм духовной мобилизации людей как религия и идеология. Превалирование в общественной жизни народов тех или иных форм экспансии влияет на их историческое развитие, государственный строй, культуру, экономику и, в конечном счёте, определяет уровень притязаний государства на его роль в международной политике и в мировой истории. Однако, как отмечает Б. Шапталов[31],[32], если первым двум факторам – экономике и культуре – в научной литературе уделено огромное внимание, то экспансионизм рассматривается как сугубо вторичное явление, как порождение этих основных факторов. Вплоть до последнего времени экспансионизм не рассматривался в качестве самостоятельного фактора общественного развития и не связывался ни с социальной энергией народных масс, ни с энергетикой пассионарных личностей. Этот ошибочный взгляд на исторические процессы является следствием влияния традиционалистических обществ, характеризующихся чрезвычайно медленной эволюцией их развития с многовековыми остановками, что свойственно большинству народов нашей планеты.

Экспансию, как фактор развития человеческого общества, можно представить как:

– своеобразный приводной ремень смены общественно-политических формаций;

– механизм реализации этноэнергетики народа и его лидера в конкретные формы государственных и имперских образований;

– катализатор социальных процессов при формировании национальных идентичностей этносов и народностей.

По образному выражению Б. Шапталова[33], экспансионизм является своеобразным двигателем истории, при этом «горючим» для него является этноэнергетика народа, а «запалом» – энергетически сильные личности, поставившие перед собой целью создание империй и сильных государств.

Признаком сложившейся системы экспансионизма является ситуация, когда тот или иной народ начинает влиять на ход истории и судьбы достаточно большого числа других народов и государств. При этом агрессия в её чистом виде и экспансионизм имеют качественные различия. Экспансионизм – это не одномоментный акт захвата части или всей территории одним государством у другого. Экспансия – это целенаправленный процесс, распространяющийся на довольно длительное историческое время: десятилетия или даже столетия. В результате этого изменяется вектор исторической эволюции человеческого общества в региональном, а иногда и в глобальном масштабах.

В свете теории экспансионизма вопрос о прогнозировании динамики государственных образований получает своё разрешение. Научное прогнозирование становится реальным, когда появляется возможность заблаговременно выявить источники и первые проявления экспансионизма. В тех случаях, когда новые экспансионисты уже определились и начали успешно действовать, а энергия старых экспансионистов начинает угасать, становится ясно, кто будет определять облик будущего мира. Но предвидеть заранее рождение нового экспансиониста или угасание существующего, но ещё находящегося в расцвете сил, довольно сложная задача. Пока неясно, как в среде небольших по численности этносов в короткие исторические сроки рождаются мировые империи. Наука кончается там, где не отыскиваются объективные обоснования наблюдаемых процессов, что открывает путь для спекуляций в области политологии. Трудность политологического анализа состоит в том, что зачастую невозможно правильно определить скрытое средоточие жизненной энергетики нации, которое выдвигает на политическую арену национального лидера.

В современном мире возникли новые типы экспансионистских систем: экспортная экономика, инновационные технологии, неконтролируемая иммиграция, культура и религия. Те государства, которые сумели сформировать механизмы экономической и научно-технологической экспансии, вошли в число лидеров современной цивилизации. Сейчас можно считать, что современный вид экспансионизма – евро-атлантический, прошел несколько этапов: от евроцентризма через трансатлантическую фазу развития к попыткам глобального масштаба его распространения.

Ценность теории экспансионизма в концепции геополитической динамики обусловлена тем, что экспансионизм раскрывает процессы развития цивилизаций от их рождения до гибели, ибо любая цивилизация – это плод экспансионизма.

Теория экспансионизма охватывает такие вопросы как формирование держав и империй, центрально-периферийное построение мира, и глобального информационного общества как его основы, формирование глобальной экономики и ролью в ней транснациональных корпораций, как новой движущей силы экспансионизма надгосударственных структур в современном мире. Здесь же следует отметить возрастание роли и влияния транснациональных надгосударственных образований, построенных по сетевому принципу. К таким структурам следует отнести организации радикального ислама (Аль-Каида, Хезболла, Хамас, Талибан).

Теория экспансионизма должна отвечать на следующие вопросы:

– истоки и пути зарождения сильных государств, держав и империй;

– на каких принципах формируются те или иные центры силы;

– пределы роста и причины деградации и упадка великих держав;

– к чему должна стремиться правящая элита государства, если она ставит перед собой задачи экспансии в той или иной форме;

– каким образом можно блокировать процессы, ведущие к ослаблению этноса и государства.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра.– М.: Из-во МГУ, 1990,– 69 с.
2. Collins R. Conflict Sociology.– N.Y.: Academic Press, 1974.
3. Розов Н.С. Современная теория геополитической динамики: реконструкция исследовательской программы Р. Коллинза // Русский архипелаг: информационный сайт.– URL: www.archipelag.ru/geopolities .
4. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life.– N.Y.: Free Press, 1995.
5. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change.– Belknap Press of Harvard Univ. Press,; 1998.
6. Skocpol Th. States and Social Revolutions.– N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1979.
7. Skocpol Th. Social Revolutions in the Modern World.– N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1994.
8. D'Encause E. Decline of an Empire: the Soviet Socialist Republics in Revolt.– N.Y.: Harper and Row, 1979.
9. Шапталов Б.Н. Теория и практика экспансионизма. Опыт сильных держав.– М.: URSS, 2009.
10. Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An Introduction to History, translated from the Arabic by Franz Rosental.– N.Y.: Pantheon Books, 1958.
11. Hodgson M. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization.– 3 vols, Chicago.: 1974.
12. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World.– Berkeley.: Univ. of California Press, 1991.
13. Weber M. Economy and Society.– N.Y.: Bedminster Press, 1968.
14. Collins R. Conflict Sociology.– N.Y.: Academic Press, 1975.
15. Collins R. Weberian Sociological Theory.– N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
16. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира, Вып. 1, 2000.
17. Розов Н.С. Современная теория геополитической динамики: реконструкция исследовательской программы Р. Коллинза // Русский архипелаг: информационный сайт.– URL: www.archipelag.ru/geopolities
18. Stichcomb F. Constracting Social Theories.– N.Y.: Harcout Brace.1968.
19. Wallerstain J. The Modern World System.– N.Y.: Academic Press, 1974.
20. Wallerstain J. The Capitalist World Economy.– Cambridge Univ. Press,1979.
21. Wallerstain J. The Politics of the World-Economy: the States, the Movement and the Civilization.– Cambridge Univ. Press, 1984.
22. Wallerstain J. The West Capitalism and the Modern World-System: rev. 1992.– Vol. XV, 4.
23. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования.– М.: URSS, 2009.– 45 с.
24. Большая Советская энциклопедия, Третье издание.– М.; 1973, т.13.– 94 с..
25. Encyclopedia Britannica.– 1973, v.6, pp. 253-254.
26. Большая Советская энциклопедия, Третье издание.– М.; 1973, т.13.– 94 с..
27. Там же.– т.9, 307-308 сс.
28. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования.– М.: URSS, 2009.– 140, 246 сс.
29. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования.– М.: URSS, 2009.– 139с.
30. Тойнби А. Постижение истории.– М.; 1991.
31. Шапталов Б.Н. Теория и практика экспансионизма. Опыт сильных держав.– М.: URSS, 2009.– 15-20сс.
32. Шапталов Б.Н. Феномен государственного лидерства. Экспансия в мировой истории.– М.: КРАФТ, 2008.– 3–29сс.
33. Шапталов Б.Н. Теория и практика экспансионизма. Опыт сильных держав.– М.: URSS, 2009.– 29–46сс.

Лопатников Д.Л.
(г. Москва)

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЛОББИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Lopatnikov. D.L. (Moscow)

PERSPECTIVES OF SHAPING ECOLOGICAL LOBBY IN THE RUSSIAN REGIONS

Аннотация. *В статье рассматривается необходимость формирования в России экологического лобби из наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей*

Abstract. *The author emphasizes the necessity for shaping the Russian ecological lobby consisting of those industries which are the most interested ones in creating a favourable ecological situation*

Ключевые слова: *качество жизни, экологическое лобби, Россия*

Key words: *life quality, ecological lobby, Russia*

В последние десятилетия в научный обиход на смену традиционному понятию «уровень жизни» пришло понятие «качество жизни». То, что понятие «качество жизни» родилось в период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу – не случайно. Оно отражает изменение шкалы ценностей в относительно материально обеспеченных благополучных странах в сторону усиления значимости нематериальных ценностей. Это стало следствием, прежде всего, того, что, больше половины социального состава постиндустриального общества – представители так называемого среднего класса, занятые в основном умственным трудом.

«Качество жизни» – понятие более широкое, чем «уровень жизни», и, прежде всего, за счет именно нематериальных компонентов: доступность образования и достижений мировой и национальной культуры, возможности вести здоровый образ жизни, эстетика окружающего пространства. Для формализованной оценки качества жизни разработана принятая ООН система индикаторов. Она включает в себя не только традиционные показатели ВВП на душу населения или душевого дохода, но и уровень грамотности населения, число лиц, имеющих высшее образование, доступность и уровень здравоохранения и т.д. В докладах о развитии человека, издаваемых ООН ежегодно начиная с 1990 г., оценка качества жизни в различных странах мира производится при помощи расширяющейся системы индикаторов.

Значимым компонентом «качества жизни» в современном обществе становятся экологические параметры условий жизни человека. Один из ведущих отечественных экологов-экономистов ныне покойный К.Г. Гофман любил повторять фразу, что «экология – привилегия богатых». В этой краткой емкой формулировке заложен главный смысл и обоснование того, почему высокоразвитые «богатые» страны первыми сознательно вступили на путь экологизации хозяйства и жизни человека в целом. В этих странах сформировалось общество, которому впервые «до экологии».

Экологические потребности людей по мере роста благосостояния непрерывно растут. Для обеспеченного человека абсурдно есть дорогие экзотические фрукты и запивать их водой, загрязненной тяжелыми металлами, бегать по утрам кросс и дышать при этом выхлопными газами, загорать на пляже и нырять в море с нефтяными разводами. Меняется и экономическая значимость экологической составляющей качества жизни. Многие западные аналитики считают, что на фоне роста общего материального благосостояния населения и изменения его социальной структуры, экологическая составляющая выйдет на передний план, как при оценке эффективности хозяйства, так и при оценке качества жизни в той или иной стране или в регионе. Рост экологических притязаний по мере повышения уровня благосостояния людей становится одним из законов современного постиндустриального развития.

Существуют две концептуальные модели оценки качества жизни: объективистская и субъективистская. В объективистской качествожизни оценивается на базе совокупности соответствующих статистических показателей

(душевой доход, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.). При субъективистском подходе главным считаются субъективные ощущения людей. Субъективное восприятие качества среды жизни зависит, в частности, от интеллектуального развития индивида, образованности, общего мировосприятия и др. В оценке качества жизни учитывать субъективное восприятие человеком окружающего его мира не менее важно, чем учитывать объективные показатели. Для этого необходимы особые методы и формы исследования: анкетирование, интервьюирование и др. Как показывают социологические и социально-географические исследования, существует значительное расхождение между объективными факторами жизни места и его субъективными оценками населением [Кильдишова и др., 2003, с. 205].Субъективное восприятие порождает мотивацию. Мотивация растущих экологических притязаний складывается из ряда составляющих.

Во-первых, забота о здоровье. Если еще полвека назад даже в наиболее развитых странах здоровье, прежде всего, зависело от медицинского обслуживания, то теперь все больший вес приобретает экологический-фактор. В большинстве постиндустриальных стран всеобщая доступность медицинского обслуживания стала одним из первых достижений идей демократии и гуманизма. Традиционное медицинское обслуживание перестало быть привилегией. Если бы этого не было, вряд ли бы развитые страны имели столь высокие показатели средней ожидаемой продолжительности жизни их граждан. В тотальной экологизации жизни видится теперь главный резерв для улучшения здоровья людей и дальнейшего роста продолжительности жизни. В рамках нового социального заказа «спрос на экологию» может сравниться только со «спросом на генетику». Теперь культ «здорового образа жизни» глубоко проник в сознание среднестатистического обывателя развитой страны.

Главным массовым социальным носителем этого культа стал средний класс. Экологические «притязания» представителей среднего класса в постиндустриальном обществе высоки. На бытовом уровне они рассматриваются как один из важных элементов комфорта и здорового образа жизни. Эти притязания уже совершают медленный переворот в сельском хозяйстве, стимулируя отказ от любых экологически опасных технологий и переход на потребление экологически чистых продуктов. Пока такие продукты – одна из привилегий богатых, но по мере роста благосостояния она будет становиться доступной для все более широких слоев населения.

Помимо заботы о здоровье, нужно учитывать и экономический интерес. Рост экологических притязаний связан не только с общим ростом благосостояния людей, но и с описанными выше переменами в системе хозяйствования, занятости и социальном-составе. Конец «культа индустрии» привел к осознанию того, что в постиндустриальной экономике заводы и фабрики перестали быть«главными кормильцами» для большинства людей. Фабричный рабочий смотрел на экологические проблемы как на неизбежные издержки того, что у него есть работа и заработок. Принципиально другое отношение – у работника умственного труда. Для него благополучные экологические параметры окружающей среды становятся одним из факторов производительности труда. Для представителей многих творческих профессий (художников, режиссеров, ученых) экологический фактор уже давно стал одним из главных для организации творческого процесса. Таким образом, модифицированная с наступлением постиндустриализма цепь «хозяйство – занятость – социальный состав общества» меняет шкалу ценностей в обществе и преференции общественного спроса в сторону усиления экологических интересов. Пятьдесят лет назад дуйсбургский рабочий, так же как и магнитогорский, знал, что дымящая труба за окном – это, прежде всего, хлеб и жилье для его детей. Сегодня менеджеры туристских агентств в Дуйсбурге и в Магнитогорске знают, что дымящая труба – это угроза астмы для детей и пугало для туристов. Если для рабочего плохая «экология» – часть платы за возможность прокормить семью, то для работника умственного труда хорошая «экология» – одно из важных условий его эффективной работы. При этом принципиальнoто, что новую конъюнктуру начинают осознавать и учитывать приприняти решений не только работники, но и работодатели. Если в индустриальную эпоху в общественном сознании неблагополучная «экология» воспринималась как неприятная, но вынужденная издержка собственного материального благополучия в обществе,

где экономической базой была промышленность, теперь, когда она таковой не является, когда ее роль для большинства стала вторичной, обслуживающей, теряется чувство фатальной неизбежности подобных издержек.

Важнейшим продуктом развития авангардных стран в индустриальный период стало т.н. «общество потребления». Именно с обществом потребления многие экологи связывают экологические беды на планете. Рационализация потребления многими экологами называется одним их важнейших условий экологизации жизни. Однако понимание этой рационализации – самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов,сколько от политических пристрастий.Общество потребления – естественный плод эффективной экономики и огромное достижение стран с воспитанными веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей. Психологию общества потребления неверно сводить к погоне только за материальными благами.

Как это ни парадоксально звучит, сегодня есть основание говорить о рождении общества экопотребления. Результаты анализов общественного мнения показывают, что у населения развитых стран происходит смещение от потребности в традиционных благах к экологическим. Подобная тенденция последнее десятилетие отчетливо проявляется и в России. Как следствие,промышленные корпорации для уменьшения конфронтации с общественностью тратят больше средств на создание экологически безопасных производств, что в конечном счете благоприятно сказываетсяи на конкурентоспособности их продукции.

В целом, у граждан развитых стран уже стали меняться ценностные ориентиры – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни. Современная экономика опирается на принципиально новые приоритеты в потреблении, которые расставляет общество в высокоразвитых странах, где впервые в истории массовый спрос на нематериализованные товары сравнялся и зачастую начинает превосходить по стоимости спрос на материальные товары.

Главный экологически значимый результат постиндустриальной трансформации отраслевой структуры хозяйства в высокоразвитых странах – это формирование экологического лобби в лице наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей.При переходе к постиндустриальной модели экономики в третичном секторе формируется мощное экологическое лобби – группа отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии».К таким отраслям можно отнести науку, культуру, образование,туризм. Последние четверть века научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

Россию пока нельзя отнести к развитым странам постиндустриального типа. Тем не менее, в последние десятилетия у нас также развивается как международный, так и внутренний туризм. Поэтому, потенциально, как и в развитых странах, туриндустрия в России может сыграть немалую роль в экологизации многих территорий страны. По уровню развития туризма России еще очень далеко до Франции, США или Испании, но туристский потенциал этой типичной постиндустриальной отрасли хозяйства велик и у нас. Живописные ландшафты в огромной России местами еще сохранились. Но есть проблема. Она не в суровости климата и даже не в катастрофических потерях объектов культурного наследия в советский период, а, прежде всего, – в убогой инфраструктуре.

Пока что в России только два относительно крупных туристических центра – внешне цивилизованная европейская столица (Санкт-Петербург) и иллюминированная неолубочная столица государства (Москва). С советских времен интуристов возят в Троице-Сергиеву лавру и в Суздаль. Для полноценной туриндустрии, одна из задач которой, помимо организации разнообразного отдыха приезжающих и своих граждан, знакомство с самой большой в мире страной – совершенно недостаточно. Возрождение как туристских центров среднерусских городов не только «Золотого кольца», но и других сохранившихся провинциальных городков – главный стимул сохранить ландшафт этих городов и их окрестностей, ландшафтов по устойчивым маршрутам движения туристов.

По-новому заставляет взглянуть на приоритеты территориального планирования растущее паломничество. Уже сегодня принципиально изменились подходы к организации территории со стороны местных администраций там, где есть массово посещаемые Святыни: в Сергиево-посадском районе благодаря Троице-Сергиевой лавре, в Вологодской области благодаря Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям, в Карелии благодаря Кижам.

При организации туристической инфраструктуры в России будет очень полезно использовать опыт стран – мировых туристских центров, и, в частности, развитых. Например, в Испании туриндустрия спасла от вымирания сотни деревень. По мере становления среднего класса и ослабления ажиотажного постсоветского спроса на отдых за границей спрос на сельский туризм и на «отдых в деревне» будет расти.

По всей стране, от Кировска до Домбая, сегодня активно идет реанимация туристических и спортивных баз, пансионатов. Модными стали конный туризм и горнолыжный спорт. Подо все это нужен соответствующий ландшафт. Рост познавательного туризма может оказать добрую услугу возрождению сохранившихся дворянских и других усадеб. Ведь сто лет назад они в большинстве своем были очагами культуры на фоне убогих деревень, центрами просвещения для «простого народа».

При наличии социального заказа («спроса») на экологическую санацию территорий, то, насколько успешно она будет реализовываться, во многом будет зависеть от «предложения», то есть грамотных, научно проработанных и осуществимых проектов организации территории. В их разработке ключевую роль могут сыграть профессиональные географы. Одним из главных заказчиков и лоббистов экологического оздоровления России в наступившем столетии должна стать индустрия туризма.

Появление мощного экологического лобби в высокоразвитых странах показывает, что традиционные отечественные рецепты решения экологических проблем сегодня совершенно недостаточны. В большинстве случаев они сводятся к требованию государственного финансирования экологических программ. Однако финансирование экологических программ неверно считать решающим фактором успехов в экологизации жизни. В России за последние десятилетия отношение к рынку и его оценка глазами экономистов-экологов менялась. Двадцать лет назад главная принципиальная «битва» шла в плоскости сопоставления уходящей в историю командно-административной экономики и приходящей на смену рыночной. Еще в 1989 г. бывший директор ЦЭМИАН СССР Н.П. Федоренко и основатель отечественной школы экономики природопользования К.Г. Гофман писали о том, что «надо понять, что наиболее эффективная защита природы – экономическая. Без такой защиты – это показывает не только наш, но и мировой опыт– не срабатывают ни правовые механизмы, сколь бы совершенны они ни были, ни даже мощь общественного «зеленого» движения при всей его благородной и мобилизующей силе. Разрушение природы и административно-командная система настолько слились друг с другом, что, наверное, наилучшим индикатором наших успехов в демонтаже этой системы будет улучшение экологической ситуации» [Гофман, Федоренко, 1989].

В целом, к началу нового столетия в России прояснились многие теоретические вопросы ресурсосберегающего и экофильного хозяйствования в рыночной экономике, которые еще относительно недавно были непонятными. Среди наиболее важных идей, на которые сегодня опирается концепция экологизации хозяйства в условиях рынка, нужно назвать следующие:

– недостаточность «силовых», фискальных методов стимулирования охраны окружающей среды со стороны административных систем управления (по американской терминологии – командно-контрольных систем);

– относительно малая эффективность затрат на охрану окружающей среды, в особенности, со стороны государства;

– переход от преимущественной политики «кнута» к преимущественной политике «пряника», направленной на широкое использование рыночных регуляторов для поощрения предпринимательских инициатив в сфере охраны окружающей среды.

Опыт развитых стран показывает, что, в условиях грамотного использования рыночных механизмов «экология» может стать выгодной. В этом случае, нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные –

они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе. Конечно, рыночные механизмы эффективны для решения многих, но не всех экологических проблем и не во всех странах в равной степени. Например, меньшая их эффективность в России – прежде всего «проблема роста», а не просто «российская специфика» или тем более, родовая черта рынка вообще. Между тем, слабая эффективность рыночных подходов при решении экологических проблем до сих пор используется в России как аргумент в призывах к усилению государственного администрирования, в частности, в сфере экологии.

По мере роста благосостояния возрастает экофильное «давление» и со стороны богатеющего обывателя. В результате, издержки на «экологию» становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей,поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др.экологически опасных воздействий человека. В результате, многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в категорию экономическую. «Экология» становится значимой компонентой выгодного бизнеса в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи (как, например, в США). Если раньше было выгодно истреблять китов на мясо, то теперь выгоднее этого не делать для развития туризма.

Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Приход постиндустриализма делает из «экологии» товар, она становится субъектом товарно-денежных отношений. Экоориентированный бизнес уже стал значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран. Качество окружающей среды становится ресурсом для современного общества и тем самым приобретает экономическую ценность.

Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, экология все в большей степени становится «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевыхнаправлений государственной политики в области экологии в постиндустриальных странах становится борьба за превращение «экологии» из «товара для избранных» в «товар массового спроса». Для этого, в частности, уже задействуются методы активного формирования спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах ориентированы на «экологические» потребности обывателя.

Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом эффективной работы экономики, с другой – главным стимулом ее развития. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах сегодняшнего, очень экономически контрастного мира, так и для большей части стран идея ограничения общества потребления,как минимум, утопична. Наряду с идеей биоцентризма, идею борьбы с обществом потребления можно также квалифицировать как экоутопию. Конкретно для России вторая экоутопия не менее опасна, чем первая.

В процессе формирования эколобби создаются предпосылки для возможности во многих случаях отказаться в сфере «экологии» от наиболее любимого, простого и «универсального» способа решения всех проблем – встать в очередь за деньгами: за бюджетным финансированием в стране, за долей в финансировании экологических программ ООН и др. Этот путь наименее удачный, т.к. нужно «растолкать локтями» еще несколько десятков просящих, чтобы продвинуться в первые ряды. Приходится тягаться с такими «тяжеловесами», как ВПК, «социальные программы», сельское хозяйство. Парадокс состоит в том,

что если идти по этому пути, то чем глубже кризис (реальный или мнимый) «по расчетам специалистов», тем больше шансов на удачу.

Пока все красноречие экологов направлено на то, чтобы доказать, что «экология» должна быть не на 31-ом, а на 13-ом месте в очереди за государственным финансированием, экологическая проблема эффективно решаться не будет. Только создание экономических механизмов заинтересованности в «экологии» может дать реальные успехи в экологизации хозяйства. В целом, в постиндустриальных странах начался процесс формирования экологизированного хозяйства с новой системой ценностных ориентиров. Постиндустриализм стимулирует именно такие механизмы. Этим он вносит весомый вклад в переход от экономико-экологического антагонизма, характерного для индустриального периода, к экономико-экологическому сотрудничеству «на взаимовыгодной основе».

Библиографический список

1. Гофман К.Г., Федоренко Н.П. Экономическая защита природы // Коммунист.– 1989.– №5.– С.31–39.
2. Доклад о развитии человека. 2007/2008.– ЮНЕП-ООН.
3. Кильдишова Н.А., Логинова Н.Н., Носонов А.М., Семина И.А. Пространственна дифференциация качества жизни сельского населения пригородных районов г. Саранска / сб. Города и городские агломерации в региональном развитии.– М., 2003.
4. Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Щелоков А. Экологический лоббизм в современной России // Власть. 09.2010.– С. 53–55.

Стрелецкий В.Н.
(г. Москва)

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Streletsky V.N. (Moscow)

REGIONALISM AS A CULTURAL PHENOMENON

Аннотация. *В статье дается авторская интерпретация регионализма как феномена культуры и рассматриваются вопросы сущности и типологии культурных районов*

Abstract. *In the article the author's understanding of regionalism as a cultural phenomenon is give. The author studies the nature and typology of cultural districts.*

Ключевые слова: *регионализм, культура, районирование*

Key words: *regionalism, culture, zoning*

Термин ***регионализм*** в современном географическом и социально-гуманитарном дискурсе используется в различных значениях [1; 6–8; 10–12; 19; 20 и др.]. Например, под регионализмом часто понимается:

• *подход к проблемам социума с позиций интересов и потребностей регионов*, их учет в экономике, политике, управлении, отказ от чрезмерного централизма и унификации;

• взаимодействие между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (например, административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующих соответствующие региональные группировки; их *региональное сотрудничество*, укрепление связей между ними;

• *политические движения* в рамках разных региональных сообществ, направленные, в частности: а) на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей); б) на расширение уже существующих прав региональных сообществ.

По мнению А.И. Трейвиша [17, с.226–227], по совокупности толкований, регионализм включает во-первых, региональную идентичность людей, их приверженность к провинциальным традициям и самобытности, во-вторых, воплощение соответствующих идей в региональные общественные двиджения и, в-третьих, «собственно регионализацию» (у этого термина, впрочем, разброс значений не меньше, чем у понятия «регионализм») – уже в сфере государственной политики. Существуют и иные трактовки термина «регионализм»; их подробный и обстоятельный анализ выходит за рамки данной статьи.

Интерпретация регионализма в данной статье имеет особый ракурс: он трактуется, прежде всего, *как феномен культуры*. Такое понимание регионализма, разумеется, не исключает возможности и правомерности иных исследовательских подходов, с другой фокусировкой.

Трактовка регионализма как феномена культуры ставит на повестку дня вопрос об интерпретации культуры как географической реальности вообще. По мнению автора, ***культура как географическая реальность*** может рассматриваться с двух разных точек зрения [14; 15]. Во-первых, это ***культура в географическом пространстве*** (пространственная дифференциация артефактов и ментифактов, их выраженность в ландшафте, связь с географической средой, пространственная самоорганизация культурных комплексов). Во-вторых, это ***географическое пространство в культуре*** (представления о географическом пространстве в разных культурных контекстах, образы различных местностей и территорий, отношение местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры).

Само понятие *регионализм*, в первую очередь, наполнено глубоким культурным смыслом. Регионализм не тождественен региональной специфике вообще. Это, прежде всего, феномен культуры, и в нем можно выделить, в понимании автора, два пласта. Во-первых, это пласт «объективный»: некая комбинация культурных характеристик, которые придают той или иной территории черты своеобразия, неповторимости, а то и

уникальности, по сравнению с другими территориями. Второй пласт – «рефлексивный», выражающийся в представлениях людей о своеобразии и самобытности тех или иных местностей и территорий. Для культурной географии второй, «рефлексивный» пласт не менее важен (а во многих случаях даже более важен), чем первый. Определений культурного регионализма, несомненно, может быть несколько, в завимости от целеполагания исследования. Не претендуя на исчерпывающую дефиницию «на все случаи жизни», изложим здесь нашу собственную, авторскую току зрения, с позиций культурной географии. Под ***культурным регионализмом*** понимается *своеобразие, самобытность региональных сообществ людей, неразрывно связанное с региональным разнообразием культурных ландшафтов*. Культурный регионализм являет собой *двуединый феномен*: с одной стороны, это понятие охватывает реальное региональное разнообразие культурных ландшафтов, с другой стороны – их восприятие местными (территориальными) сообществами. Феномен культурного регионализма прослеживается на разных уровнях пространственной иерархии – от локального до национального.

Регионализм как феномен культуры может быть описан большой совокупностью индикаторов; к числу важнейших из них, по нашему мнению, относятся:

1) Региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией;

2) Этническая / субэтническая / субкультурная гомогенность / гетерогенность регионального (местного) сообщества;

3) Характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура;

4) Регионально специфические для местной культуры особенности хозяйства и природопользования;

5) Местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы);

6) Конфессиональная структура регионального (местного) сообщества;

7) Регионально специфические особенности духовной культуры;

8) Регионально специфические особенности материальной культуры;

Стержневое понятие в интерпретации регионализма как феномена культуры – ***региональное самосознание*** людей. Региональная идентичность как самоотождествление определенных общностей людей с соответствующими территориями является, как правило, следствием *укорененности культуры*, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к своей «малой родине», стремления так или иначе ее «обустраивать». Очень часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову.

Трактовка понятия ***«район»*** в культурной географии имеет ***две разные традиции***. В первом случае «районируется» *территория*, во втором – *культура*. Первый подход восходит к идеям основоположников хорологической концепции о «заполнении» географического пространства, второй – к представлениям о пространственном бытии самой культуры.

Районирование территории представляет собой давнюю традицию, нашедшую свое яркое воплощение еще в идеях А. Геттнера [4; 5]; дальнейшее развитие она получила в трудах его последователей – Р. Градмана и Г. Лаутензака в Германии, Н. Феннемана в США, С. де Геера в Швеции, П. Мишотта в Бельгии и др., в том числе и в их работах культурно-географической направленности. Последовательный хорологизм (в «изначальном», кантовском понимании) проявлялся в том, что авторы стремились максимально абстрагироваться от материального «субстрата» изучаемых ими процессов. Одним из последних «классиков» этой традиции был американский географ Р. Хартшорн – автор фундаментального труда «Сущность географии» [24]. Подчеркивая свою приверженность хорологическим идеям, Р. Хартшорн вместе с тем считал географию вообще, а культурную географию в частности, наукой чисто идеографической. География призвана описывать множество районов (местностей), каждый из которых – сугубо индивидуален

и неповторим. Какие-либо общие закономерности пространственной дифференциации культуры, по Р. Хартшорну, отсутствуют. Лишь местоположение связывает разные элементы культуры, заполняющие пространство и взаимодействующие в нем.

В противовес идеям о пространствах, «вмещающих» культуру, в культурной географии широкое распространение и противоположная точка зрения, согласно которой объектом культурного районирования выступает не территория, «заполненная» неким материальным и ментальным субстратом, но сама культура. Важный толчок этим идеям дали работы представителей французской школы географии человека (и прежде всего ее признанных лидеров – Ж. Брюна [21 и др.] и П. Видаля де ла Блаша [31 и др.]) еще в первые десятилетия XX в., хотя «культурная география» ими никогда не выделялась как самостоятельная ветвь географической науки. Регионализм (в данном случае как специфический исследовательский акцент в географических работах) был ярчайшей и характернейшей чертой всей французской школы географии человека, причем культурные феномены рассматривались представителями этой школы в неразрывном единстве природных и социальных явлений, формировавших индивидуальный «портрет» того или иного района. Когда позднее, уже после работ К. Зауэра [29], культурная география стала формироваться как самостоятельное направление в географической науке, многие идеи французских географов-регионалистов (в том числе представления о неразрывной связи культуры и ландшафта, критика ими хорологических построений и др.) были переосмыслены. Одним из первых в культурной географии четко артикулировал позицию «районировать культуру» (как альтернативу хорологической установке «районировать территорию») Д. Мейниг [26; 27], а первую получившую широкий резонанс попытку культурного районирования такого рода предпринял В. Зелински в своей знаменитой монографии «Культурная география США» [33]. Культурные районы – это прежде всего территориальные общности людей, подчеркивают сторонники этого подхода. Единство культурного района цементирует прежде всего региональное самосознание его жителей – самих носителей культуры. Представляется, что в рамках концепции культурного регионализма эффективна реализация именно второго методологического подхода к районированию.

Узловая теоретико-методологическая проблема исследования феномена культурного регионализма – вопрос ***онтологического статуса культурных районов***. Как и любой иной район, культурный район не является объектом, существующим независимо от нашего сознания, данным нам как бы «от природы». Но он не является, в понимании автора, и чисто интеллектуальным конструктом, сформированным одним лишь мышлением (данная точка зрения широко распространена в современной англосаксонской культурной географии и в некоторых других национальных школах). В споре между сторонниками и противниками признания реальности культурных районов автор придерживается представления об их *реальности*. Но последняя, с позиций современного знания и современной методологии, конечно же, не может трактоваться в редукционистском смысле. Длительное время в отечественной науке и философии категория реальность (от латинского res, realia – дело, вещи) трактовалась как совокупность всего материального вокруг нас, окружающий мир, воспринимаемый нашими органами чувств и независимый от нашего сознания. Современная же философия исходит из представлений о *реальности как о сложной семиотической, знаковой системе* (сформированной и природой, и людьми). Многие культурно-географические феномены, как хорошо известно, не являются материальными; их ключевые особенности и связи относятся как раз к сфере сознания и проявляются, в решающей степени, в сходстве систем ценностей и ментальности людей. Культурные районы, отнюдь, таким образом, не будучи «вместилищем артефактов», есть, тем не менее, категория реальная.

Подчеркнем в этой связи то обстоятельство, что в конце XX в. – начале XXI в. в мировой географической науке вообще происходит радикальное переосмысление самого содержания понятия «регион» («район»), причем особенно выпуко оно проявляется именно в англосаксонской культурной географии. Внимание культур-географов в существенно большей степени стало фокусироваться на изучении проблем региональной

идентичности, отношения локальных групп и территориальных сообществ людей к среде их обитания и жизнедеятельности, представлений об окружающем их географическом пространстве [22; 23; 28; 30; 32 и др.]. Иными словами, то, что думают и как думают люди, взаимодействующие друг с другом в реальном и ментальном пространстве, представляет для нынешней генерации культургеографов больший интерес, чем география «объективированной» культуры, закономерности распространения артефактов и социофактов по земной поверхности.

Другой ключевой вопрос в изучении культурного регионализма, – ***являются ли культурные районы естественно-историческими феноменами, или же это конструируемая реальность?*** В понимании автора, большей частью генезис культурных регионов органичен и объективен, носит спонтанный, естественноисторический характер. Они, как правило, не создаются искусственно в силу тех или иных политических и др. решений, но формируются и развиваются по собственной, внутренней логике. Таковы, например, культурные регионы Германии, многих других западноевропейских стран [2; 25 и др.]. Но этот тезис не означает отрицания автором возможности искусственного «конструирования» региональных идентичностей и вообще региональных культурных комплексов; данный процесс может дать импульс формированию «новых» культурных районов (например, в географических контурах административно-территориальных единиц), не имеющих исторической укорененности как первоосновы своего генезиса. Так, создание региональной мифологии – мощнейший ресурс, который широко используется в современном мире и региональными властями, и региональными интеллектуальными элитами для выстраивания «особой» региональной идентичности (а это один из ключевых элементов культурного регионализма).

Культурные районы, как и другие виды районов, в типологическом отношении могут быть как ***узловыми*** (нодальными), так и ***однородными*** (гомогенными), либо в разной степени совмещать их признаки. Распространенное *представление о культурных районах как преимущественно однородных* связано с фокусировкой внимания на *пространственной дифференциации традиционной культуры* (особенно когда речь идет о «частных», а не об интегральных культурных районах – в этнической, лингвистической географии, географии религий и т.д.). В то же время *современные центры новационной (преимущественно городской) культуры*, по мере пространственной диффузии культурных инноваций, объективно и неизбежно порождают и воспроизводят *узловые культурные районы*. Грань между районами традиционной и новационной культуры, и вообще между однородными и узловыми культурными районами – достаточно условная и, главное, исторически подвижная. Многие из сохранившихся в наши дни районов традиционной культуры – уцелевшие «реликты» полноценных узловых культурных районов, существовавших в прошлые исторические эпохи.

Исключительно важная проблема теоретико-методологического порядка, возникающая в географических исследованиях феномена культурного регионализма, – ***соотношение культурных районов с другими типами районов общества***. Культурный район (как территориальная общность людей и их культуры) – более «узкая» категория, чем интегральный общественный район. Среди понятий, используемых в районировании общества, культурные районы стоят в одном ряду с экономическими, социальными, политическими и другими районами, выступающими в роли частных инвариантов пространственной самоорганизации общества. Процессы регионализации в отдельных «сегментах» общества (социум, экономика, культура и др.) имеют свою специфику; соотношение социальных, экономических, культурных и иных структур на разных уровнях пространственной самоорганизации различно. Культурные взаимодействия проявляют себя, в том числе, на очень обширных пространствах. В некоторых макрорегионах мира (например, в Северной Америке) именно культурные районы фактически занимают верхние «этажи» районирования (см. работы В. Зелински [33] и др. американских исследователей, а из отечественных географов – Л.В. Смирнягина по районированию США [13]). Вместе с тем, трактовать эту эмпирическую данность как общую географическую закономерность нет достаточных оснований. Так, в Западной Европе наблюдается скорее иная пространственная картина: там эконо-

мические районы высшего ранга, большей частью, крупнее культурных.

Еще один серьезный методологический вопрос – ***проблема анклавов в культурном районировании***. Инокультурные анклавы внутри культурного района (особенно если речь идет об однородном культурном районе) – это часто очень значимые феномены, которые невозможно игнорировать при проведении культурного районирования. Примерами могут служить иноэтнические вкрапления (анклавы) внутри однородного (гомогенного по базовому признаку) культурного района или города внутри районов традиционной сельской культуры. При *однородном культурном районировании* анклавы во многих случаях могут быть «изъяты» из регионального контекста без особого ущерба для отображения того феномена культуры, который районируется (так при районировании традиционной сельской культуры можно игнорировать вкрапления городов в ее географическое пространство, ибо они по определению не являются центрами сельской культуры). Однако при интегральном *узловом культурном районировании* игнорировать проблему анклавов невозможно; выявление характера связи последних с другими структурными звеньями узлового района становится важной частью процедуры районирования. Региональная самоидентификация населения и формирование региональных общностей людей предполагают максимальное «включение» всех групп населения в местное сообщество, в том числе и представителей инокультурных анклавов. Опыт конкретных исследований (в частности, на материалах Германии и ряда других западноевропейских стран) показывает, что наличие таких анклавов внутри культурных районов не обязательно способствует размыванию целостности последних и уж во всяком случае не исключает формирования, в той или иной степени, общих ценностей и единого регионального самосознания представителей разных культурных групп, проживающих в пределах таких районов.

Важную, и при этом двоякую роль в генезисе культурно-географических различий играют миграции населения. С одной стороны, они выступают в роли мощнейших трансляторов культурных артефактов, ментифактов, социофактов во внешнее пространство. С другой стороны, высокая миграционная подвижность часто ослабляет ранее сложившиеся традиционные культурные комплексы и может, тем самым, снижать «силу» (в терминологии М.П. Крылова [9]) региональной идентичности. Однако представляется, что связь здесь более сложная. Миграции населения не всегда влекут за собой разрушение укорененной культуры и, более того, *могут быть сами отчасти продиктованы и обусловлены как раз высокой степенью укорененности*.

В заключение отметим, что исследования в области культурно-географической регионалистики имеют огромное практическое значение, а для нашей страны его просто невозможно переоценить. Россия с ее колоссальным природно-ландшафтным разнообразием, различными историко-географическими «траекториями» развития отдельных макрорегионов, этнокультурной и конфессиональной гетерогенностью, пространственной дифференциацией традиционных образов жизни людей, а также большими различиями в уровне экономического развития между разными районами, сильной поляризацией между урбанизированными и сельскими территориями, дает богатейший и ценнейший исходный материал для региональных культурно-географических исследований. Между тем, сводных трудов по культурному (культурно-географическому) районированию России до сих пор так и нет. Традиционно в этой области преобладал ретроспективный, историко-культурный подход (значительный опыт историко-культурного районирования накоплен в отечественной этнографии). Примеры же разработанных сеток современного культурно-географического районирования страны единичны, и они не отличаются высокой степенью дробности. В работе С.Я. Сущего и А.Г. Дружинина [16] базовой единицей культурного районирования выступают геоэтнокультурные системы, понятие о которых введено авторами; сетка районирования соответствует историческим макрорегионам страны. Было предложено также несколько вариантов культурно-ландшафтного районирования России, основанного на сочетании регионального и ландшафтного подходов в культурной географии [3; 18].

Подчеркнем, однако, что проблематика исследований феномена культурного регионализма, разумеется, отнюдь не ограничивается вопросами разработки «сеток»

культурно-географического районирования, при всей важности последнего; по своему содержанию она значительно богаче и емче. Отмечающаяся в последние десятилетия смена парадигм в культурно-географической регионалистике, а также расширение и одновременоно углубление междисциплинарного взаимодействия открывают перед учеными-географами некоторые новые исследовательские возможности.

Библиографический список

1. *Барыгин И.Н.* Регионоведение. М.: Аспект Пресс, 2007. 399 с.
2. *Бусыгина И.М.* Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 1999. 351 с.
3. *Веденин Ю.А.* Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. С.338-383.
4. *Геттнер А.* Как культура распространялась по Земному шару. Л.: Начатки знаний, 1925. 88 с.
5. *Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы. Л.-М.: Госиздат, 1930. 416 с.
6. *Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география: Научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 644 с.
7. *Дергачев В.А., Вардомский Л.Б.* Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 463 с.
8. *Каганский В.Л.* Регионализм, регионализация, пострегионализация //Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002. С.12–18.
9. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
10. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Отв. ред. С.С. Артоболевский, А.И. Трейвиш. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 294 с.
11. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общей ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер / РАН, Институт географии. М.: изд-во МГТУ, 2011. 317 с.
12. Регионы и регионализм в странах Запада и России / редколлегия: И.М. Бусыгина, Р.Ф. Иванов, И.М. Супоницкая. М.: ИВИ РАН, 2001. 260 с.
13. *Смирнягин Л.В.* Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.
14. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии //Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С.18-28.
15. *Стрелецкий В.Н.* Культура как географическая реальность и научные традиции в культурной географии //Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Пятые Сократические чтения /Под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С.127–141.
16. *Сущий С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов - н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
17. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
18. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Ин-т наследия, 1998. 210 с.
19. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006.
20. Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В.Я. Гельмана, Т. Хопфа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., Летний сад, 2003.
21. *Bruhnes J.* La géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1910.
22. *Claval P.* Postmodernisme et géographies //Géographie et Cultures. 1999. №4. P.3–24.
23. *Claval P.* Géographie culturelle. Une nouvelle approche des societés et des millieux. Paris: Armand Collins, 2003. 288 p.
24. *Hartshorne R.* The nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past // Annals of Association of American Geographers. Vol. 29. 1939. P. 171–645.
25. *Jordan T.G.* The European culture area. A systematic geography. New York - Evanston - San Francisco - London: Harper & Row, Publ., 1973. 381 p.
26. *Meinig D.*W. The Mormon culture region: strategies and patterns in the geography of American West 1847-1964 // Annals of the Association of American Geographers. 1965. Vol.55. №2. P.191–220.
27. *Meinig D.*W. American Wests: preface to a geographical interpretation // Annals of the Association of American Geographers. 1972. Vol.62. №2. P.159–184.
28. *Richner M.* Sozialgeographie symbolischer Regionalisierungen. Zur gesellschaftlichen Konstruktion regionaler Wahrzeichen. 2te durchges. Aufl. Zürich: LU-Verlag, 1999.
29. *Sauer C.O.* The morphology of landscape //University of California Publications in Geography. 1925. Vol. 2. P.19–53.
30. *Tschaschel M.*, *Micheel M.* Regionale Identität. Leipzig: Lebnitz-Institut für Länderkunde, 2008.
31. *Vidal de la Blache P.* Principes de géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1922. 327 p.
32. *Werlen B.* Sozialgeographie. Bern - Stuttgart - Wien: Verlag Paul Haupt, 2000. 400 S.
33. *Zelinsky W.* The cultural geography of the United States. Prentice-Hall: Englewoof Cliffs, NJ, 1973. 164 p.

Мичурин С.Б., Мичурина Ф.З.
(г. Пермь)

КОНЦЕПЦИЯ СОЧЕТАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО И РЕКРЕАЦИОННОГО НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Michurin S.B., Michurina F.Z. (Perm)

THE CONCEPT OF COMBINING AGRIBUSINESS AND RECREATION INDUSTRY AS THE DIRECTION OF THE DEVELOPMENT FOR FARMING TERRITORIES

Аннотация. *Содержательно и на основе расчетов аргументирована возможность сохранения традиций осуществления сельскохозяйственного товарного производства в пределах сельских территорий регионов с преимущественным развитием промышленности. Альтернатива развития туризма и сочетания производственного и рекреационного направлений развития с увеличением выполняемых функций определяет перспективу дальнейшего развития сельских территорий в регионах как полноценной среды жизни.*

Abstract. *The authors well-grounded with facts and calculations the possibility of maintaining traditional production of agricultural commodities within farming territories constituting parts of the regions with dominating manufacturing industries. As an optional branch of the region industry tourism has been revealed and a combination of manufacturing and recreation industries has been defined as the prospect of the further development of the farming territories as complete living environment.*

Ключевые слова: *регион, ресурсы, производство, услуга, рекреация, туризм, сочетание, альтернатива, функция, концепция.*

Key words: *region, resources, production, service, recreation, tourism, combination, optional branch, function, conception.*

Любой регион многофункционален в виду многоликой и емкой сущности занимаемого пространства, в котором всегда расположены материально-выраженные объекты либо используемые, либо созданные обществом. Используемые объекты описываются такими широкими по содержанию понятиями как земля, которая выступает в качестве предмета и средства труда в сельском хозяйстве и добывающей промышленности, либо – сложноструктурированным понятиями природные условия и ресурсы. Созданными обществом объектами являются предприятия материального производства, организации непроизводственной сферы, в том числе сферы услуг, жилье (все они дискретно размещены в пространстве и расположены в основном в пределах населенных пунктов) и коммуникации.

Условия природы и история развития регионов определяет соотношение того, что используется и того, что создается обществом. Это выражается в специализации производства и определяет большую или меньшую завершенность энерговещественного процесса, осуществляемого на территории регионов. В свою очередь этим же обусловливаются возможные и фактически проявляющиеся функциональные приоритеты хозяйства, структура отраслей производства, а также пропорции в численности городского и сельского населения и особенности системы расселения.

По существу, преобладание создаваемого обществом над используемым им определяет степень освоенности территории. Сам же характер освоения зависит от пропорций в объемах применяемых основных факторов производства, в обобщенной классификации распределяющихся на группы столь же обобщенно именуемые – земля, труд и капитал. Пропорции объемов или, другими словами, масштабы их наличия диктуют целесообразность развития в большей мере либо промышленного, либо сельскохозяйственного производства.

Известно, что общей тенденцией мировой практики развития является постепенный переход общества от преобладания аграрного производства к преобладанию

индустриального с дальнейшим увеличением доли непроизводственных видов деятельности. В отдельных регионах данная последовательность модифицирована на первых ее стадиях. Малоблагоприятные природные условия и богатство недр способствуют преобладанию промышленного развития уже в самом начале освоения территории, как это произошло в пределах Урала. Однако современная тенденция постиндустриального периода развития характерна и для таких регионов, хотя причины могут отличаться от тех, которые присущи общему социально-экономическому процессу изменений в отраслевой структуре материального производства с постепенным увеличением значения других видов деятельности.

Такие изменения, соответствующие данному процессу, происходят под влиянием двух дополняющих друг друга условий. Первое – рост производительности труда, означающий возможность производить нужный объем материальных благ с меньшими затратами труда и соответственно с меньшим числом людей, занятых в материальном производстве, что является объективным основанием освобождения части трудовых ресурсов для осуществления иных видов деятельности. Второе условие состоит в увеличении потребности в различного рода услугах при росте благосостояния и уровня жизни людей. Поэтому постиндустриальное развитие, характеризующееся динамичным ростом непроизводственной сферы, обязано однонаправленному влиянию этих двух условий, стимулирующему возможности и потребности данного роста.

Интересно то, что в ряде староосвоенных регионов, промышленное развитие которых имеет давние традиции и связано с использованием местных минеральных ресурсов, формируется и третье условие, связанное с быстрым исчерпанием этих ресурсов при их интенсивном использовании. Таким образом, в этих регионах к двум общим условиям добавляется третье, действующее в том же направлении.

Однако ситуация может формироваться не только как стимулирующая развитие непроизводственной сферы, но в ряде случаев и не дающая иной возможности нормального функционирования региона без интенсификации этой сферы. Причем, данная неизбежность восходит к особенностям формирующейся социально-экономической среды современности. Последняя характеризуется наличием проблематики рыночных отношений с присущей им необходимостью получения выгоды от осуществляемой деятельности, другими словами – фатальной неизбежностью достижения экономической целесообразности этого процесса в рыночных условиях.

При этом, в городах достижение позитивного экономического результата – доходности при выполнении производственной деятельности является реальным, в сельской же местности получение прибыли при осуществлении товарного аграрного производства не всегда достижимо из-за многочисленных внешних для данного производства факторов, влияющих на конечный результат этого процесса.

Если иметь в виду, что в пределах сельской местности основным является сельскохозяйственное производство, выпускающее первичную продукцию для пищевой и легкой промышленности с его главным дестабилизирующим фактором – свободными ценами на товары промышленного назначения и регулируемыми на продовольствие, что неизбежно при низкой платежеспособности значительной части населения, тем не менее жизненно нуждающихся в продуктах питания, производимых в сельском хозяйстве, то становится очевидными трудности аграрной экономики. Такая ситуация является серьезным препятствием к достижению доходности товарного производства как главной цели, обеспечивающей его экономическую целесообразность. Существуют, конечно, и иные неблагоприятно влияющие на первичные товарное производство факторы, такие как политика перерабатывающих предприятий, заинтересованных в снижении закупочных цен на сырье, ценообразование в агрохолдингах, а также другие факторы.

В таких условиях функционирования основных отраслей сельского хозяйства оказывается сельская местность прежде всего тех регионов, в которых производство продуктов питания является дорогостоящим в виду малоблагоприятных природных предпосылок для масштабного развития экономики на основе прибыльного аграрного бизнеса. На фоне общих для мировой практики тенденций увеличения роли непроизводственной

сферы как наиболее быстро развивающейся части реального сектора экономики, вполне объяснима тенденция, характерная для староосвоенных промышленных регионов России со значительным исчерпанием минеральных ресурсов и малой прибыльностью аграрного бизнеса в регионах, называемых зонами рискованного земледелия. Во многих из этих регионов не остается иной возможности стабилизировать ситуацию, характеризующуюся уменьшением числа прибыльных, стабильно функционирующих предприятий, а значит и рабочих мест, как развивать новые направления в функциональном обогащении видов деятельности с более масштабным развитием непроизводственной сферы.

Мировой опыт свидетельствует также и о том, что важной составляющей непроизводственной сферы может являться туризм – деятельность, приносящая экономический результат в виде дохода его организаторам и соответственно – территориям, в том числе сельским. Регионы России имеют богатый потенциал развития туризма по привлекательности и контрастности природных ландшафтов, по историческому наследию с памятниками культуры и свидетельствами политических событий. Наиболее прибыльным, как правило, является иностранный туризм, однако быстрое и эффективное его развитие встречает серьезное препятствие в виде отсутствия инфраструктуры, необходимой в этом случае – хороших гостиниц, разветвленных и комфортных транспортных коммуникаций.

Туризм внутренний имеет, по-видимому, большую вероятность развития, по крайней мере, для глубинных территорий России. Поэтому рассмотрение возможностей интенсификации этого процесса имеет определенное значение для сельской местности и сохранения ее в качестве привлекательной среды жизни.

Конечно, приведенные аргументы необходимости тех или иных инноваций, стимулирующих рост непроизводственной сферы и в том числе такой весомой ее составляющей, как туризм, не означает целесообразности отказа от традиций осуществления материального производства. Вероятнее всего сочетание традиционных и новых видов деятельности следует считать главным концептуальным направлением развития жизнедеятельности сельской местности промышленных регионов. В настоящее время немало научных усилий направлено на то, чтобы ответить на многие вопросы, поставленные практикой товарного производства, испытывающего большие трудности его осуществления, и обосновать применимые способы улучшения ситуации, в которой находится аграрная экономика и непосредственно ее главные субъекты сельскохозяйственного предприятия.

Имеется целый ряд идей, целесообразность использования которых обосновывается аргументами, в том числе и расчетно-статистического характера, и реализация которых вполне может принести результаты в виде экономической целесообразности осуществления материального производства в сельской местности и развития традиционных его отраслей с сохранением на этой основе аграрной экономики в зонах рискованного земледелия даже в условиях рынка как типа производственных отношений, малоблагоприятных для осуществления прибыльного сельскохозяйственного производства – о чем свидетельствует не только отечественный, но и зарубежный опыт.

Подобные идеи формируют исследовательские информационные потоки, способствующие выбору адекватных решений для сохранения и развития сельскохозяйственного производства. Одним из примеров исследования такого рода является изучение инвестиционной привлекательности товарного производства в региональных АПК. Оно выполнено С.А. Зуевым на материалах статистики, характеризующей состояние и тенденции развития в 1998–2005 гг. сельскохозяйственного производства Пермского края – региона более промышленного чем сельскохозяйственного. В данном исследовании [2] охарактеризовано современное состояние основных продуктовых подкомплексов, потенциально способных выступать в качестве объектов инвестирования. Оценка природного потенциала определила возможность сохранения и развития соответствующих комплексу отраслей производства с выявлением фактической динамики как самого производства, так и использования формирования рынка. Покомпонентный анализ потенциала ресурсного, производственного и рыночного позволил определить интегральный показатель привлекательности для инвестирования.

Таблица 1

Инвестиционная привлекательность подкомплексов АПК

Продуктовые подкомплексы	Оценка использования потенциала			Инвестиционная привлекательность подкомплексов
	ресурсного	производственного	рыночного	
мясной	0,73	0,28	0,32	1,34
молочной	0,75	0,29	0,18	1,22
зерновой	0,60	0,08	0,17	0,85
овощной	0,55	0,02	0,21	0,78
картофельной	0,29	0,01	0,39	0,69

Расчет каждой составляющей потенциала, осуществленный по собственным избранным и обоснованным для этих целей методикам с приведением результатов к сопоставимому виду, использован для суммарной оценки и расчета интегрального показателя по каждому продуктовому подкомплексу. Содержательная интерпретация полученного на основе расчетов результата определяет целесообразность инвестирования продуктовых подкомплексов мясного и молочного, а значит – развитие традиционной для изученной территории отраслевой специализации сельского хозяйства на производстве мяса и молока. Достижения эффекта в виде прибыли от финансовых вложение в развитие данных подкомплексов вполне вероятно и для частных инвесторов и для государства. В этой связи сохранение традиций осуществления материального производства и развитие сельского хозяйства и его основополагающих отраслей – растениеводства и животноводства важно не только потому, что нужны произведенные на собственной территории свежие продукты питания, но и потому, что это может иметь и экономическую целесообразность, несмотря на не простые для товарного производства рыночные условия, характеризующиеся как конкуренцией, так и ее последствиями.

Можно приводить и другие примеры достаточно важных исследовательских результатов для принятия решений концептуального характера либо при составлении планов и программ развития регионов и отраслей производства, либо при предпринимательских действиях. Такие исследовательские результаты свидетельствуют о возможности и целесообразности использовать сохранение традиций осуществления сельскохозяйственного производства, которое не будет противоречить и даже соответствовать главному принципу рыночных отношений – прибыльности осуществляемого вида деятельности. Эти результаты представляют собой информационные потоки, способные обогатить управленческую и хозяйственную практику аргументами, обосновывающими необходимые преобразования с целью достижения экономического эффекта, являющегося в свою очередь основанием для получения эффекта социального.

Целесообразность продолжения традиций осуществления первичного товарного сельскохозяйственного производства аргументирует и другая научная разработка, способная служить оптимизации соотношения используемых в этом процессе факторов производства и оптимизации объемов выпуска продукции. Исследование Л.И. Теньковской, выполненное, как и в случае предшествующего приведенного в данном тексте примера на статистических информационных материалах реальной практики деятельности сельскохозяйственных предприятий Пермского края, содержит методику определения оптимального соотношения земли, труда и капитала, а также оптимального объема выпускаемой продукции для достижения роста экономической эффективности производства [5].

Информационный массив статистики о ресурсах и деятельности 59 сельскохозяйственных предприятий южных районов Пермского края, специализирующихся на животноводстве и более всего на разведении крупного рогатого скота, как наиболее инвестиционно-привлекательной отрасли, в предложенном автором алгоритме расчетов выявил излишки и недостатки объемов используемых в ходе осуществления производстве факторов – труда и капитала. Как пока-

Таблица 2

Фактические и оптимальные объемы факторов производства (в среднем на 1 предприятие)

Относительные показатели использования факторов труда и капитала	фактические	оптимальные
Среднегодовая численность работников на 100 га сельхозугодий, чел.	4,0	2,6
Среднегодовая стоимость основных средств на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	862	1038
Потребление и рекомендуемые оборотные средства на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	426	508

зано результатами расчетов, представленных таблицей 2, фактически используемый объем ресурсов существенно отличается от того, который может принести наибольшую прибыль и повысить рентабельность работающих предприятий.

На основе результата расчета возможности максимизации прибыли в этих же 59 сельскохозяйственных предприятиях мясомолочного направления, полученного в рамках алгоритма минимизации издержек выявлена убывающая отдача от масштабов производства в данной совокупности хозяйств. Исследование показало, что оптимизация использования факторов производства в рекомендуемом соотношении, определенном на основе предложенного метода, а также осуществление производства в рекомендуемых масштабах обеспечит путь к сохранению и упрочнению экономического положения существующих сельскохозяйственных предприятий.

Другие информационные потоки, образованные результатами исследований различных аспектов жизнедеятельности товаропроизводящих предприятий и изучения образующихся в результате их функционирования (либо наоборот ликвидации) ситуаций в пределах сельских районов, тоже свидетельствуют о возможности и целесообразности сохранения в зонах рискованного земледелия традиционного производства продуктов питания и сырья для переработки на предприятиях пищевой, комбикормовой и легкой промышленности.

Только на материалах Пермского края изучена возможность обновления основных фондов хозяйств на основе субфедерального облигационного займа [3], улучшения логистических каналов и аналитической работы на предприятиях АПК за счет совершенствования информационного обеспечения [4], новые возможности кластерного подхода и ценообразующей политики в агрохолдингах [6], возможности роста малого бизнеса в сельской местности с развитием фермерских и личных подсобных хозяйств и другие возможности, потенциально способные улучшить жизнь сельских территорий. Каждое из этих исследований аргументирует целесообразность использования тех или иных мер для сохранения традиций осуществления материального производства сельскохозяйственного типа в сельской местности. Сформулированные рекомендации применимы для использования непосредственно в хозяйственной практике и в практике местного или регионального уровней управления.

Тем не менее вполне очевидным становится целесообразность и необходимость сочетать традиционные и новые для сельской территории виды деятельности, чтобы снять проблемы, образующиеся под влиянием мер, направленных на достижение экономического эффекта производственной деятельности. В частности, при оптимизации соотношения используемых факторов производства с целью получения прибыли обостряется проблема занятости в сельской местности, поскольку фактор труда станет востребованным в меньшем объеме, чем в реальной производственной практике в настоящее время (табл. 2). Это уже социальная проблема, снизить остроту которой может развитие новых менее традиционных видов деятельности.

Если рассматривать туризм как вид деятельности, потенциально способный создавать рабочие места, то стимулирование его развития оправдано отнести к числу важных направлений, способствующих не только сохранению сельской местности как полноценной среды жизни, но и устойчивому ее развитию.

Туризм как понятийная категория отражает весьма разностороннее и емкое по содержанию явление и процесс. Его оправданно характеризовать, по крайней мере, с трех позиций, имея в виду число сторон, задействованных в туристской практике. Во-первых, это субъекты, предоставляющие туристическую услугу. Именно для них туризм представляет собой сферу деятельности, способную приносить доход. Во-вторых, это субъекты, получающие данную услугу, реализуя свои очень различные цели – отдых, развлечение, оздоровление, спортивную зарядку организма, интеллектуально-познавательные и другие цели. В-третьих, туризм осуществляется в пределах какой либо конкретной территории, которая обладает определенными свойствами, позволяющими ей выступать в качестве привлекательной для туристов и способной принимать их.

С позиции субъекта, осуществляющего свои туристские намерения, туризм целесообразно рассматривать как путешествие за пределы постоянного места жительства с любой целью, кроме заработка и смены постоянного места жительства, а также удовлетворение общественных потребностей (рекреационных, деловых, политических, образовательных и др.), связанных с перемещением в пространстве. Опираясь на данную формулировку В.Е. Арефьева [1], а также систематизируя представления об этом процессе, мы рассматриваем координационно и иерархически соотносящиеся между собой основные разновидности туризма по степени зависимости от инфраструктуры, по вмещающему ландшафту и способу передвижения, по ведущей мотивации и степени организованности (рис.).

Активный туризм представляет собой способ поддержания и восстановления работоспособности людей путем реализации оздоровительной, познавательной, спортивной и других мотиваций отдыха, связанным с выездом из мест проживания (на срок на менее 24 часов), без обязательного и систематического использования механических средств передвижения.

Пассивный туризм – способ поддержания и восстановления работоспособности людей путем реализации их потребностей в лечении и оздоровлении (курорты, санатории, профилактории, другие учреждения оздоровления и медицинской реабилитации), познавательной и деловой мотивации отдыха, связанные с выездом из мест проживания (на срок не менее 24 часов) и использованием стационарных объектов соответствующей специализации.

Комбинированный туризм – логически обоснованное сочетание мотиваций, а также пространственных и функциональных элементов активного и пассивного туризма.

Различные виды туризма при их развитии формируют различия в квалификации и специализации работников, занимающих рабочие места при обслуживании данного процесса. Активный туризм связан с прохождением маршрутов и нуждается в разработчиках маршрутов, в подготовленных для этой цели руководителях групп, специалистах-инструкторах по разным видам и классам туров, продавцах снаряжения, проводниках в пределах специфических маршрутов по труднодоступным местам и других профессиях и работниках, обслуживающих туристов. Пассивный туризм предполагает стационарные формы рекреационных служб и соответствующий их профилю иной набор профессий. В этой связи развитие туризма как вида деятельности определяется во многом подготовкой необходимых кадров для предоставления квалифицированной услуги, что составляет определенную, хотя и разрешимую проблему.

Важным условием развития туризма является степень привлекательности ландшафтов, их контрастность, доступность и другие характеристики территории. Их можно оценить и выявить потенциальную способность региона для использования ее в рекреационных целях. Например, для оценки ситуации в пределах территории Пермского края мы использовали критерий транспортной доступности и туристической аттрактивности (привлекательности).

Используя первый критерий, выделяем в пределах региона 4 зоны транспортной доступности (по времени передвижения из областного центра с помощью железной дороги или автотранспорта). Время в пути может варьировать в зависимости от вида транспорта, его технических характеристик, погодных условий и других факторов, однако усредненные значения все же позволяют выполнить территориальную дифференциацию по этому признаку.

Типы туризма – по степени зависимости от инфраструктур		
активный	комбинированный	пассивный

Виды туризма – по вмещающему ландшафту и способу передвижения			
пеший	водный	горный	лыжный
Подвиды туризма – по ведущей мотивации			
спортивный	оздоровительный	познавательный	другие

Классы туров по степени их организованности		
организованный	самодеятельный	спонтанный

Рис. Типология туризма для нужд организации и проведения маршрутов

К первой зоне транспортной доступности (до 2 часов) мы отнесли Пермский, Добрянский, Оханский, Ижевский, Нытвенский районы и территории, подчиненные г. Краснокамску.

Ко второй (2–6 часов) – Березовский, Большесосновский, Верещагинский, Еловский, Карагайский, Ординский, Очерский, Сивинский, Соликамский, Суксунский, Уинский, Чайковский, Частинский, Чернушинский, Чусовской, Кудымкарский, Юсьвинский районы и территории, подчиненные городам Березники, Гремячинск и Губаха.

К третьим (более 6 часов) – Горнозаводской, Красновишерский, Кочевский, Косинский, Гаинский, Юрлинский районы и территории, подчиненные городам Александровск и Губаха.

Для пассивного туризма наиболее богатым комплексом факторов привлекательности обладает Пермский край и Суксунский районы. Пермский – за счет наиболее развитой и разнообразной инфраструктуры и наличия интересных культурно-исторических объектов; Суксунский – за счет благоприятной экологической обстановки, сравнительно высокой транспортной доступности, активно используемых бальнеологических ресурсов.

В пределах Пермского края можно выделить три «белых пятна» – зоны, где в настоящее время довольно слаба возможность систематической эксплуатации туристских ресурсов, хотя это отнюдь не означает, что эти территории лишены аттрактивных объектов и ландшафтов и не имеют туристского потенциала. Первая из этих зон – северо-западная, вторая – южная, третья – восточная. Их относительная пассивность в туристическом плане обусловлена относительно низкой транспортной доступностью и не развитой инфраструктурой.

При развитии такого направления туризма как сельскохозяйственный появится возможность более полного использования этих зон для развития альтернативы традиционному товарному сельскохозяйственному производству с включением предоставления различных рекреационных услуг. Это может быть иппотерапия при разведении лошадей, рыбалка в прудовых хозяйствах, проживание на ложе природы с услугами по питанию, банными и массажными процедурами, обучение художественным промыслом и другие рекреационные услуги.

В отношении активного туризма Пермский край – наиболее изученная нами территория, с учетом действия основных факторов, создающих комплекс туристской привлекательности, дифференцируется на 4 группы территорий.

Первая – территории с весьма высокой туристской аттрактивностью ландшафтов (средний балл 1,33) – Добрянский, Кишертский и Кунгурский районы. В настоящее время эти районы имеют возможность круглогодично обслуживать большое количество туристов на маршрутах малой сложности (т.е. потенциально наиболее востребованные на туристском рынке). Кроме того, на большей части той территории, обладающей как активной, так и пассивной составляющей, возможно формирование комплексных туров, т.е. комбинация обоих типов туризма при значительном видовом разнообразии маршрутов.

Вторая группа территорий – территории с высокой туристской аттрактивностью ландшафтов (средний балл 1,67–2.0). В нее входят территории, подчиненные городам Кизелу, Губахе и Гремячинску, а также Соликамский, Чердынский, Ординский, Суксунский, Горнозаводский, Красновишерский и Чусовской районы. Эти территории характеризуются высокой контрастностью ландшафтов и наибольшим в области видовым разнообразием маршрутов активного туризма. Именно на этих территориях расположены наиболее увлекательные в познавательном и спортивном плане природные объекты и ландшафты – как типичные для данных широт (зональные

ландшафты тайги и смешанных лесов), так и азональные (высокая поясность в горных ландшафтах северо-востока области).

Третья группа территорий – территории с относительно «высокой туристской аттрактивностью ландшафтов. Ее образуют территории, подчиненные городам Пермь, Чайковский, Александровск, Березники, а также Октябрьский, Оханский, Пермский, Сивинский, Очерский, Осинский, Куединский, Лысьвенский, Нытвенский районы.

Для этих территорий характерны относительно небольшая контрастность ландшафтов и отсутствие выраженных препятствий на маршрутах активного туризма, небольшое видовое разнообразие маршрутов. Дальнейшее развитие активного туризм на этих территориях скорее всего должно идти в направлении комбинации пассивного туризма с активным (например, в Чайковском и Лысьвенском районах), комбинирования видов активного туризма при проектировании реализации маршрутов, расширении, а в ряде случаев создании комплексной инфраструктуры территорий, направленной на обслуживание туристов.

Четвертая группа – территории с низкой и весьма низкой туристской аттрактивностью ландшафтов. В нее входят территория, подчиненная г. Краснокамску, районы Коми-Пермяцкого АО, районы юга и запада области – Чернушенский, Уинский, Карагайский, Еловский, Верещагинский, Большесосновский, Березовский, Бардымский. Для этих территорий характерны: крайне невысокое разнообразие хозяйственной специализации, низкая контрастность ландшафтов, их средняя эстетическая привлекательность, фактически полное отсутствие инфраструктуры комплексного обслуживания. Развитие коммерческого туризма здесь возможно только при осуществлении определенной финансовой политики относительно этих территорий – целевых вложений в сферу туризма: малые гостиничные формы со специализированной инфраструктурой, увеличение густоты транспортной сети, развитие этнокультурного и промыслового туризма.

В данной публикации приведены аргументы, характеризующие возможность сохранения товарного сельскохозяйственного производства в условиях рынка, формирования прибыльного сельскохозяйственного бизнеса в том числе в зонах рискованного земледия и регионах с преимущественно промышленной специализацией. Вместе с тем, рассмотрены альтернативные подходы сохранения и развития сельских территорий за счет увеличения числа выполняемых функций, среди которых важная роль принадлежит рекреационной деятельности, а также активному и комбинированному туризму, приносящему доход и создающему новые рабочие места.

Считаем сочетание сохранения традиций производственного характера и новаций рекреационного направления важным концептуальным направлением, определяющим перспективу не только достаточно высокой степени освоенности и заселенности территории с сохранением сельского населения и населенных пунктов, но и перспективу развития сельской местности как многофункциональной и полноценной среды жизни.

Библиографический список

1. Арефьев В.Е. Введение в туризм.– М.: Изд-во АГУ, 2002.

2. Зуев С.А. Инвестиционная привлекательность товарного производства в региональных АПК. / Экономика и социум регионального АПК: процессы, проблемы, перспективы развития: Монография // Под общей редакцией профессора Ф.З. Мичуриной; Перм. гос. сельскохоз. акад. – Пермь, 2005. – 346 с. Глава 3: с. 145–203.

3. Евграфов И.В. Перспективы воспроизводства основных фондов сельскохозяйственных предприятий АПК Пермского края. Монография / И.В. Евграфов, Ф.З. Мичурина.– Пермь: изд-во ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2009. – 145 с.

4. Климов Д.В. Информационное обеспечение управления аграрным производством: теория и практика. Монография / Д.В. Климов, Ф.З. Мичурина.– Пермь: ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2008. – 144 с.

5. Мичурина Ф.З., Теньковская Л.И. Оптимизация исследования аграрного потенциала региона / Региональный потенциал: анализ, оценка, капитализация: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. с междун. участием. 21–23 декабря 2010.– Пермь: Перм. гос. ун-т., 2010. – 182 с.

6. Мичурина Ф.З., Камышанский А.В. Особенности каналов сбыта продукции холдинга «Продо» / Коммерческая деятельность как основа инновационного развития АПК, научно-практическая конф. (2010, Пермь).– Пермь: изд-во ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2010. – 167 с.

Соколова А.А.
(г. Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ГЕОГРАФИИ: ТРУДНОСТИ ДИАЛОГА

Sokolova A.A. (Saint-Petersburg)

THE PROBLEM OF HUMANITARIAN TRENDS IN GEOGRAPHY: DIFFICULTIES OF DIALOGUE

Аннотация. *В статье рассмотрены проявления гуманитарного тренда в современной географической науке и возможности взаимодействия между двумя формально различными областями знания, известными под именем «гуманитарной географии»: обществоведческой ветвью географии (русскоязычный аналог human geography) и сугубо гуманитарным направлением, исследующим образы географического пространства.*

Abstract. *The article describes the manifestation of the humanitarian trend in modern geographical science and the possibility of interaction between the two formally various fields of knowledge, known as the «humanitarian geography: social science branch of geography (a Russian analogue of human geography) and the purely Humanistic direction researching the images of geographical space.*

Ключевые слова*: гуманитарный тренд, гуманитарная география, геосистема, географический образ, территориальная организация общества.*

Key words: *humanitarian trend, human geography, geosystem, geographic image, the territorial organization of society.*

В эпоху становления информационного общества предметная область географии выходит за рамки сугубо материальных пространственных систем. В поле внимания исследователей попадают реально-идеальные системы типа культурного ландшафта в понимании Ю.А. Веденина (6) и географические образы территориальных систем разного ранга (регионов, объектов, процессов). Конструирование образных (в том числе имиджевых) моделей регионов начинает рассматриваться как одно из возможных прикладных направлений географии.

Все перечисленное свидетельствует о становлении гуманитарно-географического подхода, в основе которого лежит интерес к человеку и его пространственной деятельности, реализуемый в процессе постановки проблемы, определения объекта, предмета и методов познания. Своеобразие настоящего момента заключено в существовании под названием «гуманитарная география» двух направлений исследования, связанных с формально различными областями знания. Первое – русскоязычный аналог human geography – призвано в соответствии с принятым на Западе делением наук на гуманитарные и естественные объединить основные направления обществоведческой ветви географической науки и связанные с ними дисциплины, имеющие межпредметный характер: географию историческую, этническую, рекреационную и др. (см. публикации Д.В. Николаенко (44,45) и Ю.Н. Гладкого (9–12).

Второе сугубо гуманитарное направление находится у внешней границы географического знания и цель его, согласно формулировке Д.Н. Замятина, заключена в создании концептуального методологического поля для обобщения и использования достижений и результатов гуманитарных наук в исследованиях образов географического пространства (24, с.33). Большое внимание Д.Н. Замятнин и его коллеги и соавторы Н.Ю. Замятина, И.И. Митин уделяют моделированию образов поселений и регионов, понимаемых как историко-культурные территории, что полностью согласуется с задачами, стоящими перед Институтом природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Парадокс сложившейся ситуации в том, что оба подхода существуют совершенно изолированно, не стремясь к поиску общих точек соприкосновения, и каждый в отдельности подвергается разнообразной критике со стороны географов практически всех специализаций. При этом дискуссия на страницах «Известий

РГО» развернулась между Ю.Н. Гладким, представителем социально-экономической географии в традиционном понимании, и физико-географом, ландшафтоведом А.Г. Исаченко (26). Сторонники сугубо гуманитарной ветви участия в ней не принимают, хотя определить наличие принципиальных расхождений и точек соприкосновения, наметить пути сотрудничества в рамках единого географического знания без такого диалога невозможно.

Прежде чем переходить к поиску путей взаимодействия между гуманитарно-географическими направлениями разного толка, отметим, что гуманитарный тренд нельзя рассматривать как явление, присущее исключительно географии. Во второй половине XX в. он проявился в психологии, лингвистике, затронул научно-технический прогресс и систему образования, способствовал становлению культурологии, а в географической науке нашел отражение в совокупности трендов от экономической географии к общественной – от экономики к социуму и культуре (культуризацию географии как одну из тенденций общей гуманизации науки одним из первых отметил А.Г. Дружинин (20) – и далее от социума к индивидууму, т.е. к географии гуманитарной в самом общем значении термина.

Эта тенденция, как сказано выше, имеет общенаучный характер (см. 52, с.241) и развивается в двух направлениях – как гуманизация и гуманитаризация науки. Эволюцию предметной области исследований определяет гуманизация географии, понимаемая как усиление внимания к человеку – субъекту восприятия географической реальности и / или субъекту пространственной деятельности, осуществляющему выбор и принятие решений. Гуманитаризация – сближение географии с науками гуманитарного блока – касается преимущественно выбора методов, источниковой базы и способов представления результатов исследования, заимствованных у социологии, этнографии, истории и других наук. Особое внимание в связи с этим следует обратить на процесс гуманизации родственной географии истории, значительную роль в которой сыграли работы М. Блока, Л. Февра и других исследователей, консолидировавшихся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории» (современное название «Анналы. История, социальные науки» – «Annales. Histoire, Sciences Sociales»). Особое внимание ученые Франции и их коллеги из других европейских стран уделяли человеческому содержанию истории и человеческому сознанию, как индивидуальному, так и массовому. По словам М. Блока «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей» (4, с.18). В 1960–70-е гг. подобные взгляды на предмет исследования привели к возникновению «Новой исторической науки», а затем к формированию в ее рамках исторической антропологии (этноистории).

Очередной всплеск интереса к изучению ментальности и поведения людей в контексте экономической и политической истории пришелся на1980-е гг. – время общего кризиса социальных наук, связанного с утратой на Западе доверия к марксизму и ряду других методологических подходов (см. 3, с. 8–9). Для изучения мышления начали привлекаться методы лингвистики, семиотики, этнологии. Характерно, что французские историки использовали применительно к экономике метафору «погреб общественного здания», а ментальные структуры именовали соответственно «чердаком» (18, с. 211). Аналогичные процессы происходили в науках, изучающих традиционные культуры и повседневную жизнь современного общества. Гуманитарный тренд способствовал сближению этнографии, лингвистики и психологии, на стыке этих дисциплин возникли этнолингвистика и семантическая этнография, изучающие представления носителей местных культур об окружающей среде.

Географии гуманитарная составляющая присуща изначально. Гуманизм античной науки нашел отражение в исследованиях медико- и психолого-географического характера, например, в попытках установить влияние природных условий на организм и сознание человека (одним из основоположников данного подхода называют Гиппократа). Гуманитарный метод широко применялся в страноведении и исторической географии – достаточно вспомнить опыт александрийских ученых II в. до н. э., использовавших «Илиаду» в качестве источника по топографии гомеровской Греции (64, с.136). В имеющих историко-географическую направленность сочинениях итальянских гуманистов

XV в. возобладал интерес к описанию великих дел, совершенных великими личностями (лат. splendida persona) (64, с.39). В XX в. историческую личность сменил обыватель – массовый представитель исследуемого исторического общества, субъект освоения и природопользования. Первые реконструкции географических представлений людей прошлого были сделаны в 1920-е гг. американским географом Дж.К. Райтом, исследовавшим помимо всего прочего географическое мировоззрение Данте и Леонардо да Винчи (эти работы Д.В. Николаенко (45) относит к гуманистической географии). В других направлениях географии рост интереса к гуманитарной проблематике отчетливо проявился во второй половине XIX в., что было связано с работами А. Гумбольдта, К. Риттера и других авторов. В России этот процесс пришелся на 1920-е гг. – время выхода в свет трудов В.П. Семенова-Тян-Шанского и переиздания монографии Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки. (Географическая теория прогресса и социального развития)» с предисловием Элизе Реклю (книгу опубликовало в 1924 г. московское издательство «Голос труда»). Отношение к гуманитарной проблематике в 1930-е гг. в полной мере передает цитата из выступления участника I Всесоюзного географического съезда С.М. Третьякова: «Действительно, наши годы ломают и самый ландшафт. Как долго ландшафт деревни пребывал на уровне гоголевского, чеховского описания, определяясь купами индивидуальных садочков у хат и колокольнями церквей. На наших глазах церковь вытесняет силосная башня, трактор на поле и цистерны МТС вносят доселе небывалую черту в построение ландшафта» (61, с. 140–141).Ситуация начала меняться в конце 1940-х гг., когда были опубликованы работы Р.М. Кабо (28, 29).

1960–70-е гг. отмечены гуманизацией предмета географии и расширением методического аппарата за счет привлечения методов гуманитарных наук. Статус самостоятельных дисциплин получили география сферы обслуживания, рекреационная география, началось становление географии культуры. Усиление гуманитарной составляющей, и ранее присущей классическому ландшафтоведению: понятия *образ места* и *искусство описания ландшафта* использовались, например, Н.Н. Михайловым (40) и Ф.Н. Мильковым (39), способствовало становлению исторической географии ландшафтов (21). В США и Великобритании в это время формируется поведенческая (бихевиористская) география, распространенными сюжетами публикаций становятся пространственное поведение и восприятие, публикации на русском языке вышли в свет в 1980-е гг. (13, 36). Человек из фактора развития экономики превращается в «меру всех вещей». По мнению авторов обзора развития географии в XX в. В.С. Преображенского, Т.Д. Александровой и Л.В. Максимовой, именно в 1970-е гг. были заложены основы общественной географии (human geography) и резко усилились *человековедческие* ее отрасли – социальная и политическая (52, с.241) (отметим, что авторы монографии ставят знак равенства между географией общественной и гуманитарной).

В 1980-х гг. процесс гуманитаризации географии развивался на фоне усиления интегративных тенденций, связанных с экологизацией, экономизацией и социологизацией всей исследовательской деятельности (34). По мнению Д.В. Николаенко, эволюция предмета советской географической науки могла привести к росту интереса к изучению общества и человека в их взаимной связи, но без редукции (эта позиция близка, на наш взгляд, к идеям сторонников Новой истории). В публикации 1984 г. Д.Н. Николаенко использовал термин *гуманитарная география* как предельно точное определение сути специальности (44). Дальнейшие исследования этого автора, включая докторскую диссертацию (46), выполнены преимущественно в русле сугубо гуманитарной ветви географии.

В 1990 годы гуманитарный тренд охватил практически все отрасли географического знания, география, по выражению Д.Н. Замятина, «потянулась» к философии (23, с.29), что повлияло на эволюцию предмета, методов и выбор источников. Именно в постперестроечное время в поле внимания социально-экономической географии попали вопросы производственных навыков и культурных традиций местного населения, была высказана мысль о необходимости учета общей культуры населения, унаследованной от «мира общины» (1, с.26,28). Рост в этот период числа работ по сугубо гуманитарной тематике представляется совершенно за-

кономерным. География обрела новые объекты исследования, как вполне отвечающие сложившейся практике (территориальные аспекты культуры), так и сугубо гуманитарные: пространственные представления и предпочтения общественных групп и отдельных личностей, обобщенные и авторские модели геопространства, образы географической реальности, создаваемые в литературе, искусстве, СМИ, Интернете. В число публикаций, способствовавших становлению нового направления, необходимо включить труды географов, историков, философов, архитекторов Дж. Голда, К. Линча, Ф. Броделя, М. Элиаде, М. Фуко, В.Л. Глазычева и др. (подробная библиография содержится в работах Д.В. Николаенко (43, 45, 46), Д.Н. Замятина (23), В.Н. Стрелецкого (60). Не следует недооценивать также научную деятельность Л.Н. Гумилева и историка-медиевиста А.Я. Гуревича, организовавшего издание альманаха «Одиссей» и публикацию на русском языке работ М. Блока, Ж. Ле Гоффа, историко-географического труда Дж. К. Райта «Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе» (53).

По мнению Д.Н. Замятина во второй половине XX в. понятие географического образа стало использоваться в географии населения, особенно географии городов, социальной, культурной, политической географии (23, с.34). В этот же период физикогеографы обратились к восприятию, эстетической оценке и художественным (бытийным, традиционным) образам ландшафтов (42, 48), стали рассматривать геокомплексы и отдельные природные компоненты, рельеф, например, (37, с.86) в системе социальной и субъективной реальности, как исторической, так и современной. Еще ранее гуманизация физической географии способствовала выделению антропогенного и исторического ландшафтоведения. В этих дисциплинах используются гуманитарные методики и источники (прежде всего исторические), что, однако, не меняет естественнонаучной сути предмета исследования.

В настоящее время гуманитарная составляющая в той или иной степени присуща практически всем отраслям географии. Уровень гуманизации и гуманитаризации дисциплин можно представить, поместив их на сетку веерной матрицы (рис. 1). Гуманизация объекта исследования нарастает по горизонтали – от физической географии к экономической. Гуманитаризация физической географии проявляется на стадии представления результатов исследования – при наименовании выделенных объектов, таксонов ландшафтного и отраслевого районирования, географических описаниях и классификациях. Вопросу совершенствования понятийно-терминологического аппарата отраслевых физико-географических дисциплин посвящены публикации Э.М. Мурзаева, А.Г. Исаченко, В.М. Котлякова, В.С. Преображенского и Т.Д. Александровой и других авторов. Об использовании народных терминов в почвоведении говорил в свое время В.В. Докучаев (19). Характерно, что создаваемая им номенклатура почв была нацелена преимущественно на решение вопросов экономических, геоэкологических и гуманитарно-географических, если использовать современные понятия. Оценка почв проводилась для создания системы казенного и земского налогообложения, а также для улучшения плодородия земель, борьбы с водной и ветровой эрозией. Применительно к ней таксоны западноевропейских классификаций были признаны неприемлемыми как «непонятные большинству наших землепашцев». Исходя из этого, В.В. Докучаев ратовал за использование местных терминов, которые обычно типичны и метки: народ никогда не дает почвенных названий зря, а всегда на основании векового опыта, зная, например, что занятый различным лесом один и тот же тип почвы отличается по урожайности. Было отмечено также, что многие названия принадлежат инородцам, когда-то обитавшим в той или иной местности, поэтому изучение местной почвенной номенклатуры далеко не безразлично и для истории России (19, 108–109).

По вертикали усиливается значение гуманитарных методов исследования (степень гуманитаризации), меняется и предмет исследования. В соответствии с этим верхнюю часть схемы занимают дисциплины, изучающие реальные объекты, процессы и территории: физическая и экономическая география, а также ряд отраслевых дисциплин, исследующих материальную сторону взаимодействия социума и природной среды.

Наиболее гуманизированной в рассматриваемом ряду дисциплин является экономическая география, уже чисто формально

Рис. 1. Гуманизация и гуманитаризация географических дисциплин

Условные обозначения. Блоки географических дисциплин 1 – дисциплины с отсутствующей или слабо / средне выраженной гуманизацией предмета и преобладанием естественно-научных методов исследования; 2 – дисциплины с высокой и средней гуманизацией объекта и преобладанием социально-гуманитарных методов исследования (ядро гуманизированной ветви географии); 3 – комплексные дисциплины, в которых используются естественно-научные и гуманитарные методы исследования (область пересечения гуманитарных направлений). 4 – дисциплины с высокой гуманитаризацией предмета и методов исследования (ядро гуманитаризованной ветви географии). 5 – усиление гуманизации объекта изучения; 6 – усиление гуманитаризации предмета и методов исследования. 7 – граница области географических исследований. Жирным шрифтом выделены базовые географические дисциплины, курсивом – дисциплины, выполняющие интегративную функцию.

относящаяся к гуманитарной ветви знания. Экономика – наука социально-гуманитарная, поскольку предмет социального познания – мир человека, человеческая деятельность, именно это позволяет философам относить все социальные (общественные) науки к гуманитарным (история позиционирует себя как гуманитарно-социальная дисциплина). Гуманизации отрасли способствуют изменения структуры экономики (развитие третичного и четвертичного секторов), усиление исторической и культурной составляющей, (культуризация географии по определению А.Г. Дружинина (20)), рост внимания к культурным и духовным компонентам территориально-общественных систем (62), иссле-

дование связей между миром материальных объектов и движением потоков информации, мировосприятием населения той или иной территории (38), включение человека в список факторов размещения производства, например, учет психологии предпринимателей, выбирающих места для размещения объектов третичного сектора (5) или изучение пространственной деятельности жителя крупного города (2). Аналогичные процессы происходят в политической и социальной географии. Так, в работах, посвященных административно-территориальной системе России, учитывается роль истеблишмента автономий (41). На социологизацию географии указывает и А.Г. Исаченко, полемизируя с утверждениями о недостаточно широкой проблематике исследований в области общественной географии (25, 52)

В средней части схемы располагаются комплексные дисциплины, область исследования которых охватывает не только материальную сферу географической реальности, но и представления о ней, «вторую» социальную реальность по терминологии Л.В. Смирнягина. Она оказывает заметное влияние на социальные взаимодействия и не совпадает с «реальной» геометрией пространства, например, длинная, но безопасная дорога, становится короче короткой, но опасной (57). Данный подход близок к восприятию пространства в традиционной культуре (см. 58), где существует своя система координат и масштабов (сошлемся также на упоминавшийся Е.Н. Перциком среднеазиатский «способ» измерения расстояний ***чакрымами*** – кочевками, величина которых не может быть определена в километрах, а зависит от характера местности, наличия воды по пути и т. п. (47, с.237).

Направления, вошедшие в блок комплексных дисциплин, отличает чрезвычайно сложные объект и предмет исследования, охватывающие практически всю сферу наук о Земле. Структура исторической географии тождественна системе географического знания (историческая физическая, экономическая, культурная география и т. д.), «выстроенной» по временной оси (география античности, средних веков и др.). Почти также сложна область, изучаемая страноведением и географией культурных ландшафтов, число и разнообразие которых постоянно увеличивается. Закрепившийся за данным направлением термин «культурное (этнокультурное) ландшафтоведение» представляется некорректным, поскольку сами ландшафты – природные и антропогенные геосистемы предметом изучения не являются. Отметим, что автор собственной концепции культурного ландшафта В.Л. Каганский использует для определения направления «мягкую» формулировку *исследование культурного ландшафта* (упоминается наряду с географией природного и культурного наследия, гуманитарной и социальной географией) (31, с.116).

В нижней части схемы помещены дисциплины, предмет исследования которых лежит почти исключительно в области субъективной реальности – социальной и индивидуальной, по степени абстрагирования от действительности значительно превосходящей первую. Это область сугубо гуманитарной (гуманитаризованной) географии. За пределами миров, изучаемых географией, находятся теоретические и прикладные дисциплины, связанные с науками о Земле и исследующие как материальные, так и идеальные объекты и процессы (экономика, социология, лингвистика и этнолингвистика и др.).

Вертикальные ряды отражают гуманитаризацию предмета исследования в рамках одних и тех изучаемых объектов. Гуманитарный тренд «по вертикали» направлен от ландшафтоведения к эстетике ландшафта и от географии экономической к социальной, политической, поведенческой. Две последние дисциплины выступают в качестве моста между рассматриваемыми гуманитарно-географическими направлениями. В гуманизированной обществоведческой ветви географии изучение восприятия окружающего пространства нацелено на оптимизацию территориальной организации экономики, особенно ее третичного сектора, совершенствование транспортной инфраструктуры и решение других преимущественно практических задач. В сугубо гуманитарной ветви воспринимаемая субъективная реальность (социальная и индивидуальная) трансформируется в образы мест, поселений и регионов разного типа и ранга. Практическое значение образной географии заключено в разработке имиджевых моделей, востребованных в PR и рекламной деятельности, например, в продвижении регионов и городов как туристских центров и дестинаций.

Крайняя вертикальная колонка охватывает дисциплины, изучающие среду человека, прежде всего среду проживания, и его географические представления о ней (см. рис.1). В этой области знания, возродившей «идею вживание в объект», высказанную К. Зауэром в «Морфологии ландшафта», взаимодействуют социальная и индивидуальная реальности. Последняя выходит на передний план в географии искусства и герменевтике ландшафта, понимаемой как теоретизировании на основе личностного знания, пространственное «прочтение» ландшафта, нацеленное на его осмысление прежде всего через постижение разнообразия мест и местностей (30). Отметим, что на необходимость сочетания технологического и гуманитарного подходов при формировании среды человека специалисты в области районной планировки и планировка городов указывали еще в начале 1990-х гг. (47, с.220). Антропоцентрический геоэкологический подход с уклоном в историческую географию и географию культуры широко используется в учебных пособиях К.М. Петрова (одна из первых работ на эту тему была опубликована в соавторстве с А.И. Жировым) (48) и Ю.Н. Голубчикова (14). Герменевтика ландшафта – крайний рубеж географии, где исследователь погружается в область рефлексии и толкований собственного видения географической реальности.

Главную диагональ с заданной системе координат задает противопоставление физической географии и дисциплин, относящихся к сугубо гуманитарному направлению: образной и когнитивной географии. «Физика» противостоит «не-физике» и «метафизике ландшафта». Последняя лежит уже за пределами наук о Земле, а сама выразительная метафора использована В.А. Подорогой в монографии, посвященной анализу иррационального философствования С. Киркегора, Ф. Ницше и М. Хайдеггера (51). По ключевому слову «ландшафт» она вошла в обзор географических публикаций (52) и получила известность среди географов. Исследование вписывается в проблематику географии искусства и культурного наследия, поскольку значительное внимание в нем уделено пространственному чувству авторов философских систем.

Главную диагональ можно рассматривать также в качестве временной оси, фиксирующий общий гуманитарный тренд в развитии географии – от фиксации, описания, структурного и генетического анализа конкретных объектов к исследованию их идеальных образов в системах культур разного типа. Восприятию географических объектов внимание уделяется давно (вспомним И. Гете, А. Геттнера, В.П. Семенова-Тян-Шанского), но только в 1990-е началась научно-организационная деятельность в рамках сугубо гуманитарного направления (издание с 1994 г. альманаха «Гуманитарная география», проведение конференций и семинаров на базе Института природного и культурного наследия).

В рассматриваемой схеме естественнонаучная ветвь географии противостоит всей «нефизической» по определению Л.В. Сминягина (57). Вместе с тем, возможность расширения предметного поля физико-географических дисциплин до пересечения с гуманитарно-географическими сферами не противоречит структуре научного знания. Роль моста выполняет география природных ресурсов – появление такого «гуманитарного ресурса» как аттрактивность служит основанием для включения ее в область комплексных дисциплин. Ключевым понятием в данном случае становится геосистема – предмет острых дискуссий между представителями физической и общественной географии. Отметим, что сам автор учения о геосистемах В.Б. Сочава допускал теоретическую возможность конструирования *тотальной геосистемы*, включающей наложенные на природную основу элементы производственно-территориального комплекса и территориальной системы населения, хотя и считал, что такая чрезвычайно сложная, перегруженная показателями полисистема окажется практически не используемой ни природоведением, ни экономической географией и практической необходимости в ней нет (59, с.17). Тотальная геосистема В.Б. Сочавы близка к теоретической модели интегральной геосистемы М.Д. Шарыгина (62). Эта конструкция охватывает все основные материальные объекты, изучаемые географией. Подобная идея всестороннего исследования объекта ранее обсуждалась историками (концепция тотальной истории) и была частично реализована для отдельных локусов – поселений сельского типа в рамках локальной истории (54).

В географии локальные модели «поселение – окрестность» создавались для изучения процессов антропогенного преобразования геосистем Е.А. Скупиновой (56) и В.В. Штейнсом (63). К неудачным с нашей точки зрения попыткам реализации принципа тотальности относится предложенная В.Н. Калуцковым концепция этнокультурного ландшафта, включающего в качестве подсистем не только природную основу и местное сообщество, но и духовную составляющую (32). Несмотря на заявленный автором ландшафтный подход, геосистемы в картографических построениях редуцированы до типов местоположений, а типы местоположений – до топографической ситуации. Редукцией затронута и социальная составляющая, что нарушает высказанный Д.В. Николаенко методологический принцип гуманитарной географии (см. выше). Значительно более удачные попытки построения систем подобного рода сделаны в области географии культуры, этно- и антропоэкологии (работы А.И. Крупника, М. В. Рагулиной; С.В. Рященко, П.М. Шульгина и др., а также зарубежных авторов, обзор которых приводит Л.П. Репина (54). Следует назвать и комплексные исследования природных объектов и их словесных и визуальных образов, в которых широко используется междисциплинарный подход, методы топонимики, этнологии, картографический способ изучения и представления данных (27).

В условиях усиления интегративных тенденций в географии представляется закономерным и необходимым объединение двух ветвей гуманитарных направлений в единую социально-гуманитарную географию, комплексно изучающую объективный материальный мир – геопространство и социальную реальность как совокупность реальностей индивидуальных. Такой подход близок к пониманию объекта исследований в общественной географии, где общество, согласно формулировке В.М. Гохмана, рассматривается на экономическом, социальном и культурологическом уровнях (15). Объект гуманитарной географии в трактовке Ю.Н. Гладкого более конкретен. Это гуманитарное пространство, наполненное вещественными элементами (производственными, инфраструктурными, бытовыми и др.), соответствующими отношениями (экономическими, социальными, культурными, экологическими и др.) и ассоциирующееся прежде всего с человеком (10, с.9). Акцент сделан на вещественности пространства – именно в этом заключена, смеем заметить, главная причина расхождения между двумя гуманитарно-географическими подходами. Вместе с тем, ассоциирующееся с человеком пространство сложно понять без анализа идеальной составляющей – субъективного «человеческого фактора», всей совокупности причин, в том числе на первый взгляд второстепенных, определивших территориальную структуру и ряд присущих ей качеств. Геопространственные системы подобного рода формируются «от человека» в процессе производственных, бытовых, общественных, рекреационных потребностей (55, с.85). Напомним, что в исторической науке, знании сугубо гуманитарном, с конца 1980-х гг. возобладал взгляд на общество как совокупность людей с различными чаяниями и устремлениями (см. подробнее (3, с.13). Следует отметить также, что возможность объект-субъектного синтеза подобного рода допускается не всеми. Немецкий географ Б. Верлен считает, что любая попытка охватить в пространственных понятиях нематериальный социокультурный и субъективный мир намерений, норм, ценностей и т. п. будет редукционистской, поскольку физические и нематериальные социальные и психологические образования имеют разный онтологический статус. Сам автор, ссылаясь на труды К. Поппера, Т. Парсонса, М. Вебера и феменолога А. Шюца, предлагает альтернативный вариант: представлять объяснения так называемых пространственных фактов в категориях действия (7, с.35–36).

В качестве объединяющих все гуманитарные направления географии объектов исследования должны, видимо, выступать традиционные объекты социально-экономической географии – производственно-расселенческие системы, промышленные и транспортные узлы, поселения, городские районы и кварталы со всем географическим содержанием, населением, структурами и инфраструктурами. Более расплывчатый характер имеют объективно- и субъективно-личностно понимаемые *пространство* и *место*, «очеловеченные» первоначально

в гуманитарной (гуманистической) географии Запада. В кандидатской диссертации Д.В. Николаено, защищенной в 1983 г. эта исследовательская модель была подвергнута критике как идеальная, узкоантропологическая, антимарксисткая, порожденная буржуазной интеллигенцией, с одновременным признанием того, что субъективные аспекты деятельности человека и общества географам изучать можно и нужно, без целостного осмысления их невозможно создать адекватную географическую картину мира (43, с.7, 18–20). За прошедшие годы ситуация в российской географии кардинально изменилась и субъект-объектный подход получил широкое распространение в районной планировке, исследованиях культурных ландшафтов, священных мест и других территориальных объектов и явлений, вовлеченных в системы традиционной и современной культур (см. 16, 32, 58 и др.).

Беспрецедентные возможности открываются для исследования производственно-расселенческих структур, сформировавшихся в эпоху СССР – системы, завершившей свое развитие и вследствие этого отвечающей самым строгим критериям отбора объекта изучения. Без применения сугубо гуманитарных методов исследования невозможно решение вопроса о том, насколько сложившаяся в СССР структура хозяйства и расселения обусловлена объективными причинами, а какие пространственные системы обязаны своему существованию решениям ведомств и ответственных лиц (см. дискуссия между Н.Т. Агафоновым и Ю.Н. Гладким в 1994 г. (1), публикации С.Б. Лаврова (35), О.В Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша (17) и других авторов). О существовании социального заказа на исследования подобного рода свидетельствует целый ряд публикаций, например, посвященные теме ГУЛАГа разделы политического бестселлера С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» (33).Особого внимания заслуживают географические представления лиц, принимавших и принимающих решения по размещению производств и других территориальных объектов. В этом отношении анализ информационных потоков, циркулирующих в обществе во время принятия решения, имеет все основания быть предметом изучения. Работы в данном направлении ведут географы-гуманитарии, например, геополитические представления И.В. Сталина рассмотрены Д.Н. Замятиным (22).

В часто цитируемом высказывании М. Планка о существовании неразрывной цепи взаимосвязей между науками естественными и социальными, есть продолжение, касающееся большого внутреннего сходства между методами исследования, используемыми в отдельных областях науки (50, с.183). К таким универсальным гуманитарно-географическим методам относятся исторический, психологический, лингвистический, культурологический. Принцип историзма – необходимая составляющая методологии. Вместе с тем, по справедливому замечанию Э.Л. Файбусовича, географию должны интересовать лишь те элементы истории, которые позволяют объяснять современное состояние объекта и прогнозировать его изменение. Это позволит избежать ухода в историю и «закапывания» в фактах – на эту распространенную ошибку, встречающуюся в исследованиях этно-культурных систем, указывает Т.И. Герасименко (8, с.32).

Исследования, выполняемые в рамках сугубо гуманитарного подхода, подвергаются критике за недостаточную географичность и проблему верификации результатов. По определению Д.Н. Замятина, географический образ – феномен культуры и связи его с реальным пространством есть предмет отдельного исследования (23, с.115). Как показывают публикации последних лет, шаги в данном направлении делаются. Разработаны методика построения структурных и картографических моделей географических образов, приемы использования картоидов, способы полевых исследований городских поселений (24). Географический тренд в традиционном понимании в гуманитарной ветви неизбежен, без материальной, объективной подосновы она способна выродиться в весьма поверхностный подход к пространству с редукцией как природной, так и общественно-географической составляющих. Сопряженное исследование географической реальности и ее идеальных воплощений, напротив, открывает возможности для диалога между всеми существующими направлениями географических исследований, в том числе между сторонниками гуманитаризованной географии и их оппонентами, представителями гуманизированной human geography.

Библиографический список

1. Агафонов Н.Т., Гладкий Ю.Н. «Постперестроечная» общественная география: искушение рынком и преемственность // Изв. РГО. – 1994. – Т. 126. – Вып.4. –С.23–31.

2. Аксенов К.Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Изв. РГО. – Т.141. – Вып. 1. – С.9–15.

3. Бессмертный Ю.Л. Анналы: переломный этап // Одиссей. 1991. – М., 1991. – С.7–24.

4. Блок М. Феодальное общество. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 502 с.

5. Бондарчук Е.А. Формирование центров деловой активности в Санкт-Петербурге // Изв. РГО. – 1999. – Т.131. – Вып.1. – С.84–92.

6. Веденин Ю.А. Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия АН. Сер. геогр. – 2003. – №3. – С.7–13.

7. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. – 2001. – Т.1. – №2. – С.25–46.

8. Герасименко Т.И. Сочетание системно-структурного и историко-географического подходов в этнокультурно-географических исследованиях. // Геопространственные системы: структура, динамика, взаимосвязи. (Доклады XXII съезда РГО. Кронштадт, 2005.). – Т.2. – СПб., 2005. – С.32–37.

9. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: между истиной и схемой // Изв. РГО. – Т.133. – Вып.6. – 2001. – С.18–24.

10. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география в начале XXI в.: к методологии научного познания // Изв. РГО. – 2007. – Т.139. – Вып.4. – С.1–18.

11. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география понятийный статус и самоидентификация // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – №3. – С. 15–25.

12. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: возможности аксиоматического законотворчества // Изв. РГО. – 2009. – Т. 141. – Вып. 6. – С. 1–15.

13. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. – М.: Прогресс, 1990. – 302 с.

14. Голубчиков Ю. Н. География человека. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 294 с.

15. Гохман В. М. Общественная география: сущность, структура // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. – Тарту. Изд-во Тартусского университета, 1979.

16. Григорьев Ал. А. Священные места планеты. – СПб.: АССПИН, 2003. – 365 с.

17. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

18. Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. – М.: РГГУ, 2005. – 891 с.

19. Докучаев В. В. Сообщение В. В. Докучаева о пользе изучения местной номенклатуры русских почв (Заседание 1 Отделения И. В. Э. Общества 20 ноября 1886 г.) // Труды Вольного экономического общества. – 1887. – №5. – С. 107–118.

20. Дружинин А. Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Изв. РГО. – 1989. – Т. 121. – Вып. 4. – С. 307–312.

21. Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов: курс лекций. – Новгород, 1972. – 228 с.

22. Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира // Политические исследования. – 1998. – № 6. – С. 80–92.

23. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.

24. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.

25. Исаченко А. Г. География в двадцатом столетии (о некоторых расхождениях и оценке событий и достижений) // Изв. РГО. – 2000. – Т. 132. – Вып. 5. – С. 20–31.

26. Исаченко А. Г. О гуманитарной географии, геосистеме, ландшафте и терминологическом фетишизме (по поводу статьи Ю. Н. Гладкого) // Изв. РГО. – 2008. – Т. 140. – Вып. 1. – С. 27–35.

27. Исаченко Г. А. Динамика ландшафтов и смена их образов в связи с изменением функций (Карельский перешеек) // Изв. РГО. – 1999. – Т. 131. – Вып. 5. – С. 23–34.

28. Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – 220 с.

29. Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. – Сб. 5. – М.: Географиз, 1947.

30. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: НЛО, 2001. – 576 с.

31. Каганский В. Л. Пространство в исследованиях Б. Б. Родомана и ученых его школы // Изв. РАН. – 2009. – №2. – С. 112–120.

32. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

33. Кара-Мура С. Г. Манипуляция сознанием. – М.:ЭКСМО, 2007. – 864 с.

34. Лавров С. Б. Современные тенденции развития географической науки и проблемы ее единства // География и современность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – С. 5–17.

35. Лавров С. Б. Геоэкология и некоторые проблемы практики // Изв. РГО. – 1989. – Вып. 2. – С. 119–125.

36. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

37. Лихачёва Э. А., Тимофеев Д. А. Экологическая геоморфология: Словарь-справочник. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2004. – 240 с.

38. Мартынов В. Л. Коммуникативная среда понятие и основные закономерности развития // Изв. РГО. – 1999. – Т. 131. – Вып. 5. – С. 96–103.

39. Мильков Ф. Н. Физическая география: современное состояние, закономерности, проблемы. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1981. – 398 с.

40. Михайлов Н. Н. Образ места // Вопр. Географии. – Вып. 10. Экономическая география СССР. – М.: Географиз, 1948. – С. 193–198.

41. Михайлов Ю. П. Административно-территориальная система России и проблемы устойчивого развития // Изв. РГО. – 1999. – Т. 131. – Вып. 1. – С. 3–9.

42. Николаев В. А. Ландшафтоведение: Эстетика и дизайн: Учеб. пособие для студентов вузов по геогр. специальностям. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 174 с.

43. Николаенко Д. В. Гуманистическая география Запада. Критический анализ. Автореф. дис. … канд. геогр. наук. – Л., 1983. – 22 с.

44. Николаенко Д. В. Гуманитарная география: проблемы и перспективы. – Киев, 1984. – 10 с. (http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0010.htm).

45. Николаенко Д. В. Эволюция западной географической науки. Принципы и проблемы исследования философско-методологических оснований. – Симферополь, 1987 – 1989. (http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0037.htm).

46. Николаенко Д. В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Автореф. дисс. … д-ра геогр. наук. – СПб., 1999. – 42 с.

47. Перцик Е. Н. Среда человека: предвидимое будущее. – М.: Мысль, 1990. – 365 с.

48. Петров К. М., Жиров А. И. География, экология, культура: Введение в геоэкологию: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 126 с.

49. Петрова Е. Г., Миронов Ю. В. Сравнение восприятия ландшафтов в России и Японии (по данным кросс-культурного анализа) // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире: мат. междунар. науч. конф. – СПб.: ВВМ, 2010. – С. 150–155.

50. Планк М. Происхождение и влияние научных идей // М. Планк. Единство физической картины мира: сб. статей. – М.: Наука, 1966. – С. 183–199.

51. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX – XX вв. – М.: Наука, 1993. – 320 с.

52. Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. – М.: ИГ, 1997. – 273 с.

53. Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых подходов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. – М.: Наука, 1988. – 477 с.

54. Репина Л. П. . Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек к истории. 1990. – М.: Наука, 1990. – С. 167–181.

55. Рященко С. В. Региональная антропоэкология Сибири. – Новосибирск: Изд-во Сибир. отд. РАН, 2000. – 191 с.

56. Скупинова Е. А. Диахронический подход к исследованию процесса освоения ландшафтов Вологодской области: автореф. дис. … канд. геогр. наук. – Л., 1982. – 20 с.

57. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17 Меняющаяся география зарубежного мира. Москва-Смоленск, 2007, С. 21–49.

58. Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 376 с.

59. Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука, 1978. – 319 с.

60. Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – №5. – С. 21–33.

61. Третьяков С. М. Выступление С. М. Третьякова // Труды Первого Всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.). Вып. 2. Пленарные заседания. – Л.: Изд-ние Гос. геогр. об-ва, 1934. – С. 139–143.

62. Шарыгин М. Д. Некоторые аспекты теории географической науки // Изв. РГО. – 2010. – Т. 142. – Вып. 1. – С. 13–21.

63. Штейнс В. В. Проблема взаимоотношения социальных и природных ландшафтных структур поседения: автореф. дис. … канд. геог. наук. – Л., 1983. – 23 с.

64. Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XVI–XVIII веках. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 331 с.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Бильчак М.В., Носачевская Е.А.
(г. Калининград, г. Москва)

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА

Bilchak M.V., Nosachevskaja E.A. (Kaliningrad, Moscow)

DEVELOPMENT OF RESEARCH ACTIVITY AS A RESOURS OF MODERNIZATION OF ECONOMY OF EXCLAVE REGION

Аннотация. *В статье обозначены проблемы и перспективы развития научно-исследовательской деятельности эксклавного региона в контексте модернизации отечественной экономики. Особое внимание обращено на необходимость создания на региональном уровне условий для эффективной реализации имеющегося научного потенциала.*

Abstract. *In article problems and prospects of development of research activity of exclave regional in a context of modernization of domestic economy are designated. Special attention is paid to the need to establish at the regional level the conditions for the effective implementation of the existing scientific potential.*

Ключевые слова: *научная деятельность, модернизация экономики, региональный уровень, экономические перспективы.*

Key words: *the scientific activity, economy modernization, regional level, economic prospects.*

Проблемам эксклавности в последние годы уделяется все большее внимание специалистами различных научных дисциплин. Причина заключается в том, что эксклавы как особый вид регионов сосредотачивают в себе многочисленные противоречия пространственной организации экономики в современных условиях. Их изучение в силу высокой степени концентрации на замкнутой территории позволяет лучше понять тенденции такого процесса как регионализация.

Для экономики эксклавных территорий характерен недостаточно емкий внутренний рынок, ограничивающий ее развитие. Работа же на рынок «материнской» страны осложнена высокими транспортными издержками, таможенными и пограничными процедурами при пересечении границ, повышающими издержки и конечную стоимость продукции [3].

С другой стороны, большое значение в развитии экономики таких регионов имеет степень использования научных достижений с целью оптимизации территориального управления и обеспечения ускоренного развития хозяйственных процессов.

Калининградская область является уникальным примером на региональном уровне в части отражения особенностей функционирования отраслей в целом и науки в частности, что как раз и обусловлено спецификой геополитического положения территории. В так называемый «доперестроечный» период в самом западном регионе страны исследовательская деятельность была ориентирована на научное обеспечение развития конкретных отраслей экономики региона. Также происходило и становление научной системы в высших учебных заведениях, развивалась аспирантура.

Коренное изменение основ функционирования экономики страны в 1990-е годы повлекло за собой значительные трансформации отраслей народного хозяйства на всех уровнях управления. В основу деятельности исследовательских учреждений были положены рыночные принципы, подразумевавшие расширение прав научных организаций

в выборе тематики исследований, направлений использования финансовых ресурсов.

В определенном смысле спрос на научно-техническую продукцию со стороны промышленности должен был отрегулировать направления научных исследований в сторону приближения их к потребностям промышленности. Этого можно было достичь за счет заключения прямых договоров, выступающих в качестве формы связи науки с промышленностью и обеспечивающих сокращение сроков освоения новой продукции и технологий. Одновременно права научных организаций на собственную прибыль должны были создать стимулы для интенсификации исследовательской деятельности в новых экономических условиях. Однако на практике ситуация развивалась неоднозначно.

Наука оказалась в эти годы в крайне сложной ситуации. С одной стороны – отсутствие в условиях высокой инфляции мотиваций инвестиционной и инновационной деятельности, значительная налоговая нагрузка привели к сжатию спроса на научно-техническую продукцию со стороны промышленности. С другой – отрицательная макроэкономическая динамика на федеральном уровне повлекла за собой сокращение бюджетных ассигнований на научные исследования. Государственное финансирование науки по «остаточному» принципу стало одной из причин разрушения механизма отраслевого научного обеспечения, за которыми последовало инерционное развитие науки на уровне регионов.

Сам по себе факт сокращения финансовых ресурсов, может, и не имел бы губительных последствий. Однако не было создано механизмов распределения ресурсов и управления наукой, адекватных происходящим процессам, которые смогли бы адаптировать работу исследовательских учреждений к рыночным условиям. Поэтому столь резкий спад повлек за собой ряд деструктивных процессов [4].

Прекращение полномасштабной деятельности отраслевых научно-исследовательских учреждений оказало негативное влияние на развитие экономики Калининградской области в целом. Произошло резкое снижение объема промышленного производства. Особенно тяжелое положение сложилось в приоритетных для развития области отраслях – машиностроении, рыбной и пищевой промышленности. Многократно возросла зависимость Калининградской области от сферы международных отношений Российской Федерации. Содержательная сторона работы всех, без исключения, организаций на территории единственного эксклавного региона Российской Федерации, окруженного территорией Европейского союза, в то время была кардинальным образом изменена.

Значительная часть научных учреждений Калининградского региона переориентировала в это время свою работу на выполнение международных проектов стран Балтийского региона и программ Северо-Западного федерального округа, федерального центра.

Особо подчеркнем – фактором, чье появление способствовало относительной активизации научной деятельности в регионе, и тем самым смягчило негативные эффекты от резкого сокращения государственного финансирования науки в годы рыночных реформ, оказалось международное сотрудничество. Оно было обусловлено не только спецификой территориального размещения Калининградской области, но и подкреплено возможностью получения исследовательскими организациями региона дополнительного грантового финансирования. Несмотря на это, численность персонала, занятого исследованиями и разработками в регионе уменьшалась на протяжении всего периода рыночных реформ, составив в 1999 году 2353 человека, что на 30% ниже уровня 1992 года [2].

Необходимо отметить, что о неизбежности реформы науки стали дискутировать на разных уровнях с самого начала 1990-х гг., одновременно с развертыванием социально-экономических преобразований в других общественных сферах. Мнения ученых были схожи в необходимости скорейшего обновления экспериментальной базы высших учебных заведений, отраслевых исследовательских организаций, поиска эффективных механизмов внедрения передовых разработок и технологий в реальный сектор экономики. В совокупности эти вопросы явились импульсом к модернизации отечественной экономики.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в Калининградской области на протяжении 2000-х годов также продолжала уменьшаться. Если в 2000 году она составляла 2533 человека, то уже к 2009 году достигла значения 1799 человек (рис. 1).

Процесс сокращения численности занятых исследованиями и разработками затро-

Рис. 1. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в Калининградской области за период 2000–2009 гг., всего, человек

Источник: [2]

нул все категории персонала – исследователей, техников, вспомогательный персонал, прочих работников.

Что касается финансирования науки, то внутренние текущие затраты на исследования и разработки в Калининградской области в 2009 году составили 952,4 млн. рублей и по сравнению с 2002 годом увеличились на 580,9 млн. рублей. При этом доля внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте в 2002-2006 гг. составляла 0,7 - 0,9%, а в 2009 году снизилась до 0,4%. Основным источником финансирования науки продолжают оставаться средства государственного бюджета. Если в 2008 году доля средств федерального бюджета в общем объеме затрат на исследования и разработки составила, с учетом средств организаций государственного сектора, 71,5%, то к 2009 году она увеличилась до 79,4%.

Всего в 2009 году в регионе было создано инновационных товаров (работ, услуг) на общую сумму 4022,1 млн. рублей. В 2006 году соответствующая стоимость была равна 7938,3 млн. рублей. Наибольшую долю уже традиционно в 2009 году составили технологии проектирования и инжиниринга (37,8%), а также технологии производства, обработки и сборки (28,3%), связи и управления (23,5%).

В настоящее время объемы закупок разработок и инноваций калининградскими предприятиями за рубежом значительны. В 2009 году суммарные годовые выплаты по соглашениям о коммерческом обмене технологиями предприятий Калининградской области с зарубежными партнерами составили 358,8 млн. рублей, что превышает объем поступлений от экспорта в 2 раза. В результате было образовано отрицательное сальдо платежей в размере 175,0 млн. рублей.

Эти данные отражают существующую потребность хозяйствующих субъектов в научном обеспечении производства. Зачастую приобретаемые калининградскими предприятиями технологии не являются передовыми, что позволяет предприятиям в краткосрочном периоде получать экономический эффект, что создает негативные предпосылки для развития области вследствие быстрого устаревания приобретенных технологий. При этом некоторые научные учреждения Калининградской области осуществляют продажу своих разработок иностранным предприятиям. Наблюдаемая закономерность, по нашему мнению, недопустима и может привести к существенным перекосам в развитии региональной науки и производства.

В рамках вопроса подготовки научных кадров особое внимание необходимо обратить на аспирантуру. В функционировании региональной аспирантуры в рассматриваемый период можно констатировать некоторое «оживление». С 2000 года подготовку аспирантов в Калининградском регионе стали осуществлять 4 высших учебных заведения. Динамика основных показателей работы аспирантуры отражена на рисунке 2.

Численность аспирантов на протяжении всего периода 2000–2009 гг. в регионе росла

Рис. 2. Характеристика работы аспирантуры в Калининградской области за период 2000-2009 гг.

Источник: [1, 2]

и в 2009 году составила 717 человек. Прием и выпуск из аспирантуры имели разнонаправленные тенденции, но с доминирующей тенденцией на рост. Вместе с тем приходится констатировать и тот факт, что научные исследования преподавателей в высшей школе носят преимущественно характер «хобби», которое реализуется в свободное от основной работы время. Это связано с учебной нагрузкой российских преподавателей, в структуре которой лишь незначительное время отведено проведению исследований. Безусловно, здесь необходимо отметить положительные изменения. В том числе и законодательно закрепленную в прошлом году возможность создания малых предприятий при вузах, что позволяет применять на практике научные разработки соответствующих образовательных учреждений и исследовательских институтов, привлекать к этому процессу высококвалифицированных преподавателей, молодых ученых.

Калининградская область обладает огромными возможностями, обусловленными геополитическим положением, восстанавливаемой инфраструктурой, инвестиционной привлекательностью, относительно высокими темпами развития в последние годы машиностроительного, рыбопромышленного, агропромышленного комплекса и других приоритетных отраслей. Кроме того, создание в 2011 году Балтийского федерального университета имени И. Канта может быть рассмотрено как основа формирования кадровой и технологической инфраструктуры для перехода к инновационному развитию экономики региона. Однако в обеспечении такого развития существует множество проблем, которые требуют обоснованных с научной точки зрения решений.

Отражением того факта, что действующая модель организации отечественной науки с ее составом и структурой сети научных организаций во многом устарела и не отвечает современным условиям развития экономики и общества, является слабая ориентация региональных научных организаций на выполнение разработок, востребованных производством, что и можно проследить на примере Калининградской области. К тому же значительное количество выполняемых прикладных разработок не имеет перспектив спроса на внутреннем и внешнем рынках в силу их незавершенности и неготовности к коммерческому использованию [4].

В настоящее время к научно-исследовательской деятельности должен применяться иной подход, учитывающий потенциал региона, роль отдельных отраслей в достижении целей социально-экономического развития территории и ориентированный на стимулирование проведения исследований, внедрения разработок, обеспечивающих модернизацию экономики области.

Таким образом, несмотря на отдельные положительные тенденции, наблюдаемые в последнее время в развитии хозяйства Калининградского региона, до сих пор имеющиеся проблемы в научной деятельности сдерживают потенциально возможный уровень

Рис. 3 Блок-схема выработки рекомендаций по формированию перспектив развития научно-исследовательской деятельности как ресурса модернизации экономики эксклавного региона

развития отраслей и переход экономики эксклавного региона на инновационный путь.

Перспективы развития научно-исследовательской деятельности могут быть обоснованно определены на основе детального исследования региональных аспектов данной проблематики. На рисунке 3 отражена блок-схема проведения подобного исследования.

В результате проведенного исследования можно отметить, что потенциал и перспективы развития научно-исследовательской деятельности в Калининградском регионе достаточно большие. По многим направлениям реализации этих перспектив заинтересованными сторонами, в числе которых и органы государственной власти, хозяйствующие субъекты, научные организации проводится значительная, но не системная работа. Вместе с тем очевидна и необходимость объединения усилий, оптимизации и повышения эффективности работы для ускорения отдельных процессов в рамках модернизации отечественной экономики эксклавного региона.

Библиографический список

1. Аналитическая записка «Научные исследования и инновации Калининградской области в 2009 году».– Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, 2010.
2. Статистический сборник «Наука и инновации в Калининградской области».– Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, 2010.
3. Клемешев А.П. Российский эксклав: преодоление конфликтогенности.– СПб, 2005.
4. Состояние и тенденции развития науки в России. Информационно-аналитическое издание.– М. ЦИСН, 2009.
5. www.mon.gov.ru – официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации

Горячко М.Д.
(г. Москва)

ОЛИМПИЙСКИЙ ИМПУЛЬС ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Goryachko. M.D. (Moscow)

THE OLYMPIC IMPULSE FOR POSTINDUSTRIAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN REGIONS

Аннотация. *Автор рассматривает основные механизмы и каналы влияния олимпийских игр на природно-хозяйственные и социальные системы. В центре исследования находится оценка соответствия Олимпиады принципам устойчивого развития.*

Abstract. *The author analyses the main mechanisms and influence of the Olympic Games on the natural, economic and social systems. The paper also provides the correlation between the Olympics and principles of sustainable development.*

Ключевые слова: *инвестиционный проект, социально-экономический мультипликатор, олимпийский импульс, постиндустриальное развитие, инновации.*

Key words: *investment project, social and economic multiplier, Olympic impulse, postindustrial development, innovations.*

Постановка проблемы. Инвестиционные ресурсы являются основой воспроизводства основных фондов и во многом определяют направленность и скорость модернизационных процессов в экономике. Появление полюсов роста и депрессивных зон, формирование социально-экономической неоднородности территории, отношения «ядро-периферия» – все это производные от предшествующей инвестиционно-строительной деятельности.

Современное распределение инвестиционных ресурсов свидетельствует о консервации преимущественно сырьевой направленности экономики России. На этом фоне масштабные инвестиции в подготовку и проведение Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи в 2014 г. (один из немногих крупных неиндустриальных проектов) задают один из возможных векторов постиндустриальной модернизации России и представляют уникальный опыт на будущее. Уже сейчас можно утверждать, что реализуемые в рамках подготовки к Играм программы отражаются на экономике и социальной сфере не только города Сочи, но и Краснодарского края и пока слабо России в целом. В результате меняется специализация экономики, стиль и образ жизни населения города, отчасти края и в отдельных аспектах – страны. Масштабные трансформации несут в себе как позитивные, так и негативные последствия, особенно на стадии строительства.

Проведение олимпийских игр в Сочи для РФ рассматривается, прежде всего, как обновленческий проект, стимулирующий модернизацию во всех сферах общественной жизни. Но понять и оценить его результаты можно только на основе достаточно длительного мониторинга как воздействия процесса подготовки и проведения игр, так и его последствий.

Проблема исследования заключается в выявлении основных механизмов и каналов влияния олимпийских и паралимпийских игр на природно-хозяйственные и социальные системы. В центре исследования находится расчет природного и социально-экономического мультипликатора и оценка соответствия Игр принципам устойчивого развития.

Методы исследований. Сформулированная проблема является многопараметрической, что и определяет сложность самого исследования. Ее многоаспектность и междисциплинарный характер предопределили необходимость анализа чрезвычайно разнообразной и достаточно разнородной информации, сведения ее в подсистемы различного уровня, с тем, чтобы обеспечить исследованию максимальную объективность и достоверность. Установление и анализ «петель» обратных связей между технологическими, экономическими, социо-культурными и политическими подсистемами открывает новые возможности для

познания сложных многоуровневых территориальных систем в географии. В отличие от схожих исследований, проводимых экономистами, социологами и представителями других гуманитарных дисциплин широко используются методы пространственного анализа. Это не только стандартные модели «ядро-периферия», «диффузия нововведений», «полевая модель». Для реализации целей исследования они дополняются вертикально-стратифицированным описанием на микрогеографическом уровне, позволяющем учесть тонкие эффекты «функции места» и ее трансформации для специфических природных условий г. Сочи.

Результаты исследований. Теория модернизации, получившая развитие в середине 50-х гг. XX в., к настоящему времени претерпела существенные изменения. В контексте данной статьи под «модернизацией» понимаются преобразования существующих технологических, организационно-управленческих и общественно-политических структур под воздействием инновации. В данном случае такой инновацией является проект «олимпийские игры» и поскольку по своему сущностному содержанию он несет постиндустриальную волну, то речь идет даже о постмодерне, прежде всего для Сочи.

Олимпийские игры – это не просто спортивное мероприятие, а многослойный комплекс взаимосвязанных действий огромного числа акторов, направленных на формирование нового, более качественного образа жизни человека и изменение его взгляда на жизнь. В этом смысле современное олимпийское движение и, особенно, в Сочи, представляет комплекс инноваций, направленных на изменение облика города, региона, страны и мира к лучшему через спорт, культуру и образование. Но и технологии, организация управления и многое другое – тоже его спутники.

Проведение олимпийских игр является мощным катализатором для экономического, социального и культурного развития принимающей территории. Игры способны привнести на территорию инновационные идеи и проекты, инновационное мышление и технологии, привлечь существенный объем инвестиций, создать тысячи современных рабочих мест, создать новую культурную и политическую среду, развить новые районы. Исходя из зарубежного опыта, принципиально важным является определение возможностей, которые представляет проект для решения тех или иных социально-экономических задач.

Как всякая крупная инновация, ориентированная на изменения не только характера функционирования, но самой структуры территориальных систем олимпийский проект имеет многофункциональное и многослойное воздействие, которое проявляется в рамках модели «диффузии нововведений». Инновации носят революционный характер, поэтому чаще всего коренным образом меняют среду, а уже сложившаяся структура в свою очередь может служить «*консервативным полем*», препятствующим распространению инноваций. Трансформация или разрушение этого «поля», налаженных связей под влиянием процесса диффузии инновации может сопровождаться резко негативной реакцией элементов системы на этот процесс отдельно и в совокупности. Именно это происходит сейчас в Сочи – на начальном этапе масштабное олимпийское строительство зачастую меняет исторически сложившиеся и укоренившиеся функции отдельных территорий и города в целом, что вызывает отрицательную реакцию всей среды. Например, полностью исчезла лучшая часть пляжа возле устья р. Мзымты в результате строительства грузового порта, что сопровождается негативной реакцией компонентов и природной среды, и общества. Грузовой двор для снабжения строительными материалами (по железной дороге) появился буквально в центре мкрн. Зорька. Строительство уже захватило около половины бывших совхозных земель. Наблюдается вытеснение сельскохозяйственных функций из районов интенсивного строительства в пределах Адлера, Имеретинской низменности и Красной Поляны. В тоже время появляется стимул качественного развития АПК города Сочи, внедрение более эффективных производств и развитие тех направлений сельского хозяйства, которые наиболее эффективны именно в курортном городе.

В общем виде можно выделить отрасли прямого и косвенного воздействия. Конечно, говорить о строго прямом или косвенном воздействии нельзя, поэтому отрасли разделяются по преимущественному типу влияния в общем влиянии. Так, наиболее сильно вовлеченными являются отрасли, связанные с инфраструктурными объектами для проекта. Осуществление Олимпийского проекта

Рис. 1. Созидательное и разрушительное влияние Олимпийского Проекта

воздействует напрямую на все эти отрасли, однако, частичное воздействие происходит и косвенно, в основном по линии промышленности стройматериалов, которая является проводником влияния, с одной стороны, и сферой косвенного влияния проекта, с другой.

В процессе трансформации сопряженных отраслей изменяется не только общая хозяйственная структура города, изменяется внутригородское распространение и концентрация объектов и явлений. Изменяется функциональная структура территории. Распространение влияния проекта на территорию происходит по принципу диффузии нововведений от центров к периферии.

Помимо этого, с конца XX в. олимпийские игры рассматриваются с экономической точки зрения, как событие, способное дать толчок к развитию экономики, как рентабельный проект по совокупности своего влияния. Причиной подобного анализа стал финансовый провал игр 1976 г. в Монреале, когда затраты на проведение соревнований почти в пять раз превысили расчетные, а некоторые из спортивных объектов не были достроены даже после окончания олимпиады[1]. После этого каждые новые олимпийские игры все в большей степени оцениваются с чисто экономических позиций: сколько будет стоить проведение игр, в какую сумму обойдется строительство сооружений, каково будет соотношение доходов и расходов? Олимпийские игры превратились в гигантский инвестиционный проект с высокой инновативной составляющей, рискованный, но привлекательный. Эффект от проведения игр очевиден: это строительный бум, рост транспортной системы, развитие туризма, стимул для модернизации и увеличения производства в легкой и пищевой промышленности, дополнительные рабочие места.

Основное влияние на экономику страны проведения олимпийских игр оказывают инвестиции, которые осуществляются на первом этапе. Математически это можно выразить через коэффициент мультипликатора Дж. Кейнса, который требует адаптации для расчета социально-экономического эффекта. Мультипликатор – коэффициент, показывающий взаимосвязь между приростом инвестиций и полученным в результате этого приростом дохода. Мультипликационный эффект возникает в связи с тем, что первоначальные инвестиции повышают доход. Его рост, в свою очередь повышает уровень потребления, т.к. С = С(У). Новый спрос удовлетворяется за счет новых инвестиций, что приводит к росту дохода и т.д.

Проект проведения зимних олимпийских и паралимпийских игр в Сочи уникален по своей природе. Беспрецедентный по масштабам и объему инвестиций мегапроект (аналогов среди проектов подготовки к проведению зимних олимпийских

[1] Нуреев Р.М., Маркин Е.В. Эти разные Олимпийские игры. TERRA ECONIMICUS (Пространство экономики), Ростов-на-Дону. том 7, №3, 2009

Рис 2. Система сформировавшихся на уровне города Сочи прямых связей в результате непосредственного строительства Олимпийских объектов (по данным на июнь 2010 г.)

и паралимпийских игр в мире нет). Суммарный размер государственных и частных инвестиций в мегапроект по подготовке к проведению зимних олимпийских и паралимпийских игр в Сочи может составить 700–1300 млрд. рублей (эквивалент $22,3–41,4 млрд.). Для сравнения на подготовку зимних олимпийских и паралимпийских игр в Турине (наибольший размер инвестиций) было потрачено $4,1 млрд., что в 5–10 раз меньше, чем на мегапроект в Сочи. В остальных случаях (Солт-Лейк Сити 2002, Ванкувер 2010 и т.п.) на подготовку к проведению олимпийских и паралимпийских игр тратили существенно меньше, от $1 млрд. до $2 млрд. В дополнение к значительным инвестициям, это первые зимние олимпийские игры, проводимые в субтропиках. Осуществляется реализация значительного количества проектов в пределах всего Большого Сочи. В тоже время на площадках-центрах будущей олимпиады наблюдается колоссальное увеличение интенсивности предолимпийской деятельности. Масштабность Сочинского Олимпийского мегапроекта накладывает дополнительную ответственность на всех его участников в части получения максимально возможного социально-экономического эффекта эффективного использования опыта и технологий как в процессе так и после его завершения.

Кроме того, останется значительное нематериальное наследие: уникальные технологии и наработки по реализации масштабных проектов, предложения по оптимизации законодательной базы для ускорения процессов реализации таких проектов, новая городская среда в Сочи, отвечающая европейским стандартам гостеприимства, команды людей, способных профессионально и в сжатые сроки реализовывать масштабные проекты по развитию территорий и т.д.

В процессе реализации олимпийского проекта между подсистемами природно-хозяйственных и социо-культурных систем возникает совокупность взаимосвязей. На современном этапе подготовки к проведению игр реально измеряемо влияние в бюджетно-финансовой сфере (прежде всего, в инвестиционной сфере), на рынке труда (в части «новой» занятости), в динамике землепользования и ландшафтов, потоках сырья и энергии и производных от них отходов, связанных со строительным циклом (схема 2).

Масштабная инвестиционная деятельность в Сочи связана в первую очередь со строительством. Его отличают большие объемы и сложность проектов, появление районов общественно-деловой застройки, активное строительство и реконструкция санаторно-курортных и туристических учреждений, масштабная реконструкция жи-

Рис. 3. Динамика численности зарегистрированных безработных в г. Сочи за 2005–2008 г.

Рис. 4. Валовый прирост занятости в г. Сочи

лищного фонда города. Объемы строительных работ за период 2005–2009 гг. возросли более, чем в 2,5 раза. В последние годы город стремительно меняется. Построены или находятся на стадии строительства несколько пятизвездочных гостиниц и пансионатов, ряд жилых комплексов – ЖК «Премьер», ЖК «Миллениум Тауэр», ЖК «Новая Александрия», инфраструктурные объекты и др. Значительно изменился центр города, его историческое ядро. Эта часть Сочи и всей агломерации постепенно застраивается часто не вписывающимися в городской ландшафт постройками. Территория вдоль реки Сочи с ответвлениями к административно и культурно значимым объектам постепенно превращается в вытянутый общественно-деловой центр.

Темпы строительства в городе возросли с 0,25 до 1,4 тыс. кв. м. на человека, что сопоставимо с самыми высокими показателями по миру: США (1,4 кв. м/чел), европейские страны (1,1 до 1,3). Для сравнения: в России в 2009 г. – 0,45.

В последние 3 года в среднем в Сочи вводилось около 500 тыс. кв. м. жилья, что более, чем в 2 раза больше уровня 2005 г. При этом на 2009 г. общий жилищный фонд города составлял 7 330 тыс. кв. м. Таким образом, сегодня в год вводится почти 7% от существующего жилищного фонда города, что выше чем в Европе.

Начало олимпийского строительства во многом определяют существенные качественные изменения в сфере занятости. Эти изменения во многом зависят от макроэкономических процессов и, прежде все от инвестиций. В настоящее время мы можем отметить, что происходят структурные изменения в занятости города и региона, и формирование дополнительных рабочих мест, принципиально по-новому обустроенных, трансформируются направление и распределение миграционных потоков.

Согласно нашим исследованиям только на строительных объектах Олимпийских игр в начале 2010 г. было занято более 17 тыс. работников. В результате численность зарегистрированных безработных в г. Сочи имеет тенденцию снижения (рис. 3).

Эти изменения подтверждает величина уровня зарегистрированной безработицы, которая уменьшилась на 0,1% за рассматриваемый период. Это особенно показательно в условиях кризиса и подтверждает гипотезу влияния Олимпийских игр на снижение напряженности на рынке труда. Анализ структуры занятости в г. Сочи в первом полугодии 2009 г. также показал влияние подготовительного этапа Олимпийских игр: произошел резкий рост доли занятых по сравнению с 2008 г. (рис. 3–4): в строительстве (до 14%), в сельском и лесном хозяйстве (до 13%) и на транспорте и в связи (до 8%). Еще одна отрасль экономики, быстро растущая в последние годы – рекреация. Только в гостиничном и ресторанном бизнесе занятость достигла 5%.

За период 2005-2008 гг. по Краснодарскому краю и Сочи отмечается миграционный прирост населения. Значимость олимпийского влияния проявляется в том, что в начале анализируемого периода разница между прибывшими и убывшими составляла почти – 5 раз, тогда как к концу периода она увеличилась более, чем в 15 раз. С высокой вероятностью можно утверждать, что рост миграционного притока связан с ростом экономического интереса населения к олимпийским играм.

Общее количество вновь созданных и поддержанных рабочих мест в период с 2008 по 2009 гг. по России составило 23,9 тыс., из них в Сочи – 10,7 тыс. Преобладающая часть

Рис.5. Основные направления транспортного строительства в Сочи. Крупнейшие проекты

рабочих мест в разрезе видов экономической деятельности, как и следовало ожидать, сосредоточены в строительстве и в проектно-изыскательских организациях (более 90%). Распределение данных рабочих мест по профессионально-квалификационным группа оценивалось экспертно с учетом среднестатистической структуры занятых в строительстве, а также коэффициента сменности рабочих. Для модернизационных процессов важно учитывать, что около 65% рабочих мест должны быть замещены квалифицированными и неквалифицированными рабочими, 13,2% рабочих мест – это рабочие места руководителей.

Этот индикатор наглядно свидетельствует о положительном влиянии этапа подготовки Олимпийских игр 2014 г. на социально-экономическое развитие Сочи, Краснодарского региона и России в целом.

Модернизация – это, разумеется, новые технические решения, которые затем тиражируются в других регионах. Одним из наиболее индикативных и интересных элементов оказываются проекты транспортного строительства. Подготовка к проведению Олимпийских игр значительно изменяет существующую систему сообщения. Рассмотрим некоторые из них.

Строительство совмещенной железнодорожной и автомобильной дороги принципиально меняет уровень связности Сочи. Наличие скоростной безпробочной коммуникации обеспечивает резкое повышение мобильности и соответственно привлекательность города, когда в пределах часовой доступности оказываются культурные, спортивные объекты, пляжи и горнолыжные склоны. Пропускная способность по железной дороге составит до 8,5 тыс. пассажиров в час, по автомобильной – до 11,5 тыс. человек в час.

Дорога включает 6 железнодорожных тоннелей общей протяженностью 10,5 км, 3 автодорожных тоннеля протяженностью 6,7 км, а также 3 сервисно – эксплуатационных штольни общей протяженностью 9,5 км; 35 км мостов и эстакад; 48 км электрифицированной однопутной железной дороги; 46,5 км автомобильной дороги с многоуровневыми транспортными развязками. Проложенная в горах, дорога имеет затяжные уклоны величиной до 40°. Практически все мосты расположены на кривых радиусом от 600 м до 1,2 км, что делает невозможным использование на новой трассе типовых пролетных строений для мостовых конструкций и требует разработки уникальных технических решений.

Еще одним сложным инвестиционным проектом внутри олимпийского проекта является реконструкция Адлерского кольца. В настоящее время движение автотранспорта по рассматриваемому транспортному узлу осуществляется по одноуровневой транспортной развязке типа вытянутого «кольца» расположенного в месте пересечения федеральных автодорог М-27 и А-148 с диаметром центрального островка 50м. Существующее кольцевое пересечение не обеспечивает движения

по направлению Красная Поляна – Адлер, разворот в сторону Адлера осуществляется в районе железнодорожного вокзала г. Адлер в 1,25км от рассматриваемого участка (перепробег автомобилей составляет 2,5км). Такое формирование дорожных потоков, с учетом прогнозируемого увеличения интенсивности движения, а также наличие железнодорожного переезда существенно снижает скорость движения автомобилей и приводит к образованию заторов на улицах города.

Еще одной особенностью данного узла является то, что он расположен в жилой застройке Адлера, что затрудняет организацию дорожного движения из-за слияния транспортных потоков транзитного и местного направления.

В настоящее время вместо одного узла здесь строится комплекс из трех развязок, что позволит решить одну из главных транспортных проблем города. «Адлерское кольцо» – объект сложный как с точки зрения инженерного и технологического исполнения, так и объемов работ и связанных с плотностью застройки проблем. Общая протяженность дорог, улиц, съездов этой развязки составляет, без малого, шесть километров, насчитывается 13 примыканий и пересечений с улицами, в ней до шести полос движения с пропускной способностью до 14 тыс. машин в сутки.

Подготовка проведения Олимпийских игр неизбежно приводит к активизации деловой активности компаний и предпринимателей России в целом, Краснодарского края и Сочи, так как задействованы практически все отрасли экономики.

На момент исследования компаниями-контрагентами ГК «Олимпстрой» являлись организации и индивидуальные предприниматели общим количеством 501 контрагент, более 80% которых имеют системы менеджмента качества, соответствующие ИСО 9000, что делает их конкурентоспособными на мировом рынке.

Подготовка к проведению Олимпийских игр способствует развитию, в первую очередь, малого бизнеса, так как значительная часть включенных в олимпийский проект компаний относится к группе индивидуальных предпринимателей (в Сочи их доля составляет 36%, в Краснодарском крае – 21,3%, в целом по России – 18,1% от общего числа компаний-контрагентов). Однако следует иметь в виду, что большое количество контрагентов может снизить управляемость, уровень контроля за качеством и своевременным выполнением поставленных задач.

Также в рамках подготовки к проведению Олимпийских игр оказались востребованы услуги контрагентов из сферы коммунальных, персональных и социальных услуг (по России 18,3%, в Краснодарском крае – 11,7%, в Сочи – 18% от числа рассматриваемых компаний). Работа по строительству и проектно-изыскательским услугам предоставляются, в основном, крупными компаниями, поэтому их количество не столь велико (Сочи – 6%, Краснодарский край – 13%, Россия – 3,8% от общего числа контрагентов), но все они выполняют относительно сложные технические работы по строительству олимпийских объектов.

Высокая деловая активность в Сочи, подтверждается тем, что здесь сконцентрировано до 30–40% общего числа компаний в Южном федеральном округе. Часть из них непосредственно подключена к подготовке олимпийских игр – в общей совокупности контрагентов олимпийского комитета их доля составила 3,6 %. Основная их часть (более 60%) работает в сфере операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением различных услуг.

Благодаря играм создается положительный бренд города. Обновленный город с самой современной в мире инфраструктурой, сочетающей в себе аэропорт, гостиницы, деловые центры, концертные площадки с сопутствующими благоприятными климатическими условиями будет являться одной из самых желанных площадок в стране для проведения глобальных событий не только спортивного характера – форумов, конференций. За 2009 г. в Сочи было проведено более 200 экономических и политических международных мероприятий. В их числе встречи главы города с посольствами многих стран, таких как США, Италия, Франция, ЮАР, Китай, Великобритания.

Мероприятия касались международного сотрудничества и проверок работ по строительству и организации Олимпийских игр. Они проходили в основном в Администрации города, «Зимнем Дворце», на олимпийских объектах. В дальнейшей подготовке к олимпиаде мероприятий такого типа будет все больше. В 2010 г. стартовала Культурная Олимпиада, рассчитанная на 4 года, каждый

из которых имеет свою тематику. С 2010 по 2014 гг. в Сочи состоится более 1000 разнообразных культурных событий. 2010 г. был объявлен Годом Кино. В связи с этим основные мероприятия, прошедшие в 2010 г. в Сочи, тематически были связаны с кино. Среди них – фестиваль спортивного кино, фестиваль фильмов о жизни людей с инвалидностью «Кино без барьеров», фестиваль экологического кино «Зеленая гвоздика», а также разнообразные выставки и выступления известных актеров.

Город уже сейчас является одним из центров Краснодарского края по проведению спортивных мероприятий. В 2009 г. в Сочи проводились 386 соревнований в 57 видах спорта, 51 из которых проводились в Адлерском районе города, что составляет 14% всех мероприятий.

Мероприятия, проводимые на территории города, несут не только положительный социальный и экономический эффект со стороны неценовой конкуренции, но и требуют создания и поддержания инфраструктуры города на соответствующем уровне, что также является одним из полюсов роста экономики. Отсюда следует, что проведение мероприятий различного характера носит мощный мультипликативный эффект для территории города.

Помимо Олимпиады, для проведения культурных и спортивных мероприятий в городе ведется капитальный ремонт и строительство новых площадок. Создается большое количество новых спортивных площадок: 6 площадок в Сочи, 2 бассейна в Адлерском районе, 6 площадок и 1 бассейн в Лазаревском, 5 площадок в Хостинском районе, 6 площадок и 2 бассейна в Центральном районе. На многих площадках уже запланировано проведение краевых и городских соревнований. Также ведется капитальный ремонт крупных центров культуры, таких, как Зала органной и камерной музыки, Музея истории города-курорта Сочи, районного Дома культуры Центрального района города Сочи.

Таким образом, мероприятия от проведения Олимпийских игр до спортивных городских соревнований влияют на развитие культурной, социальной и экономической сфер жизни города, становление положительного международного бренда и на развитие всесезонной популярности курорта.

Таким образом, можно сделать вывод о разностороннем положительном воздействии Олимпийских игр на социально-экономическую ситуацию как непосредственно города Сочи, так и Краснодарского края и России в целом. Появились новые виды деятельности практически во всех отраслях экономики, создаются возможности для повышения занятости различных социальных и профессионально-квалификационных групп населения, реализуются сложные технические решения и др.

Решаются транспортные проблемы города в связи с постройкой объездной дороги и нескольких развязок, увеличивается рекреационная емкость курортных районов Большого Сочи, улучшается имидж города и т.д. Однако масштабное обновление на первоначальном этапе связано с разрушениями как в природных, так и в социально-экономических комплексах.

В настоящее время в городе Сочи реализуется второй (строительный) этап инновационного цикла, следующий после этапа разработки самих идей, и несущий за собой массу разрушений в существующей территориальной системе. Наибольшая трансформация с отрицательным вектором характерна для Имеретинской низменности и долины реки Мзымта в границах Адлерского внутригородского района. Произошло крупномасштабное замещение исторически сложившихся природных и аграрных ландшафтов транспортно-коммуникационными, складскими и прочими производственными зонами, а также временной системой поселений (вахтовые поселки). Это изменило образ жизни населения и микросреду его проживания.

Библиографический список

1. Нуреев Р.М., Маркин В.Е. Эти разные Олимпийские игры – Экономический вестник Ростовского государственного университета том7, №3 2009

2. Тумусов Ф.С. Инвестиционный потенциал региона: Теория. Проблемы. Практика.– М.:«Экономика»,1999

Землянский Д.Ю.
(г. Москва)

ИНДИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СЕЗОННОЙ ДИНАМИКИ РАЗМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ[1]

Zemlyansky D.Y. (Moscow)

INDICATIVE APPROACH TO ESTIMATING THE SEASONAL DYNAMICS OF POPULATION IN RUSSIA

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу сезонной динамики размещения населения в регионах Российской Федерации на базе индикативного подхода. В качестве индикатора использованы сезонные различия в потреблении хлеба и хлебобулочных изделий по регионам РФ.*

Abstract. *This article focuses on the analysis of seasonal dynamics of population in regions of the Russian Federation on the basis of an indicative approach. As an indicator used by seasonal differences in consumption of bread and bakery products by region.*

Ключевые слова: *сезонные миграции, индикативный подход, география потребления.*

Key words: *seasonal migration, an indicative approach, geography of consumption.*

Сезонные миграции населения – один из наиболее сложных для изучения типов механического движения населения. Разовые туристские поездки в курортные регионы, маятниковые и сезонные поездки на дачи, сезонные и вахтовые трудовые миграции – эти и другие виды поездок становятся причиной регулярных пространственных перемещений населения в течение года (сезонных миграций), которые в свою очередь ведут к формированию сезонных колебаний в размещении населения. Множественность причин миграций существенно ограничивает возможности для применения социологических и качественных методов исследования, при полном отсутствии официальных статистических данных, как на уровне стран, так и на уровне регионов или низовых территориальных ячеек. В результате, большинство исследователей ограничиваются изучением «отраслевых» сезонных перемещений населения (в основном, трудовых миграций) на локальном уровне на базе социологических методов.

Практика исследований сезонных перемещений населения в мире весьма незначительна и связана, в основном, с анализом трудовых сезонных миграций как следствия и инструмента преодоления внутригодовых колебаний на рынках труда в странах мира. За последние 5 лет проведен ряд работ по изучению сезонных миграций в сельских районах Индии [3] и Непала [6], странах центральной и южной Африки [2] и других развивающихся странах. Предметом исследования в большинстве работ являются миграции сельского населения, вызванные внутригодовыми циклами занятости в сельском хозяйстве и социальные последствия сезонных миграций [3,4,5 и др.].

Несмотря на то, что факт существования сезонных миграций в России населения неоспорим, исследования, посвященные данной проблематике, остаются единичными. Из наиболее значимых работ последнего десятилетия можно отметить публикации по изучению «дачников» и «дачных миграций» в Московской и Костромской областях, выполненные Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем [1 и др.]. Но и в этих исследованиях, выполненных на базе данных администраций сельских поселений и муниципальных районов, отмечается несовершенство и слабая достоверность информации о количестве и размещении дачников, а выводы, во многом, построены на результатах отдельных глубинных интервью, проведенных авторами. Таким образом, прямые методы исследования (статистический анализ, социологическое обследование мигрантов) по ряду причин не применимы для изучения географии сезонных миграций в целом, и единственным возможным подходом является косвенный индикативный анализ, примененный в данной работе.

[1] Исследование выполнено в рамках работ по гранту РФФИ №10-06-00278-а

Гипотеза и допущения. Гипотеза исследования включает два базовых предположения:

Во-первых, распределение наличного населения по территории Российской Федерации подвержено сезонным колебаниям, вызываемым тремя основными факторами: трудовыми миграциями, маятниковыми рекреационно-сельскохозяйственными миграциями (дачными миграциями) и туристскими поездками.

Во-вторых, возможно проведение расчета сезонного (летнего и зимнего) населения по регионам Российской Федерации с использованием индикативного метода. В качестве индикатора целесообразно использовать показатель потребления продукта каждодневного спроса, подобным продуктом может быть хлеб. Объем потребления хлеба зависит от социо-культурных и экономических особенностей той или иной группы населения, однако динамика потребление хлеба в течение года представителем любой из групп является в целом постоянной. Следовательно, изменение потребления хлеба и хлебобулочных изделий в течение года на той или иной территории может служить индикатором сезонных колебаний численности наличного населения.

В связи с тем, что статистический учет сезонности потребления продуктов питания на территории РФ не ведется, но в свободном доступе имеются данные о помесячном производстве хлеба в регионах РФ, необходимо допустить равнозначность показателей производства и потребление хлеба в субъектах РФ. На локальных рынках хлеба и хлебобулочных изделий действуют не только местные производители, однако большая часть производимого внутри региона хлеба потребляется в его (региона) пределах. Связано это с низкой рентабельностью дальних перевозок подобной продукции. Этот факт и позволяет нам говорить о синхронности процессов производства и потребления в регионе, а, следовательно, и приравнять сезонные значения производства и потребления хлеба и хлебобулочных изделий на уровне регионов России.

Второе важное допущение – необходимость приравнять численность постоянного населения региона на 1 января к показателю зимнего наличного населения. Учет наличного населения в РФ проводится только по результатам переписи, результаты 2010 года еще не опубликованы, а данные переписи 2002 г. устарели.

Данные для проведения исследования

Исследование включает в себя работу с двумя массивами данных. Для определения базовых факторов формирования сезонной ритмики производства хлеба были использованы данные по четырем хлебопекарным предприятиям, посещенным автором и его коллегами (К. Аверкиевой и В. Ефремовой) в рамках экспедиционных исследований в 2008-2010 гг. Данные предоставлены самими предприятиями и не могут быть опубликованы, поэтому в работе приведены только расчетные индексы сезонности.

Для анализа сезонной ритмики производства хлеба и хлебобулочных изделий по регионам Российской Федерации, а также расчета сезонных колебаний численности наличного населения использованы показатели из «Центральной базы статистических данных» Федеральной службы государственной статистики [8], а именно:

Отгружено (передано) продукции в натуральном выражении (2009 г.), хлеб и хлебобулочные изделия всего, тонн

Численность постоянного населения на первое января 2009 г. по регионам Российской Федерации, человек

Доля занятых в сельском хозяйстве от общей численности занятых в экономике в 2009 г., %

Оценка достоверности данных

По данным текущего учета Федеральной службы государственной статистики в 2009 г. в Российской Федерации было отгружено 5 млн. тонн хлеба и хлебобулочных изделий, или около 35,6 кг на душу населения. Однако подобные цифры существенно расходятся с результатами опросов населения о потреблении продуктов питания, приводимыми тем же Росстатом [7], по которым годовое потребление хлеба и хлебобулочных изделий в 2009 г. составило 119 кг в среднем на каждого жителя РФ. Подобные нестыковки статистических показателей вызваны несовершенством статистического учета в России в целом и, в особенности, в отдельных регионах. Так, по результатам опросов среднегодовое потребление хлеба в Республике Дагестан составляет 125 кг хлеба на 1 жителя, а по результатам текущего учета объем отгруженной хлебной продукции в регионе в расчете на душу населения не превышает 1 кг.

[1] Данные беседы предоставлены К. Аверкиевой и В. Ефремовой

Рассчитано автором по данным предприятий

В то же время задача текущего учета выявить основные направления краткосрочных изменений, а не дать абсолютные значения показателей. Поэтому в целом можно говорить о статистической значимости текущих показателей отгрузки хлеба и хлебобулочных изделий для определения соотношения между отдельными месяцами для большинства регионов России.

Из поля дальнейшего исследования необходимо исключить регионы с заведомо недостоверными данными: 10 регионов, в которых расхождения между данными текущего учета отгрузки хлеба и хлебобулочных изделий и показателями потребления хлеба составили более 15 раз: Республики Калмыкия, Северная Осетия, Дагестан, Чечня, Хакассия, Алтай, Тыва, Амурская и Томская области и Еврейская автономная область. Еще одно несоответствие между данными о производстве и потреблении проявляется в Чукотском автономном округе, где более четверти всего хлеба производится в августе, а в остальные месяцы отгрузка сохраняется на минимальном уровне. Данных технологические особенности не позволяют проводить для региона расчет сезонного населения по выбранному индикатору.

Факторы формирования сезонной ритмики производства хлеба.

При разработке методики расчета сезонного населения необходимо учесть специфику самого индикативного явления, провести анализ особенностей и причин формирования сезонной ритмики производства хлеба, определить роль колебаний численности населения в этом процессе. К решению этой задачи можно подойти с двух сторон: от конкретных предприятий, работающих на локальных рынках и сталкивающихся в основном с типичными, устойчивыми колебаниями, и со стороны регионов, на уровне которые проявляются индивидуальные географические и др. факторы.

На уровне отдельных **предприятий** проявляются 3 типа сезонной ритмики (см. рис. 1). Первый характерен для Кашинского и Чистопольского хлебозаводов и выражен летним максимумом и зимним минимумом. В качестве основного фактора формирования подобной ритмики представители предприятий выдвигают сезонные колебания численности населения. Действительно, объединяющей характеристикой обеих территорий является туристско-рекреационной профиль их экономик. Чистополь – один из туристских центров регионального значения на Куйбышевском водохранилище, Кашин – центр санаторно-курортного отдыха, а Кашинский район – пляжного туризма в Верхневольжье. Оба района являются крупными «дачными» центрами в Тверской области и Республике Татарстан соответственно.

Второй тип сезонности характерен для Отрадненского хлебозавода. Производство хлеба и хлебобулочных изделий на предприятии достигает максимума зимой и весной, в период с октября по май, существенно сокращается летом и осенью и достигает минимума в ноябре. Наиболее вероятное объяснение для подобных колебаний – сокращение числа потребителей. Данный факт совпадает с общей динамикой внутригодовых миграций населения города и района. Летом население района сокращается под действием трех процессов: временного выезда жителей на отдых в курортные районы, отъезда дачников и трудовых миграций населения в нефтедобывающие районы севера на вахтовые работы. Рис. 1. Индексы сезонности производства хлеба и хлебобулочных изделий на хлебопекарных предприятиях в городах Кашин (Тверская область), Чистополь (Республика Татарстан), Отрадный (Самарская область) и Киннель-Черкасском районе.

Третий тип сезонной ритмики представлен на предприятии ИП Маликовой – производителя хлебобулочных изделий в Кинель-Черкасском районе. Для предприятия характерен неровный внутригодовой ритм производства с тремя максимумами: весенним (март-апрель), в летнее-осенним (июль-октябрь) и зимним (декабрь-январь) – и тремя минимумами: в феврале, мае-инюне и ноябре. Руководство завода приводит два объяснения. Увеличение производства хлеба в весенние и летние месяцы связан с ростом потребности в «промышленном хлебе» со стороны населения, работающего в сельском хозяйстве. Во время посевных и уборочных работ у сельских жителей не хватает времени на самостоятельную выпечку хлеба, а в остальные сезоны многие выпекают хлеб самостоятельно. В-третьих, рост летнего потребления связан с увеличением численности населения за счет дачников, приезжающих из соседней Самары[1].

Анализ сезонной ритмики производства **на уровне регионов** лишь подтверждает приведенные выводы. Помесячные данные доступны только за 2009 г. по 81 субъекту РФ. В среднем по стране амплитуда колебаний объемов отгрузки продукции в течение года составляет 11,5%. Размах колебаний по отдельным регионам варьируется от 8% в Красноярском крае до 275% в Чукотском АО. В целом можно выделить три типа сезонных ритмов:

Первый, с выраженным летним минимумом и зимним максимумом характерен для крупнейших городов (Москва, Санкт-Петербург) и северных регионов (Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Камчатский край, Мурманская и Архангельская области и др.). Максимальные различия между зимним и летним производством наблюдаются в Ямало-Ненецком АО (более 19%).

Второй тип ритмики, выраженный летним максимумом и зимним минимумом, характерен для более южных регионов. К нему относятся большинство территорий с развитым сельским хозяйством (Ставропольский край, Волгоградская область, Татарстан, Башкортостан и др.), а также регионы вокруг Московской и Санкт-Петербургской агломераций (Московская, Ленинградска, Новгородская, Владимирская, Ярославская, Тверская и др. области).

Для ряда регионов характерен ровный внутригодовой ход, без выраженных различий между летним и зимним производством. К таким относятся Чувашия, Республика Саха (Якутия), Приморский край и др.

На уровне регионов мы видим проявление тех же факторов, что и у отдельных предприятий: сезонных колебаний численности населения (сокращение летнего производства в северных регионах, рост летнего производства в регионах вокруг агломераций) и проявлений традиционной культуры потребления у населения, работающего в сельском хозяйстве (летний рост производства в регионах с повышенной долей занятых в аграрном секторе). Понимание этих факторов дает возможность для разработки методики расчета сезонных колебаний численности населения в регионах России. А пример Киннель-Черкасского района, где присутствуют оба фактора, показывает необходимость введения корректировки при расчете сезонных колебаний населения в зависимости от роли традиционных отраслей, и, в первую очередь сельского хозяйства.

Методика расчета сезонных колебаний населения.

После анализа данных о внутригодовых колебаниях производства хлеба и хлебобулочных изделий, выделении из общего массива регионов с явно недостоверными данными, которые не могут быть включены в поле исследования, возможным становит-

ся проведение расчета сезонных колебаний численности населения по регионам РФ.

Наибольшую важность представляют не конкретные абсолютные величины производства в каждый из месяцев, а изменения производства в течение года, необходимо привести все данные к единому формату. В данной работе использовался метод расчета индексов сезонности от среднегодового значения по формуле:

$$I_i = \frac{V_i}{\overline{V}},$$

где I_i – индекс сезонности месяца *i* выраженный в процентах, *Vi* – объем производства хлеба в месяце *i* в натуральном выражении, а $\overline{V}\overline{V}$ –ежемесячный объем производства в среднем за год в натуральном выражении.

Для минимизации роли случайных колебаний объемов производства и определения соотношения между зимним и летним населением как крайними значениями сезонных изменений численности наличного населения, необходимо провести усреднение значений индексов сезонности для зимы и лета по формуле:

$$I_{лет} = \frac{I_{июн} + I_{июл} + I_{авг}}{3},$$

$$I_{зим} = \frac{I_{дек} + I_{янв} + I_{фев}}{3}$$

В соответствии с выдвинутыми допущениями, за значения зимнего наличного населения принимается показатель численности постоянного населения на 1 января. Поэтому отсчет сезонных колебаний необходимо производить относительно зимы. Для определения абсолютного отклонения летнего производства от зимнего в регионе *j* ($D_j D_j$) необходимо рассчитать разницу между летним и зимним индексами сезонности:

$$D_j = I_{лет} - I_{зим}$$

Данный показатель отражает лишь один из факторов формирования сезонной ритмики производства хлеба. Как было показано выше, в большинстве случаев присутствует еще один фактор – сезонность производства хлеба работниками сельского хозяйства. Поэтому необходимо произвести корректировку значений абсолютных отклонений $D_j D_j$, в зависимости от доли населения работающего в аграрном производстве.

Значения $D_j D_j$ для Российской Федерации в целом в 2009 г. составило 4,5%. Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве составляет 4,6%. Таким образом, зависимость между ростом производства хлеба в летний период и долей занятых в традиционных отраслях близка к линейной. Это дает нам основания для проведения корректировки значений показателя абсолютного отклонения ($D_j^{'} D_j^{'}$) на долю занятых в сельском хозяйстве по формуле:

$$D_j^{'} = D_j - d_j,$$

где $d_j d_j$ – доля занятых в сельском и лесном хозяйстве в регионе *j*.

Данные значения позволяют нам рассчитать показатель абсолютного отклонения летнего наличного населения от зимнего постоянного населения для региона *j*($N_j^{'} N_j^{'}$):

$$N_j^{'} = N_j * D_j^{'},$$

где $N_j N_j$ – численность населения региона *j* на 1 января 2009 г.

Полученный показатель отражает абсолютное отклонение летнего населения от зимнего, может быть выражен как положительными, так и отрицательными значениями. Важно также понимать, что показатель отражает разницу между постоянным и наличным летним населением в среднем за каждый день лета, позволяет выявить основные тенденции и оценить масштаб явления.

Сезонные колебания размещения населения в России.

Результаты расчета сезонных колебаний численности наличного населения по регионам России представлены на Рис. 2 и Рис. 4. На большей части территории страны в летний период численность населения сокращается. Максимальный отток летнего населения характерен для наиболее богатых регионов севера и крупнейших городов. Население Москвы в летний период сокращается на 1,1 млн. чел. (здесь и далее результаты расчетов автора), ЯНАО на 118 тыс. чел. (или на 21%), ХМАО на 140 тыс. чел., Красноярского края на 220 тыс. чел., Камчатского края на 15%, Мурманской области на 11%, Ненецкого АО более чем на 10% и т.д. Отток населения в летнее время характерен и для большинства южных регионов, в которых природно-климатические условия существенно лучше, нежели на севере страны. Так, население Астраханской области и Ставропольского края летом сокращается на 5% и 7% соответственно.

Рис. 2. Баланс летнего и зимнего населения в регионах РФ

Рассчитано автором по данным ГКС РФ

Приток населения максимален в регионах вокруг крупных городов, и регионов, на территории которых располагаются туристско-рекреационные центры межрегионального значения. В целом, распределение регионов притока сезонного населения позволяют говорить о «макрорегиональном» характере сезонных миграций в России.

Сезонная ритмика населения в макрорегиональных системах.

Ключевым «поставщиком» населения в Центральной России в летний период является Москва. По результатам расчетов, в среднем в летние месяцы ее население сокращается на 1,1 млн. чел. Большинство из них некоторое время проводят на курортах в России или за ее пределами. Однако редко сроки подобного отдыха превышают 2 недели. Остальную часть лета многие москвичи проводят, курсируя между городом и «дачей». Существует несколько типов дач и дачного поведения. Часть дачников проживают за пределами города большую часть теплого сезона. Чаще всего это пенсионеры и дети. Большая часть экономически-активного населения живет на даче в выходные дни и несколько недель в период отпуска. Многие москвичи имеют 2 дачи: ближнюю (в Московской области или в ближайших районах соседних регионах, как правило, в пределах 150-200 км) и дальнюю, в радиусе более 200 км.

Основной зоной концентрации дач является Московская область. В летние месяцы население региона возрастает в среднем на 750 тыс. чел. Из регионов ближнего Подмосковья особой популярностью среди дачников пользуются восточное и северо-восточное направления. Летом население Владимирской области увеличивается на 198 тыс. чел., Ярославской – на 177 тыс. чел. (на 13%.), более удаленных Нижегородской, Ивановской на 85 тыс., а Костромской на 20 тыс. чел. соответственно. Вторым по значимости является северный вектор: летом население Тверской области возрастает почти на 70 тыс. чел. (около 5% населения). Одним из наиболее динамично развивающихся дачных направлений является Калужская область, население которой в сезон растет более чем на 63 тыс. чел. В южном от Москвы направлении концентрация дачников существенно снижается: население Тульской и Рязанской областей возрастает на 40-45 тыс. чел. (3 и 4% от постоянного населения соответственно), а более удаленной Липецкой области – только на 18 тыс. Баланс населения

Рис. 3 Рост численности сельского населения в летний период в регионах вокруг Московской и Санкт-Петербургской агломераций
Рассчитано автором по данным ГКС РФ

Рис. 4. Прирост/убыль населения в регионах РФ в летний период, тыс. чел. в 2009 г.
Рассчитано автором по данным ГКС РФ

в остальных регионах Центральной России отрицателен.

Действует не только «дачный фактор». Все вышеперечисленные регионы в последние десятилетия стали зоной распространения «отходничества» – маятниковых трудовых миграций в более развитые крупные города. Пик подобных миграций приходится на зимнее время, а в летний период многие работники возвращаются для участия в полевых работах, что только усиливает тенденцию, формируемую рекреационным поведением москвичей.

На контрасте с Центральной Россией рельефно проявляются различия в сезонных миграциях населения в Северо-Западном

регионе. В летний период численность населения Санкт-Петербурга сокращается только на 90 тыс. чел. (в 11 раз меньше, нежели в Москве!), в то время как население соседней Ленинградской области увеличивается почти на 270 тыс. чел. Еще на 15 тыс. чел увеличивается численность наличного населения Новгородской области. Республика Карелия не только не является значимым центром притяжения дачников, но и напротив, «отдает» более 35 тыс. чел. в летние месяцы. В данном случае проявляются два фактора: туристско-рекреационная привлекательность Санкт-Петербурга и особенности внутренней структуры самого города. Административно в состав «Большого Санкт-Петербурга» включен целый ряд небольших городов и дачных поселков, находящихся на расстоянии 10 и более километров от границы «сплошного» освоения городского пространства. В результате, десятки тысяч петербуржцев летом могут отдыхать, не покидая административных границ города.

С учетом того, что в летнее время население стремится в основном в сельские районы, можно оценить рост нагрузки на сельскую местность вокруг крупнейших агломераций страны (см. Рис.3). Так, плотность сельского населения в Ярославской области возрастет в 1,7 раз, во Владимирской и Московской в 1,6, Ленинградской – 1,5, а Ивановской в 1,4 раза. Эти цифры свидетельствуют о коренной перестройке содержания понятия «сельского расселения» в этих регионах; появлении «второй» системы расселения – временного (сезонного, летнего) расселения, постепенно замещающего (вытесняющего?) традиционные расселенческие структуры в агломерационных зонах.

В отличие от Центральной России и Северо-Запада, где доминируют центробежные силы формирования сезонной географии расселения, в остальных макрорегионах страны основными являются центростремительные потоки. На севере Европейской части РФ, на Урале, в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке основной причиной сезонных миграция является неблагоприятные природные условия, а не экологическая ситуация в городах, как в случае Москвы и Санкт-Петербурга. Помимо традиционных курортных районов Черноморского побережья, Северного Кавказа и исторических городов, формируются, пусть и меньшие по мощности, потоки в территориально близкие, но лучшие по природно-климатическим условиям регионы. Так, многие жители Свердловской области предпочитают летний отдых на территории Челябинской и Курганской областей. Факторами привлекательности становятся обилие озер, более высокие температуры воздуха, большее число солнечных дней в году. Аналогично Пермский край принимает жителей Республики Коми, Ненецкого АО, Кировской области.

В Западной Сибири в летний период растет число жителей Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, в которых сосредоточены детские оздоровительные лагеря и санаторно-курортные учреждения других сибирских регионов (ЯНАО, ХМАО, Томской области, Красноярского края). В Восточной Сибири только два региона вокруг озера Байкал сохраняют баланс населения – Иркутская область и Республика Бурятия. В летние месяцы на озеро приезжают десятки тысяч туристов. Этот поток позволяет компенсировать отъезд местных жителей в традиционные курортные районы.

Два региона Дальнего Востока – Сахалинская область и Хабаровский край – демонстрируют пример развития трудовых сезонных миграций. В оба региона в летние месяцы, в связи с проведением навигации, рыбной ловли и лесозаготовок, приезжает несколько десятков тысяч трудовых мигрантов. Население Хабаровского края летом возрастает почти на 90 тыс. чел. (6,2%), а Сахалинской области на 8 тыс. чел. Остальные территории Дальнего Востока в теплый сезон теряют население.

Наименее однозначные результаты расчетов получены для Юга Европейской части России. Черноморское побережье Краснодарского края является сильнейшим центром притяжения отдыхающих в летнее время. Однако по расчетным данным наличное население летом отличается от постоянного только на 150 тыс. чел. Объясняются подобные расхождения спецификой потребления отдыхающих на приморских курортах – потребление местных продуктов, и в первую очередь, фруктов, в ущерб остальным элементам питания. Из-за этого расчеты и не фиксируют реальной ситуации. Помимо края, рост населения наблюдается только в национальных республиках – Адыгее и Кабардино-Балкарии. Численность населения

Адыгеи увеличивается более чем на 50 тыс. чел. (23% населения), Кабардино-Балкарии на 17 тыс. чел. Наиболее вероятно, что данное явление – следствие распространения отходничества среди жителей республик. В летний же период мигранты возвращаются в регион для участия в сельскохозяйственных и строительных работах.

Основные выводы.

Сезонные миграции населения России носят устойчивый характер. Основным фактором, определяющим временные перемещения жителей в течение года, являются потребность в отдыхе и улучшении природно-климатических условий проживания. Сезонные трудовые миграции в России распространены незначительно и значимы для отдельных регионов Дальнего Востока и Юга Европейской части страны.

Летом численность наличного населения сокращается на большей части территории страны. «Донорами» выступают, в основном, крупные города и северные территории, однако и для большинства регионов с благоприятными природно-климатическими условиями (Черноземье, Поволжский район) также характерен отток населения.

Географическую картину притока сезонного населения формирует принцип сравнительных преимуществ: привлекательными оказываются территории не с самыми лучшими условиями в принципе, а с лучшими, нежели у региона-донора. Лимитирующим является и фактор транспортных издержек, определяющий «макрорегиональность» рекреационных сезонных миграций. Затраты на перемещение, а также маятниковый характер большинства летних миграций определяют ограничения радиуса перемещения жителей в пределах экономических районов для Европейской части страны и отдельных регионов в Сибири и на Дальнем Востоке.

На территории России можно выделить два типа региональных территориальных структур сезонного расселения. Первый тип – «центробежный» – характерен для Московской и Санкт-Петербургской агломераций. Зона влияния Москвы включает не только Московскую область и первое кольцо регионов вокруг нее, но и более удаленные Нижегородскую, Костромскую, Ивановскую и Липецкую области. Влияние же Санкт-Петербурга, оказывается менее мощным, а зона сезонных дачных миграций ограничена Ленинградской, Новгородской, и, в меньшей степени, Псковской областью. Вероятно, что подобные структуры можно также наблюдать на субрегиональном уровне вокруг большинства крупных городов России.

Второй тип, с центростремительным характером связей, наблюдается на остальной территории страны. За пределами влияния крупных агломераций, население, напротив, стремится к концентрации в нескольких районах со сравнительно благоприятными природно-климатическими условиями. Такими примерами могут служить Челябинская область и Пермский край на Урале, Новосибирская область в Западной Сибири, Иркутская область и Республика Бурятия в Восточной Сибири.

Применение данного метода анализа сезонных миграций позволяет отследить «местные» рекреационные миграции, отчасти трудовые миграции, но совершенно не подходит для анализа сезонного населения крупных курортных прибрежных районов.

Зачем нужны подобные расчеты?

Применение подобных оценок сезонных колебаний населения может быть достаточно широким. Наиболее важная из всех областей – оценка «нагрузки» в различных сферах. Зная колебания численности населения, можно оценить реальную нагрузку на окружающую среду в курортных районах, прогнозировать сезонные колебания транспортных потоков и транспортной нагрузки на отдельные магистрали. Подобные оценки позволяют на минимальном уровне оценить численность дачников и дач в районах крупных агломераций, что жизненно необходимо для проведения проектных работ в области градостроительства и пространственного планирования. Наконец, представления о сезонных колебаниях численности населения, могут служить основой для планирования деятельности организаций торговли и сферы услуг.

Безусловно, данное исследование дает лишь первые приближения и «минимальные» оценки, позволяющие выявить основные тенденции без детализации. Масштабы реальных сезонных миграций существенно больше. Вероятно, что при анализе на внутрирегиональном уровне, картина окажется более разнообразной и контрастной и позволит выявить новые факты и процессы в сезонных пространственных перемещениях населения.

Библиографический список

1. Нефедова, Трейвиш. Между городом и деревней. // “Мир России” // Т.11. №4., 2002 г.– С. 61-82
2. Adama Konseiga. Seasonal migration as survival strategy. Center for Development Research (ZEF), University of Bonn (Germany).– www.zef.de
3. Alan de Brauw and Tomoko Harigaya. Seasonal Migration and Improving Living Standards in Vietnam. September 3, 2004.
4. Arup Maharatna. On seasonal migration and family planning acceptance: a tale of tribal and low cast people in rural West Bengal, India.– Gokhale Institute of Politics and Economics, Pune 411004, India
5. Distress Seasonal Migration and its Impact on Children’s Education.– Research Monograph No. 28. Centre for International Education, Sussex School of Education. May 2008.– http://www.create-rpc.org
6. Gerard J. Gill. Seasonal Labour Migration in Rural Nepal: A Preliminary Overview.– Working Paper 218. Overseas Development Institut. London, May 2003

Статистические источники:

7. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации – 2010.
8. Центральная база статистических данных ГКС РФ.

Клейменов С.П.
(г. Псков)

РЫНОЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ЭТАПА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ[1]

Kleimenov S.P. (Pskov)

MARKET TRANSFORMATION OF THE ECONOMY OF THE PSKOV REGION IN THE CONTEXT OF POST-INDUSTRIAL STAGE OF SOCIAL DEVELOPMENT

Аннотация. *В статье проанализированы основные изменения, произошедшие в экономике Псковской области в конце XX – начале XXI века.*

Abstract. *The article analyzes the major changes in the economy of the Pskov region in the late XX – early XXI century.*

Ключевые слова: *Псковская область, экономика, рыночная трансформация.*

Key words*: Pskov region, the economy, market transformation.*

Современный этап социально-экономического развития Псковской области ассоциируется с радикальными изменениями в ее хозяйстве. В 1990-е годы регион пережил сильный спад экономики, последствия которого проявляются и в конце первого десятилетия 21 века. По величине ВРП на душу населения область заметно уступает среднероссийскому уровню (в 2008 году 105 тыс. и 212 тыс. руб, соответственно), занимая по данному показателю последнее место на Северо-Западе. Статус депрессивного региона характеризует отраслевая структура валового продукта. На сферу услуг приходится 48,5% (из которых на торговлю и общественное питание – 19%), на промышленность 23,6% и сельское хозяйство – 7,9% . По сравнению с 2000 годом доля отраслей третичной сферы выросла на 9,5%. За указанный период (2000–2008 г.г) удельный вес промышленности вырос на 3,6%, а сельского хозяйства, наоборот, уменьшился на 9%. Велика доля транспорта (в 2008 г – 14,6%, в 2000 – 20%), что в целом характерно для транзитных регионов.

В условиях рынка особую актуальность приобретает конкурентоспособность той или иной территории. Даже поверхностный анализ социально-экономического положения Псковской области показывает, что в регионе реальные конкурентные преимущества отсутствуют. Слабая ресурсная база (особенно с точки зрения наличия востребованных на внешних рынках топливных и некоторых рудных ресурсов) не позволяет развивать в области экспортноориентированные производства, а отсутствие крупных инновационных центров не дает основания рассчитывать на развитие высокотехнологичных отраслей. Во многих официальных отчетах, в которых говорится о инвестиционной привлекательности региона, особый акцент делается на выгодное экономико-географическое положение. Приграничный фактор, который во многих странах действительно является преимуществом, для Псковской области такой роли не играет – граница со странами Балтии носит барьерный характер из-за политических факторов, а с Белоруссией граница разделяет периферийные аграрные районы. Поэтому депрессивность хозяйства Псковской области – объективная реальность, которую трудно преодолеть, основываясь только на внутренних ресурсах, и при нынешнем уровне финансовой поддержки из федерального центра.

Процесс рыночной трансформации экономики Псковской области отражает динамика занятости в регионе. Структурные изменения на рынке труда типичны для депрессивных, староосвоенных территорий. В 1990-е годы резко сократилась численность промышленно-производственного персонала (более чем на 50 тыс. человек). В результате удельный вес работающих в промышленности в структуре занятости снизился за период с 1990–

[1] Исследование проведено при поддержке РГНФ в рамках проекта №10-02-00-668а/ Б2 «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных районов России и Беларуси в постсоветский период».

2000 гг. до с 30% до 19%. Роль своеобразного амортизатора на региональном рынке труда приняла на себя сфера услуг, прежде всего торговля. В частности, доля занятых в торговле и общественном питании выросла с 7,7% в 1990 году до 10,2% в 2000. По мере роста промышленного производства численность работающих в данной отрасли экономики стабилизировалось на уровне 65-70 тыс. человек. В 2008 году на долю промышленности приходилось 21% занятых в экономике. Удельный вес сферы услуг в структуре региональной занятости в 2008 составил 48%, из которых 15% приходится на долю торговли и общественного питания. Несмотря на самую низкую зарплату (45–55% от средней зарплате в экономике), численность занятых в сельском хозяйстве в течение переходного периода снижалась постепенно, по мере выхода на пенсию трудоспособного населения. Если в 1990 году на долю сельского хозяйства приходилось 19%, то в 2008 – 16%. Основной причиной подобной ситуации для большинства сельских жителей являлось отсутствие альтернативы найти работу в несельскохозяйственной сфере.

В нынешнем состоянии промышленность Псковской области не является локомотивом экономического развития региона, каким она была на протяжении нескольких послевоенных десятилетий. Промышленность Псковской области представлена 13 отраслями, из которых ведущими традиционно являются машиностроение и пищевая промышленность. На них в 2008 году приходилось 66,3% промышленной продукции региона (для сравнения в 1990 – 61,6%). Машиностроительный профиль Псковской области определяют, главным образом, предприятия электротехнической промышленности и транспортного машиностроения. Кризис ударил по машиностроению больше, чем в целом по промышленности. Во многом сложившаяся ситуация – результат сформировавшейся в советское время, технологической и пространственной структуры данной отрасли. В плановой экономике упор делался на массовость и крупносерийность производства. «Гигантизм» машзаводов (на одном только «Псковмаше» в 1990 году трудилось более 8000 человек) усугубляла их узкая специализация, которая выражалась в выпуске ограниченного ассортимента изделий. Кроме того, большинство псковских предприятий создавались как промежуточные звенья сложных производственных цепочек, география которых охватывает значительную часть территории России и ряд государств СНГ. В процессе распада СССР внешние рынки за редким исключением были потеряны. Объемы продаж на внутреннем рынке резко сократились, что в свою очередь привело к ожидаемому падению производства практически на всех машзаводах области. В частности, в 1995 году выпуск электродвигателей малой мощности на Псковском электромашиностроительном заводе составил 2,7 тыс. единиц, что более чем в 5 раз меньше показателя 1990 года.

Переход к рынку болезненно отразился на деятельности практически всех машиностроительных заводов области. Часть предприятий («Псковмаш», «Псковавто», «АДС») прекратили существование. После процедуры банкротства их производственные помещения заняли торговые учреждения или развлекательные центры. «Выжившие» в ходе рыночной трансформации предприятия можно условно разделить на две группы. Первая группа – машиностроительные заводы, сохранившие производственные связи со своими основными потребителями – компаниями базовых отраслей российской экономики: «Газпромом», РАО РЖД, «Росатомом», «Транснефть», «Мосэнерго», «Ленэнерго» и т.д. Сегодня это наиболее экономически эффективные предприятия Псковской области, налоговые отчисления которых в значительной степени формируют региональный бюджет. В их число входят: ЗАО «Завод электротехнического оборудования» (г. Великие Луки)(один из крупнейших российских производителей низковольтного оборудования для электроэнергетики, а также оборудования для электрификации железных дорог, метрополитена, атомной промышленности), ОАО «Псковский кабельный завод» (ведущий изготовитель разнообразной кабельно-проводниковой продукции в Северо-Западном регионе России), ЗАО «Псковэлектросвар» (монополист в производстве электросварочного оборудования для нефтегазового комплекса, железнодорожного транспорта, судостроения), завод «Транснефтемаш» (г.Великие Луки) (ведущий производитель разнообразных машин для капитального ремонта магистральных трубопроводов).

Вторая группа – предприятия, основными потребителями продукции которых в советский период были предприятия самого машиностроительного комплекса. В период рыночной трансформации их экономическая стратегия строилась на диверсификации не только производства, но и каналов сбыта продукции. Так, ОАО «АВАР» – ведущий поставщик автоэлектрооборудования для «АвтоВАЗа», «ГАЗа», «УАЗа» – большую часть своей продукции поставляет на автосборочные конвейеры «Ауди», «Форда», «Фольксвагена», а «Псковэлектромаш» переориентировался на выпуск электродвигателей для городского транспорта (троллейбусов и трамваев) и железнодорожного транспорта (ранее основную часть продукции завода составляли электродвигатели для бытовой техники). Помимо вышеназванных предприятий к данной группе относятся: ЗАО «Великолукский завод щелочных аккумуляторов» (производство аккумуляторов для железнодорожного транспорта, для предприятий горнодобывающей промышленности), Псковский завод механических приводов (производство редукторов, коробок перемены передач для предприятий пищевой, горнодобывающей промышленности, строительно-дорожного машиностроения), ОАО «Плескава» (производство конденсаторов и резисторов), ООО «Велмаш-С» (г. Великие Луки)(производство мобильной грузоподъемной техники для лесозаготовительных компаний).

Одной из ведущих отраслей псковской экономики в советское время была легкая промышленность. В 1990 году на нее приходилось 18% промышленной продукции области. В настоящее время доля легкой промышленности составляет всего 4,8%. Во многом подобная ситуация обусловлена резким падением производства в текстильной промышленности. Объемы производства льняных тканей за период 1990-2008 гг. сократилось в 9 раз, трикотажных изделий – в 6 раз. Сегодня в легкой промышленности Псковской области действует 160 предприятий, на которых работает более 6000 человек. 40% продукции данной отрасли приходится на швейную фабрику «Славянка», являющуюся одним из крупнейших российских производителей мужских костюмов (торговая марка «TRUVOR»). Это одно из наиболее стабильных в экономическом плане предприятий региона, устойчивое развитие которого во многом обусловлено налаженной системой сбыта продукции. К числу ведущих псковских предприятий легкой промышленности относится ЗАО «Невельское швейное объединение», специализирующееся на пошиве детских спортивных костюмов по заказам зарубежных фирм «АДИДАС» и «РИБОК», и Великолукская швейная фабрика, изготавливающая форменную одежду для Министерства обороны РФ и для других силовых ведомств.

В1970–80 годы Псковская область считалась бесперспективной с точки зрения развития крупного деревообрабатывающего производства. Как следствие, лесопромышленный комплекс региона представляли в основном небольшие предприятия, которые в конце 1980-х годов производили 930 тыс. куб.м. деловой древесины и 390 тыс. куб.м. пиломатериалов. Удельный вес ЛПК в промышленной продукции был невысок и составлял в 1990 году всего 4,6%. В 1990-е годы произошла переоценка «лесоперерабатывающих перспектив» региона. Общие запасы лесов были определены в 250 млн. куб.м. (из которых на хвойные породы приходилось 45%), что позволяло ежегодно заготавливать 3,5 млн. куб.м. леса. Однако на протяжении последних двух десятилетий согласно официальной статистической отчетности осваивалось всего 25–30% установленной лесосеки. Парадокс ситуации заключался в том, что по данным областного органа статистики в регионе в период 1998–2001 ежегодно заготавливалось 540-600 тыс. куб.м. деловой древесины, тогда как ее вывоз составлял 730–800 тыс. куб.м. Это своего рода «секрет полишинеля». Даже не осведомленный с тонкостями лесопромышленного производства житель области констатировал тот факт, что значительные объемы заготавливаемой древесины получены в результате незаконной, а зачастую варварской вырубки леса. Особенно пострадал лесной фонд приграничных районов, в частности, Гдовского, Печорского и Палкинского, 80% вывозимой продукции (как правило, круглого леса) шло на экспорт, прежде всего в страны Прибалтики и Финляндию. В результате большая часть предприятий отрасли специализировалось на лесозаготовке (в 2003 году из 210 предприятий только 93 занимались деревообработкой). С 2003 года в Псковской области были ужесточены прави-

ла лесопользования, что привело к уменьшению объемов незаконных рубок. Если в 2006 году было зафиксировано 572 случая несанкционированной рубки леса, то в 2008 – 82. Произошли изменения и в географии лесозаготовки. Большая часть деловой древесины стала поступать из Стругокрасненского, Плюсского, Локнянского районов со слабо развитой транспортной инфраструктурой. В 2008 году на долю ЛПК приходилось 2,7% промышленной продукции региона. В связи с финансовым кризисом 2009 года в области резко сократилось (на 70% по сравнению с предыдущим годом) производство деловой древесины – до 140 тыс.куб.м. Основными причинами, повлиявшими на сокращение рубок, являются снижение спроса на внешнем рынке на круглый лес, значительное падение цен на пиломатериалы на внутреннем рынке, а также неблагоприятные климатические условия. Плохая погода повлияла на состояние лесовозных дорог, в частности, короткий сезон зимних лесозаготовок и высокая влажность почв в летний сезон.

На фоне падения доли традиционных отраслей в промышленной продукции Псковской области диссонансом выступает стремительный рост удельного веса таких отраслей как электроэнергетика и черная металлургия. Их доля по сравнению с 1990 годом выросла в 24,5 и 2,3 раза. В электроэнергетике данное обстоятельство связано с вводом в эксплуатацию в 1993 году Псковской ГРЭС в п.г.т. Дедовичи. В результате из энергодефицитного региона Псковская область к 1998 году стала энергоизбыточной (при потреблении в 2000 млн. кВт/ч, в регионе производилось 2240 млн.кВт/ч). Правда, в дальнейшем отрицательное сальдо энергобаланса стало типичным для области. Начиная с 2003 года, 25% потребляемой электроэнергии поступало из других энергосистем (главным образом, с Ленинградской АЭС). В результате мощности Псковской ГРЭС задействованы на 40-50%. Причина кроется в низкой конкурентоспособности электростанции из-за использования на ней устаревшей технологии. Поэтому себестоимость выпускаемой электроэнергии на Псковской ГРЭС выше по сравнению с другими электростанциями.

В отличие от соседних субъектов Федерации в структуре энергопотребления Псковской области достаточно высока доля населения – 32% (для сравнения в Новгородской области – 8%). Во многом это объясняется отсутствием в регионе крупных промышленных потребителей электроэнергии. Еще одной специфической особенностью энергосистемы Псковской области является большая потеря электроэнергии в сетях. В конце 1990-х годов данный показатель составлял 24% (при норме в 9%). Подобная ситуация во многом обусловлена значительной протяженностью ЛЭП – 45 тыс. км (в соседней Новгородской области – 22,5 тыс.км.). В последние годы «Псковэнерго» за счет оптимизации режима работы электросетей, ремонта и замены устаревшего оборудования, внедрения энергосберегающих технологий снизило потери до 14,2% (2009 год). Тем не менее, тарифы на электроэнергию в области одни из самых высоких на Северо-Западе, т.к. в их структуре только 50% приходится на стоимость самой электроэнергии, а 40% составляют расходы на содержание сетей.

Развитие черной металлургии Псковской области ассоциируется с созданием в 1993 году ОАО «Псковвтормет». Сегодня данная компания является ведущим специализированным предприятием региона, осуществляющим на его территории сбор, переработку и реализацию металлолома. В 2001 году ОАО «Псковвтормет» признан крупнейшим экспортером стружки в Европе. В 2007 году компания заняла 4 место среди российских экспортеров лома, поставив за границу более 200 тыс.т. отходов металла. Как следствие, на протяжении последнего десятилетия черные металлы входят в число основных экспортных товаров Псковской области (в 2009 году на их долю приходилось 12% экспорта).

Агропромышленный комплекс традиционно является структурообразующей отраслью хозяйства Псковской области. На него приходится примерно пятая часть валового регионального продукта. При этом сельское хозяйство и пищевая промышленность является основой сферой деятельности значительной части населения. От состояния агропромышленного комплекса зависит не только благосостояние жителей области, но и их обеспеченность основными продуктами питания. Отмена потребительских дотаций на продовольствие и либерализация цен в начале 1990-х годов закономерно уменьшили платежеспособный спрос населения прежде всего на высококалорийные продукты питания животноводческой группы. Так, средне-

душевые показатели потребления мясных изделий сократились с 68 кг в 1990 г. до 48 кг в 2000 г. (при физиологической норме в 81кг). Потребление молочных продуктов за аналогичный период уменьшилось с 386 кг до 270 кг и составляло 45% от рекомендуемой нормы. Калорийность питания в Псковской области составляло 2654 ккал.. Правда, увеличилось потребление хлебных продуктов (с 119 кг до 132 кг) и картофеля (с 109 кг. до 154 кг). Значительная часть продовольственного потребления обеспечивалось за счет натурального поступления, т.е. продукцией от индивидуальных хозяйств (рис.5). В 2000 году удельный вес данных поставок в объемах потребляемого городскими жителями продовольствия составлял: по мясу и молоку – 10%, рыбе – 11%, фруктам – 53%, картофелю – 63%, овощам – 67%. Питание сельских домохозяйств в еще большей степени зависело от натуральных источников, в частности, по мясу – на 30%, рыбе – на 53%, молоку – на 70%, фруктам – на 72%, картофелю и овощам – на 90% .

Принцип рыночной экономики «спрос диктует предложение» в первую очередь нашел отражение в деятельности предприятий пищевой промышленности. Либерализация экономических отношений привела к потере существовавших в советское время каналов плановой реализации продукции. В ситуации резкого падения объемов внутрирегионального потребления переработчики молока и мяса были вынуждены переориентироваться на внешние рынки (преимущественно соседних субъектов Федерации). В результате в середине 90-х годов более половины цельномолочной продукции псковских молокозаводов отправлялось в Санкт-Петербург и Москву. Конкурировать с местными производителями, обладающими схожей технологией переработки и одинаковым спектром выпускаемого продовольствия, можно только посредством снижения отпускных цен на свою продукцию. Это предопределило стремление «пищевиков» к снижению закупочных цен на сырье. В условиях отсутствия государственной поддержки ценовой диктат переработчиков привел в большинстве случаев к убыточности производства молока и мяса. Сложившаяся ситуация усугублялась естественной монополией предприятий пищевой промышленности. Как известно, в советское время, в связи с концепцией плановой экономики о недопущении параллелизма, в каждом районе строился только один молочный завод (один мясокомбинат приходился на 3–4 района). Наряду с радиальной системой коммуникаций (дорожная сеть вокруг райцентра, в котором, как правило, и располагались перерабатывающие мощности) это создало объективные предпосылки возникновения локальной монополии данных предприятий.

Изменение механизма централизованного кредитования и структуры цен в АПК привело к резкому ухудшению финансового положения сельскохозяйственных организаций, что обусловило соответствующее снижение производственных показателей в растениеводстве и животноводстве. Так, за период 1990–2000 г.г. поголовье крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях уменьшилось в 3,7 раза, свиней – в 4,8 раза. Максимальное сокращение поголовья наблюдалось в 1992–1994 гг., когда численность крупного рогатого скота снижалось в среднем на 60 тыс. голов в год, а свиней – на 40 тыс. в год. Аналогичная ситуация наблюдалась и в растениеводстве. В течение последнего десятилетия 20 века посевные площади сельскохозяйственных организаций сократились в 2,3 раза. Наиболее резкому сокращению подверглись посевные площади под трудоемкими культурами: картофелем и овощами – в 10,8 раза, льномдолгунцом – в 3,5 раза.

На фоне системного кризиса крупного сельскохозяйственного производства значительно возросла роль личных приусадебных хозяйств (ЛПХ). Если в структуре валовой продукции сельского хозяйства доля сельскохозяйственных организаций сократилась с 73,3% в 1990 г. до 25,7% в 2000г, то доля ЛПХ за данный период, наоборот, увеличилась с 26,7% до 72,5%. На начальном этапе рыночной трансформации регионального АПК хозяйства населения оказались своеобразной «подушкой продовольственной безопасности». В 1990-е годы удельный вес ЛПХ в производстве мяса составлял 50%, молока – 60%, овощей и картофеля – 90%. Во многом благодаря ЛПХ, Псковская область была полностью обеспечена основными продовольственными ресурсами (за исключением мяса и зерна). По таким видам продовольствия как молоко, овощи и картофель уровень самообеспеченности (отношение объемов местного производства продоволь-

ствия соответствующего вида к потребности в нем в регионе [7]) в середине 1990 годов составлял 119–120%.

Росту продуктивности хозяйств населения (особенно в период 1990-1995 гг., когда объемы производства молока ЛПХ выросли на 22%, мяса – на 57%, картофеля – в 2,9 раза, овощей – в 7,2 раза) во многом способствовала аграрная реформа начала 1990-х годов, в ходе которой были отменены все ограничения на земельные отношения. Сельские жители получили возможность увеличить свои земельные наделы для подсобного хозяйства. В результате средний размер ЛПХ Псковской области в 2000 году составлял 1,22 га (для сравнения в 1990 – 0,25 га). При этом владельцы ЛПХ (большинство из которых продолжали оставаться сотрудниками реорганизованных колхозов или совхозов) не стремились к полной независимости от сельскохозяйственного предприятия посредством создания самодеятельного фермерского хозяйства, т.к. это влекло за собой отсоединение от источников многих ресурсов, социальных услуг, увеличивало неопределенность и риск в экономической деятельности. На селе возник своего рода “симбиоз” кооперативной организации труда и антрепренерского хозяйства. От первого варианта остались договорные отношения в сфере сбыта определенных видов продовольствия, например, молока и мяса. В данной ситуации бывшие заготовительные организации колхозов или совхозов выступали и продолжают оставаться в качестве посредников реализации соответствующей продукции перерабатывающим предприятиям. Сегодня в Псковской области подобным путем реализуется 91% молока и 62% скота и птицы (в живом весе). Кроме того, являясь акционерами вновь созданных в процессе реформ акционерных обществ, бывшие колхозники и работники совхозов получают соответствующие дивиденды. С другой стороны, внутрихозяйственные отношения, характерные для антрепренерского предприятия, сводятся к тому, что трудоспособные представители ЛПХ задействованы в качестве наемной рабочей силы (преимущественно в отраслях растениеводства) и получают заработную плату в зависимости от объема выполненной работы. Это особенно актуально в силу того, что из-за сезонности полевых работ постоянную занятость на селе имели, главным образом, работники животноводческих ферм и сельской администрации.

Сельское домохозяйство принимает решение об объемах производства, основываясь на субъективном сопоставлении тяжести крестьянского труда и необходимости обеспечивать доход для удовлетворения насущных потребностей семьи. Отношение сельского населения к ведению личного приусадебного хозяйства можно выразить в формуле: «Без хозяйства ничего не добудешь, а с ним – без отдыха» [2]. При слабом развитии рынка труда и земли в российском аграрном секторе, а также ограниченных возможностях получения доходов из несельскохозяйственных источников, экономически активные жители села были вынуждены обеспечивать приемлемый уровень жизни себе и членам своей семьи только за счет увеличения производительности личного хозяйства. Этот эффект увеличения сельской семьей интенсивности своего труда Чаянов А.В. назвал самоэксплуатацией. “Мера самоэксплуатации в сильнейшей мере зависит от степени обремененности работника потребительскими запросами своей семьи” [12, С.43]. В условиях низкой технической оснащенности (что характеризует современное состояние большинства сельских домохозяйств в России) рост производства возможен только за счет интенсификации собственного труда крестьянина. Численное сокращение сельских семей и увеличение их среднего возраста ведет к снижению объемов производства сельскохозяйственной продукции. Поэтому падение продуктивности хозяйств населения было вполне прогнозируемо.

Начиная с 1995 года, когда наблюдался максимум продуктивности ЛПХ, их производственные показатели постоянно уменьшались. За период 1995-2009 гг. объемы производства мяса и молока хозяйствами населения сократились почти в 3 раза, овощей – в 3,5 раза, картофеля – в 7 раз. В феврале 2007 года Михаил Кузнецов, на тот момент действующий губернатор, обвинил прежние региональные власти в намеренном искажении статистических данных о развитии АПК. «Существует сектор личных подсобных хозяйств, они не сдают отчетности, поэтому происходила оценка в общих чертах, исходя из неких статистических предпочтений»[3]. Были даны соответствующие указания статистическим органам, в соответствии с которыми произошла корректировка данных продук-

тивности ЛПХ. Этим во многом объясняется своеобразный «нырок» количественных показателей производства сельскохозяйственной продукции (особенно по картофелю и овощам) в промежутке с 2004 по 2006 гг.

В 2005 и 2009 годах проводились социологические исследования ЛПХ [4]. Если в 2005 году только 2% сельских домохозяйств не вели приусадебного хозяйства, то в 2009 – 25,8%. По итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Псковской области было зафиксировано 43,2 тыс. хозяйства (27% от всего количества сельских ЛПХ) с заброшенными земельными участками. Как в 2005, так и в 2009 годах только 3% сельских домохозяйств рассматривали ЛПХ как основной источник денежных доходов. Как правило, это люди активного трудоспособного возраста, в большинстве своем работники кооперативных хозяйств и сельской сферы услуг. Селяне, не ведущие личного приусадебного хозяйства – это пенсионеры старше 65 лет, постоянно работающие в городах трудоспособные жители, сельские маргиналы. Сегодня личные подсобные хозяйства не играют ведущей роли в обеспечении продуктами питания не только городского населения, но и села. Так, в 2008 году доля натуральных источников в потреблении сельских домохозяйств составила: по мясу – 15%, рыбе – 20%, молоку – 30%, фруктам – 40%.

В первое десятилетие 21 века конъюнктура рынка стала меняться в сторону увеличения спроса на продукты питания животноводческой группы. Этому способствовал рост доходов и, следовательно, платежеспособности населения. Среднедушевые показатели потребления мяса и молочных продуктов стали постепенно расти. В 2008 году среднестатистический житель Псковской области потреблял мяса – 70 кг в год, молока – 275 кг. Растущий внутренний спрос не вызвал ожидаемого (согласно известному рыночному постулату) увеличения производства соответствующей животноводческой продукции. Большинство сельскохозяйственных предприятий, из-за отсутствия необходимой финансовой и материально-технической базы, и хозяйства населения (в силу обозначенных выше причин объективного и субъективного характера) не смогли должным образом прореагировать на сложившуюся конъюнктуру.

Стагнация, а по некоторым позициям сокращение объемов производства животноводческой продукции, привела к возрастанию трансакционных издержек перерабатывающих предприятий, ориентированных на внутренних поставщиков сырья. В результате «пищевики» столкнулись со следующей дилеммой: либо переориентироваться на импорт сырья, либо развивать собственную сырьевую зону. После технической реконструкции производства в 2001 году Великолукский мясокомбинат построил свою деятельность на переработке замороженных туш, поступающих из-за рубежа через Санкт-Петербургский морской порт или из Белоруссии. Продукцию (преимущественно вареные колбасы) данное предприятие через свою торговую сеть во многих регионах не только Северо-Запада, но и Европейской части страны. Аналогичную политику осуществляет другой лидер отрасли – Великолукский молочный комбинат. Примерно половина его продукции торговой марки «Молоколамск» выпускается на основе импортных компонентов (сухого молока и сухих сливок).

В основу конкурентной стратегии псковских молокозаводов и мясоперерабатывающих предприятий положена ценовая политика, т.е. продажа продукции по невысокой оптовой цене. Повышение стоимости животноводческого сырья на внешних рынках наряду с квотированием импорта (в частности, мяса) показали слабую сторону данного пути развития. Возникшие трудности в обеспечении сырьем в наибольшей степени испытали молокоперерабатывающие предприятия. В 2004 году внутрирегиональное потребление молока сравнялось с объемами его производства. При этом мощности псковских молокозаводов использовались только на 42%. В последующем дефицит сырья только увеличивался, достигнув в 2008 году 85 тыс.т. Ситуацию усугубляют конкуренты из соседних областей, перекупающие молоко у псковских сельхозпроизводителей.

Сложившаяся конъюнктура на молочном рынке вынудила «пищевиков» активно развивать собственную сырьевую базу. Великолукский молочный комбинат, производительностью 120–130 тыс.т. молокопродуктов в год, в 2007 году объединил 18 сельскохозяйственных предприятий на юге Псковской области, создав тем самым крупнейший в регионе агрохолдинг. При этом ВМК, на долю которого приходится более половины объема регионального производства молочных

продуктов, контролирует до 60% молочного рынка области. Для сравнения, на долю ЗАО «Пушкиногорский маслосырзавод», ОАО «Маслосырзавод Порховский», ОАО «Псковский городской молочный завод» – основных конкурентов ВМК на внутреннем рынке – приходится всего 30% рынка сырья [1]. Не выдержав конкуренции, некогда один из крупнейших в регионе перерабатывающих предприятий, Псковский молочный комбинат прекратил закупать молоко и перепрофилировался на выпуск майонеза.

В настоящее время Великолукский молочный комбинат в рамках национального проекта «Развитие АПК России» реализует собственный инвестиционный проект стоимостью 3 млрд. руб. (2,5 млрд руб. – кредит у Сбербанка РФ, 0,5 млрд. – собственные средства), включающий в себя строительство 4 мегаферм на 1200 голов крупного рогатого скота каждая. Обслуживать такого рода молочнотоварную ферму будут 40 человек, тем не менее на ее базе будет возводиться современный с точки зрения инфраструктурного обеспечения поселок (по примеру агрогородков в Белоруссии). Подобный вектор развития молочной промышленности, когда в качестве интегратора выступает крупный завод, в целом не соответствует мировым тенденциям развития данной отрасли. В странах Европы и США стадию молокопереработки, как правило, контролируют фермерские кооперативы, члены которых получают таким образом дополнительную прибыль от реализации готовой продукции. По мнению руководства Великолукского комбината, на фоне слаборазвитых в материально-техническом и финансовом отношении сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств области именно эффективный переработчик должен стать локомотивом отрасли [8]. В среднесрочной перспективе поголовье агрохолдинга будет составлять 40000 голов (что сопоставимо с нынешним поголовьем коров в области – 57,8 тыс.), главным образом, за счет строительства по крайней мере 20 мегаферм.

Данный подход поддерживает и региональное руководство, так как в качестве приоритетного направления модернизации агропромышленного комплекса Псковской области рассматривается развитие именно молочного животноводства и молокопереработки [8]. В соответствии с Концепцией развития регионального АПК объемы производства молока к 2012 году должны вырасти на 14% по сравнению с 2008 г. и достичь уровня в 270 тыс.т. Особое внимание уделяется структуре переработки молока, в которой акцент делается на изготовление сыров. Подобная позиция во многом обусловлена стратегическим выбором ведущих молокоперерабатывающих предприятий. Начиная с 1997 года объемы производства сыров в Псковской области постоянно росли, достигнув в 2008 году своего максимума в 15,4 тыс.т. В структуре переработки молока за период 1990–2008 гг. доля сыров выросла с 25% до 47%, в то время как удельный вес масла животного, наоборот, уменьшился с 42% до 15%. В планах Великолукского молочного комбината, в последние годы активно развивающего «сырное» направление в своей деятельности, довести объемы выпуска сыров с нынешних 8 тыс.т. до 18–24 тыс.т. в 2012 году. Для этих целей на предприятии было установлено высокотехнологичное оборудование испанской компании «Fibosa».

Другим приоритетным направлением развития АПК является создание мясного кластера на базе специализированного мясного скотоводства и свиноводства. Подобное решение обусловлено сильной зависимостью ведущих предприятий (Великолукского и Псковского мясокомбинатов) – от импорта сырья, что снижает их конкурентоспособность на внутреннем рынке. Исключение составляет МУП «Совхоз Шелонский» – предприятие с полным производственным циклом: от получения и выращивания поросят до полной их переработки. В структуру предприятия входит крупнейший в регионе свиноводческий комплекс, насчитывающий в 2008 году более 24 тыс. свиней (или треть всего поголовья свиней в области).

За годы рыночных преобразований изменилась структура производства мясопродуктов. В 1990 году в Псковской области производилось 58,9 тыс.т. мяса и 16,8 тыс.т. колбасных изделий, в 2000 году – 8,3 тыс.т. и 21,1 тыс.т. соответственно, в 2008 году – 18,9 тыс.т. мяса и 77,8 тыс.т. колбас. Объем выпуска колбасных изделий в период 1990-2008 увеличился более чем в 4 раза, в то же время производство мяса сократилось в 3 раза. Подобная ситуация в мясоперерабатывающей промышленности области в целом соответствует общероссийским тенденциям. Причинами данного процесса являются, с одной стороны, дифференциация

ассортимента производимой продукции в соответствии с потребительскими сегментами рынка. С одной стороны, колбасные изделия, после отмены обязательной сертификации товара, предоставляют технологам широкие возможности варьировать с рецептурой продукта, в частности, менять пропорции разных видов мяса, использовать многочисленные добавки, соевую муку и т.д. С другой стороны, механизм экономии на размерах, лежащий в основе строительства крупных пищевых комбинатов, эффективно действует тогда, когда с определенной долей вероятности гарантированы приемлемые объемы продаж, в том числе за счет расширения географии сбыта. В данном контексте колбасы с точки зрения хранения и транспортабельности более предпочтительны.

Рыночные реформы проводились не столько для построения «развитого капитализма» в экономике, сколько для обеспечения россиянам уровня жизни сопоставимого с западными аналогами, т.е. для построения в стране «постиндустриального общества». Основными критериями, характеризующими данную стадию общественного развития, принято считать долю и значение сферы услуг в экономике страны и долю занятых в непроизводственной сфере. Сравнивая данные показатели Псковской области с соответствующими показателями не только западноевропейских стран, но и Москвы, можно сделать вывод, регион находится в самом начале пути к светлому «постиндустриальному» будущему.

Псковская область – регион с преобладанием так называемых «потребительских услуг», т.е. видов деятельности по удовлетворению главным образом текущих потребностей населения: розничной торговли, образования, культуры и т.д. В структуре данного сектора экономики на долю «производственных услуг» – видов деятельности, ориентированных в значительной степени на обслуживание различных бизнес-структур (банковские услуги, аудит, инжиниринг и т.д.) – приходится менее 10%. Как следствие, рост сферы услуг прямо пропорционален росту доходов населения. В период с 1998 по 2008 среднедушевые доходы населения увеличились более чем в 17 раз. За аналогичный период оборот розничной торговли вырос в 19 раз, а платных услуг – в 18 раз.

В структуре платных услуг преобладают виды деятельности, которые носят обязательный характер: коммунальные, транспортные, услуги связи. В общем объеме оказанных услуг в 2008 году на них приходилось 65% (для сравнения в 1990 – 47%). В то же время доля услуг, связанных с активным проведением досуга (услуги учреждений культуры, физической культуры и спорта, туристско-экскурсионные) незначительна и составляет 5% (в 1990 году – 10%). Во многом высокий удельный вес «обязательных услуг» в структуре платных услуг обусловлен постоянным повышением тарифов на жизненно важные ресурсы: воду, тепло, электроэнергию, которые в большинстве своем предоставляют населению естественные монополисты разного территориального уровня. Подобная ситуация наблюдается и в общественном пассажирском транспорте, стоимость проезда в котором регулируется соответствующим муниципальным образованием. За период 1990-2008 гг. увеличилась доля медицинских услуг – с 0,9% до 6%. Из-за недостаточного бюджетного финансирования здравоохранения некоторые ранее бесплатные медицинские услуги население вынуждено оплачивать самостоятельно. Это легло дополнительным прессом на малоимущих и низкооплачиваемых жителей области, которые в большинстве случаев просто не в состоянии оплатить свое лечение. В «Концепции стратегии социально-экономического развития Псковской области» развитию здравоохранения уделяется особое внимание. В частности, планируется создание регионального отделения сосудистой хирургии, создание перинатального и офтальмологического центров. В условиях стремительно стареющего населения данные намерения особенно актуальны.

Важную роль в структуре платных услуг играют бытовые услуги. На их долю в 2008 году приходилось 13% (в 1990 – 23%). В период с 1990 по 1996 гг. в Псковской области из-за низкой рентабельности прекратили свое существование 76% предприятий бытового обслуживания, причем в основном в сельской местности. Сегодня в большинстве районов области по-прежнему отсутствуют ателье, цеха по ремонту обуви, мастерских по ремонту бытовой техники и т.д. В результате на г. Псков и Великие Луки приходится более 85% объема оказанных в регионе бытовых услуг, что подтверждает своеобразный принцип: чем выше уровень жизни населения, тем в большей степени востребованы различного рода бытовые

услуги. В настоящее время оказание услуг бытового характера – прерогатива частного бизнеса, в основном субъектов малого предпринимательства. Его доля в данной сфере деятельности выросла по сравнению с 2000 годом на 13% и составила в 2008 году 91%. Государство сохранило свое участие только в отдельных сегментах бытовых услуг, в частности, в услугах бань и душевых, прачечных, химической чистки.

В период 1990–2008 гг. произошли существенные изменения в структуре бытовых услуг. В 1990 году (время тотального дефицита) ведущим видом деятельности был ремонт и индивидуальный пошив обуви и одежды (27% от объема услуг). Сейчас на его долю приходится всего 12%. Сейчас население обращается в ателье или обувные мастерские в основном для мелкого ремонта, объясняя свой выбор тем, что на вещевом рынке или в торговых сетях достаточно широкий ассортимент готовой одежды, где можно оперативно и по приемлемым ценам купить нужную одежду или обувь. В 2008 году в качестве отраслевого лидера выступают услуги по ремонту и техническому обслуживанию транспортных средств, обеспечивая 35% оборота сферы бытовых услуг (для сравнения в 1990 г. – 3%). Во многом это обусловлено стремительной автомобилизацией населения. Так, в г. Пскове количество легковых автомобилей на 1000 жителей увеличилось с 180 в 2000 г. до 306 в 2009 году. Второе место в структуре бытовых услуг занимают услуги парикмахерских, на долю которых приходится 17% объема услуг (в 1990 – 6%).

В настоящее время экономика Псковской области находится в своего рода латентном состоянии. Попытки региональных властей на протяжении последних 15 лет придать ей новый импульс развития видимых результатов не принесли. Широко разрекламированные инвестиционные проекты последних лет (ввод в эксплуатацию завода по изготовлению систем и оборудования безопасности компании PERCo с численностью работающих 290 человек или строительство завода по производству сигаретных фильтров) свидетельствует о «масштабности» экономики региона. На фоне низкой бюджетной обеспеченности (его уровень в 2010 году составил 45,9%) политика «с миру по нитке – нищему рубаха» может в лучшем случае решать только текущие проблемы. С 2011 года с федерального на региональный уровень переходят многие полномочия (в частности, компенсация родительской платы в садах, выплаты многодетным семьям и т.д.), что усилит нагрузку на дефицитный бюджет области. В сложившейся ситуации успешная реализация намеченных программ экономического развития становится необходимым условием существования Псковской области как самостоятельного субъекта Федерации.

Библиографический список

1. Анализ состояния конкуренции на рынке реализации молока-сырья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: pskov.fas. ru/gov./ru/page.

2. Алексеев А.И. Многоликая деревня.– М., 1990.– 265 с.

3. Великие Луки – областные новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:www.vluki.info/news/region.

4. Гаврилов А. Сельскохозяйственное производство на личных приусадебных хозяйствах в Псковской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regdevelopment.ru/content/view.

5. Концепция развития агропромышленного комплекса Псковской области на период 2010–1012 гг. – Псков, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа:www.csu-nw.ru.

6. Концепция стратегии социально-экономического развития Псковской области. – Псков, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.csu-nw.ru.

7. Костусенко И.И. Самообеспеченность регионов Российской Федерации молочными и мясными продуктами.//Аграрный вестник Урала. №3 – Екатеринбург, 2009.

8. Псковская область. Информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: old.pskov.ru/soc-ec/agriculture.

9. Псковский статистический ежегодник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: //pskovstat.gks. ru/public/DocLib2/ежегодник 2010.htm.

10. Серова Е.В. Аграрная экономика:учебник.– М.: ГУ ВШЭ, 1999.– 480 с.

11. Статистика по Псковской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: //www.protown.ru/Russia/obl/stat/stat_264html.

12. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства.– М.: Кооперативное издательство, 1925.

Коломенская А.С., Хаустова О.И., Шурбе В.З.
(г. Новосибирск)

ЭКОЛОГИЯ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[1]

Kolomenskaya A.S., Khaustova O.I., Shurbe V.Z.

ECOLOGY AND POPULATION HEALTH: THE REGIONAL DIMENSION

Аннотация. *Цель статьи – показать влияние экологических факторов на состояние здоровья населения Новосибирской области. Для оценки влияния факторов использована модель множественной регрессии, информационной базой исследования послужили статистические данные и результаты репрезентативного опроса населения г. Новосибирска. Для сравнения отдельных показателей приводятся данные по соседним регионам, Сибирскому Федеральному округу и России.*

Annotation. *Article purpose – to show influence of ecological factors on a state of health of the population of the Novosibirsk region. For an estimation of influence of factors the model of plural regress is used, as information base of research has served the statistical data and results of representative poll of the population of Novosibirsk. For comparison of separate indicators the data on the next regions, the Siberian Federal district and Russia is cited.*

Ключевые слова: *экологические проблемы, экологические факторы, субъективная оценка экологии и здоровья, модель множественной регрессии.*

Key words: *Environmental problems, ecological factors, ecology and health value judgment, model of plural regress.*

Современное экологическое состояние России характеризуется постоянным ухудшением основных показателей: около 25% территории страны, на которой сосредоточена основная часть населения и производства, находится в неудовлетворительном экологическом состоянии; более 75% населения крупных российских городов проживает в условиях высокого и очень высокого загрязнения атмосферы; не отвечает санитарно-гигиеническим нормативам качество воды большинства водных объектов [2].

Экологическое состояние регионов России имеет свои особенности. Так, экологические проблемы Новосибирской области обусловлены прежде всего тем, что на сравнительно небольшой территории (177,8 тыс. км^2) сконцентрировано значительное число предприятий обрабатывающего металлургического производства, производства готовых металлических изделий, электрооборудования, электронного и оптического оборудования (6771 действующих организаций по состоянию на 2008 год), предприятий производства и распределения электроэнергии газа и воды, а также предприятий по добыче топливно-энергетических полезных ископаемых (1405 и 84 действующих организаций на тот же период соответственно) [5].

С промышленным производством и функционированием других отраслей экономики напрямую связаны стационарные источники загрязнения атмосферного воздуха. В 2008 г. суммарная масса выбросов в атмосферу Новосибирской области загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, составила 232 тыс. тонн, что на 12% больше, чем в предыдущем году [6]. Из них твердых веществ 58,5 тыс. тонн, газообразных и жидких 167,2 тыс. тонн, причем 40% последних приходится на выбросы оксида углерода, который способствует созданию парникового эффекта, а при повышенном содержании представляет собой смертельно опасный яд [3]. От общего количества отходящих загрязняющих веществ в области уловлено и обезврежено 81,9% [6].

В соседних Томской и Омской областях величина выбросов в атмосферу несколько выше, чем в Новосибирской области. В Алтайском крае этот показатель составляет, напротив, только 212 тыс. тонн. Наименее благополучная ситуация складывается в Кемеровской области (1503 тыс. тонн), которая

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант РГНФ № 09-03-00597а) «Социокультурный портрет региона (Новосибирская область)». Информационной базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ и результаты репрезентативного опроса населения г. Новосибирска, проведенного кафедрой социологии НГТУ в 2009–2010 гг. (№ = 500 чел.).

занимает 2 место в Сибирском федеральном округе по количеству выбросов после Красноярского края (2458 тыс. тонн) [3].

Другим непосредственным источником загрязнения атмосферного воздуха является автомобильный транспорт. В 2008 году в Новосибирской области выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта составили 358 тыс. тонн, что превышает величину выбросов, отходящих от стационарных источников в полтора раза [3].

Количество единиц собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения в Новосибирской области в 2008 году составило 231,1 шт. По данному показателю область занимает 17 место в РФ и 1 место в СФО. Стоит отметить высокие темпы роста этого показателя в области. Для сравнения, в среднем по России за период с 2000 по 2008 гг. количество легковых автомобилей на 1000 человек населения увеличилось на 63,6%, тогда как в Новосибирской области – на 139% [6].

В 2008 году использование свежей воды составило 777 млн.м^3. По сравнению с 2007 годом данный показатель увеличился на 8%. Однако в целом объемы потребления свежей воды за последние 15 лет, за исключением 2000 года, как в Новосибирской области, так и в отдельных соседних регионах, сократились [6].

В 2008 году в Новосибирской области увеличился по сравнению с предыдущим годом сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты на 4 млн. м^3 (с 101 млн. м^3 до 105 млн. м^3). По России в целом данный показатель за указанный период снизился с 17176 млн. м^3 до 17119 млн. м^3. Анализ динамики сброса загрязненных сточных вод в 2000-2008 гг. показывает, что величина сброса в целом по РФ постепенно снижается, в то время как в Новосибирской области наблюдается тенденция к увеличению данного показателя [6].

Актуальной проблемой, как для страны, так и для области является качество питьевой воды. По результатам лабораторного контроля органов Госсанэпиднадзора в 2008 году не соответствовало гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям 31,2% проб из водоемов, используемых в качестве источников питьевого и хозяйственно-бытового водопользования населения (водоемы I категории) и 18,7% проб по микробиологическим показателям. В Новосибирской области зафиксировано соответственно 12,5% и 0,7% таких проб. Выше среднеобластного показателя удельный вес проб воды, не отвечающих санитарным нормам по микробиологическим показателям, в рекреационных зонах города Новосибирска (21,8%) и районах области (до 100%).

В 2008 году в Новосибирской области на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов было инвестировано в основной капитал 997,1 млн. рублей, что в два с лишним раза больше объема предыдущего года. Основная доля средств (около 55%) была направлена на охрану и рациональное использование водных ресурсов, на охрану и рациональное использование земель – 23%, на охрану атмосферного воздуха – 17%. В других областях СФО (Красноярский край, Кемеровская и Иркутская область) на второе место выходят затраты на охрану воздушного бассейна [3].

Текущие затраты на охрану окружающей среды в области по сравнению с 2007 годом выросли всего на 18% и составили 1637 млн. рублей, но структура данных затрат аналогична структуре инвестиций [3].

Несмотря на то, что восприятие экологического состояния населением не определяется статистическими данными, субъективная оценка уровня загрязнения окружающей среды, полученная в результате анкетного опроса, в целом соотносится с этими данными.

Так, лишь немногим более четверти опрошенных (27%) считают, что воздух в областном центре (г. Новосибирске) достаточно чистый; 45,6% населения отмечают, что в некоторых районах воздух загрязнен более, чем в других; 24% респондентов считают воздух сильно загрязненным, остальные затруднились ответить.

Распределение ответов респондентов на вопрос в зависимости от возраста показывает, что молодые люди более оптимистично оценивают сложившуюся ситуацию, чем люди среднего и старшего возраста. Так, почти 70% молодых людей в возрасте до 20 лет считают воздух достаточно чистым, в то время как менее 30% представителей каждой из четырех возрастных групп с десяти летним интервалом, считают воздух чистым. Сильно загрязненным считают более 30% в старших возрастных группах (от 51 до 70 лет и старше), более 20% – в возрастных груп-

пах 21–30 и 31–40 лет. В некоторых районах особую загрязненность воздухом отмечают от 41 до 55% представителей в каждой из пяти возрастных групп от 21 до 70 лет. Эти данные свидетельствуют не только о неудовлетворенности населения качеством воздуха, но и о латентных факторах социально-экологического напряжения.

Структура ответов на вопрос о качестве воды следующая: полностью удовлетворены качеством воды 40,0% жителей Новосибирска; 42,4% опрошенных считают, что вода загрязнена; сильную загрязненность воды отмечают 14,2% опрошенных и 3,4% – затруднились ответить.

Результаты опроса показали, что число опрошенных, считающих воду чистой, значительно превышает число тех, кто имеет такое же мнение о качестве воздуха. Отсюда следует, что население в большей степени озабочено проблемами загрязнения атмосферы.

Таким образом, субъективные оценки экологической ситуации в Новосибирске отражают объективную картину. Как было отмечено выше, на охрану водных ресурсов направляются из бюджета значительные средства и это дает свои результаты (например, относительно благополучное состояние водных объектов в области). В то же время постоянно увеличивающийся объем выбросов в атмосферу от стационарных источников и, главным образом, от автотранспорта, а также недостаточное финансирование данного направления охраны окружающей среды постепенно усугубляет положение.

Один из вопросов анкеты ориентирован на оценку степени защищенности населения от различных угроз, в том числе экологической. Одна пятая респондентов (20,6%) выбрали вариант ответа «пожалуй, не защищен», 28,6% новосибирцев затруднились дать оценку, а 19,8% считают, что «совсем не защищены от различных угроз». На оптимистичные варианты о полной и достаточной защищенности приходится около 29%.

Вместе с тем, лишь пятая часть опрошенных (21,2%) осознает необходимость оздоровления природы и улучшения экологической ситуации в области, тогда как основная часть респондентов отмечает, что в первую очередь необходимо навести порядок и бороться с криминалом (более 45%), создание новых рабочих мест (почти 32%), развивать малый бизнес и улучшать качество медицинского обслуживания (38% и 38,6% соответственно). Интересен и тот факт, что люди с высшим образованием проблему экологии не ставят в разряд первоочередных (6,2%), а отмечают в основном задачи экономического и правового характера (развитие малого и среднего бизнеса, борьба с коррупцией и криминалом – по 14%, создание рабочих мест – 11%). Необходимость улучшения медицинского обслуживания называют только 11% новосибирцев.

Перечисленные факторы окружающей среды воздействуют на состояние здоровья людей и накладывают отпечаток на структуру и масштабы заболеваемости населения, а также демографические процессы.

В России, и в частности в Новосибирской области, за последние несколько лет произошли существенные изменения в состоянии здоровья населения. Ежегодно в РФ регистрируется более 100 млн. случаев заболевания населения острыми и хроническими болезнями с впервые установленным диагнозом. В Новосибирской области данный показатель в 2007 году составил почти 2 млн. человек.

В 1995 г. общая заболеваемость населения в России составляла 696,0, а в 2000 г. достигла 730,5 случаев на 1000 человек взрослого населения. В 2008 г. по сравнению с 2000 г. общая заболеваемость увеличилась на 5,7%. В Новосибирской области этот показатель составляет 724,7 случаев на 1000 человек населения, что немного ниже, чем в среднем по России, а также по сравнению с некоторыми соседними областями (в Кемеровской и Омской областях зафиксировано 793,8 и 836,9 случая заболеваемости соответственно, в Алтайском крае – 1028,1) [6].

В Новосибирской области уровень заболеваемости по многим классам болезней ниже, чем в среднем по России. Так, в области в полтора раза реже фиксируются случаи врожденных пороков развития, заболевания нервной системы, органов пищеварения, костно-мышечной системы и соединительной ткани. Относительно благополучная ситуация складывается также по показателям заболеваемости системы кровообращения (23,3 зафиксированных случая в области при 32,6 случаев в среднем по СФО); крови и кроветворных органов (4,5 случаев на 1000 человек населения, что на 15% меньше, чем в среднем по России); мочеполовой системы

(40,9 случаев, что является минимальным в сравнении с соседними областями) [6].

В тоже время вызывают тревогу зафиксированные в области показатели заболеваемости новообразованиями, болезнями кожи и подкожной клетчатки, а также инфекционными и паразитарными заболеваниями, которые несколько выше соответствующих усредненных показателей по России и СФО. Существенное превышение наблюдается в случаях осложнений беременности, родов и послеродового периода (85,7 случаев в области, при 71,3 случаев в среднем по России и 80,4 случаев – по СФО) [6].

Актуальной проблемой наряду с общей заболеваемостью остается рост профессиональной заболеваемости. По данным на 2008 год в Новосибирской области удельный вес численности работников организаций по добыче полезных ископаемых, работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, равен 52,3% от общей численности работников данных организаций. Аналогичные показатели для организаций обрабатывающего производства и строительства составляют 18,8% и 11,9% соответственно [8].

Общая численность инвалидов в Новосибирской области составила в 2008 году 196 тыс. человек [7]. В сравнении с общероссийскими данными и данными по округу величина показателя вполне благоприятна, однако ежегодный рост числа инвалидов составляет в среднем от 2% до 7%.

По численности врачей и среднего медицинского персонала на 10000 человек населения область занимает 12 и 59 место в РФ соответственно, а по количеству больничных коек на 10000 человек населения – 21 место [6].

Анализируя основные экономические показатели здравоохранения, отметим существенное увеличение объема инвестиций в основной капитал, направленных на развитие здравоохранения. В 2008 году эта величина составила 4069,1 млрд. руб., что в два с лишним раза превышает аналогичный показатель за предыдущий год. Тем не менее, величина инвестиций в здравоохранение составляет всего 4,5% от инвестиций в основной капитал по всем видам экономической деятельности в Новосибирской области [6].

В то же время объем платных медицинских услуг населению в 2008 году составил 4183 млрд. рублей (максимальная величина по СФО) [1]. Индекс потребительских цен на медицинские услуги в 2008 году составил 107% к декабрю предыдущего года. При рассмотрении индексов по отдельным видам медицинских услуг наибольшая величина показателя наблюдается для общего анализа крови, первичного приема у врача-специалиста и первичного осмотра у стоматолога (114,1%, 109,9% и 109,8% соответственно) [4].

Проанализировав структуру потребительских расходов домашних хозяйств за 2007–2008 гг., было выявлено, что на здравоохранение тратится 2,8% бюджета домашнего хозяйства [7].

Анализ самооценки здоровья населения показал, что преобладающими ответами являются оценки здоровья как хорошего (вариант «нормальное здоровье, пока не жалуюсь» – 40,2%) и удовлетворительного (вариант «временами болею» – 38,8% опрошенных), что соответствует статистическим данным, так как уровень заболеваемости в области несколько ниже среднероссийского. Почти 12% респондентов считают, что болеют часто. Доля хронических больных составила 6%, признали себя инвалидами 1,4% опрошенных респондентов.

Распределение оценок здоровья в зависимости от возраста показывает традиционную картину снижения уровня здоровья с возрастом, причем «скачок» в ухудшении состояния здоровья приходится на предпенсионный и пенсионный возраст (свыше трети опрошенных старше 60 лет считают, что болеют часто, около 20% являются хронически больными). Гендерные различия в оценке здоровья проявляются в более высокой оценке своего здоровья мужчинами («здоровье нормальное» отметили 45% мужчин, «временами болею» – 32,6%) по сравнению с женщинами («нормальное здоровье» – у 36,5% женщин, временами болеют – более 43%).

При анализе показателей сопряженности самооценки здоровья и места работы, наибольший процент опрошенных, неудовлетворенных своим здоровьем (56,4%), – среди работников промышленности и транспортной сферы, что также соответствует объективным показателям экологического состояния области. На оценку здоровья влияет также идентификация респондентов с той или иной социальной группой по уровню дохода. Новосибирцы, которые относят себя в своём регионе к верхнему и выше среднего

слоям, оценивают состояние своего здоровья как нормальное. У респондентов, отметивших, что они принадлежат к среднему и ниже среднего слоям, самооценка здоровья снижается.

На вопрос о последнем месте получения медицинской помощи и ее стоимости 36% респондентов ответили, что получили помощь бесплатно в медпункте или поликлинике по месту жительства. Обращаться к частному врачу предпочитают люди в возрасте от 30 до 50 лет (предположительно, в этом возрасте достигается устойчивое материальное положение, наряду с высокой занятостью на работе и дома в связи с воспитанием детей).

В качестве основных проблем в здравоохранении респонденты называют большие очереди (45,2% опрошенных), отсутствие эффекта от лечения (19,6%), дорогие и трудно находимые лекарства (18,6% опрошенных, из которых большая часть – пенсионеры).

Значительная часть респондентов (39%) считают, что для улучшения жизни населения в области необходимо улучшить медицинское обслуживание.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что по многим показателям состояние здоровья населения страны и Новосибирской области постепенно ухудшается, при заметном росте показателей экологического неблагополучия окружающей среды (экологических факторов негативного воздействия).

Количественная оценка степени влияния отдельных экологических факторов на заболеваемость населения была проведена посредством эконометрического моделирования.

Для выявления экологических факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на состояние здоровья населения, использована модель множественной регрессии, для оценки линейных параметров регрессии использован метод наименьших квадратов.

В ходе пошагового регрессионного анализа проведен отсев объясняющих переменных с помощью t-критерия Стьюдента.

Для анализа общего качества оцененной линейной регрессии использован коэффициент детерминации (R^2), который характеризует долю вариации зависимой переменной, объясненной с помощью данного уравнения.

Чтобы ранжировать силу влияния факторов, воздействующих на результативный признак, использованы средние по совокупности показатели эластичности.

В качестве исходных данных для построения эконометрических моделей была использована информация о показателях состояния окружающей среды и демографических показателях за 2007 г. год по 78-ми регионам семи федеральных округов РФ: Центрального, Северо-Западного, Южного, Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного.

В качестве факторных показателей выступили:

– показатели урбанизации: x_1 – численность городского населения, тыс. чел. (рассчитано как произведение численности населения (оценка на конец года; тыс. чел.) на удельный вес городского населения в общей численности населения (оценка на конец года; в %)); x_2 – площадь зеленых массивов и насаждений в городах, тыс. га.; x_3 – число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, ед.;

– показатели уровня загрязнения воздушного бассейна: x_4 – выбросы в атмосферу диоксида серы от стационарных источников, тыс. тонн; x_5 – выбросы в атмосферу оксида азота от стационарных источников, тыс. тонн; x_6 – выбросы в атмосферу оксида углерода от стационарных источников, тыс. тонн; x_7 – выбросы в атмосферу углеводорода и ЛОС от стационарных источников, тыс. тонн;

– показатели состояния водных объектов: x_8 – сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн. м^3; x_9 – удельный вес исследованных проб воды водоемов I категории (используемых в качестве источников питьевого и хозяйственно-бытового водопользования населения), не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям; x_{10} – удельный вес исследованных проб воды водоемов II категории (мест рекреации (отдыха) населения), не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям;

– показатели промышленности: x_{11} – доля работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, в процентах от общей численности работников организаций, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в

обрабатывающих производствах, по производству электроэнергии, в строительстве, на транспорте и в связи; x_{12} – число действующих организаций обрабатывающего производства, ед.; x_{13} – число действующих организаций по добыче полезных ископаемых, ед.; x_{14} – число действующих организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, единиц;

– показатели услуг связи: x_{15} – число зарегистрированных абонентских терминалов сотовой подвижной связи, тыс. шт.; x_{16} – число базовых станций сети подвижной связи, единиц;

– показатели экологических правонарушений: x_{17} – число зарегистрированных экологических преступлений, единиц.

Для проведения регрессионного анализа влияния экологических факторов на состояние здоровья населения по разным возрастным группам в качестве результативных показателей выступили: y_1 – заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни), чел.; y_2 – заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 детей), чел.; y_3 – заболеваемость подростков в возрасте 15-17 лет (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 подростков), чел.; y_4 – число умерших детей в возрасте до 1 года (младенческая смертность), чел.; y_5 – число умерших детей в возрасте до 5 лет, чел.

По статистике за период с 2000 по 2007 гг. в РФ наблюдался рост показателей заболеваемости детей в возрасте от 0 до 14 лет и заболеваемости подростков в возрасте 15-17 лет, причем последний показатель растет наиболее быстрыми темпами. Смертность детей в возрасте до 1 года и от 0 до 5 лет как по России в целом, так и в Новосибирской области снижается, что во многом объясняется развитием системы здравоохранения.

В результате построения эконометрических моделей были получены уравнения регрессии, в которых все коэффициенты статистически значимы.

На общий уровень заболеваемости населения (y_1) наибольшее воздействие оказывает фактор x_{11} – доля работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда. Коэффициент эластичности для фактора равен 0,14, то есть с увеличением доли рабочих, осуществляющих свою деятельность в подобных условиях, на 1% число зафиксированных случаев заболеваемости увеличится в среднем на 0,14%. Меньше влияет на результативный показатель санитарное состояние водоемов I категории (x_9) и число базовых станций сети подвижной связи (x_{16}); коэффициенты эластичности равны 0,08 и 0,04 соответственно.

Для результативных показателей y_2 и y_3 получены уравнения регрессии, схожие по включенным факторам: для фактора x_3 – число легковых автомобилей на 1000 человек населения – коэффициент эластичности в обоих уравнениях равен 0,3; фактор x_9 – санитарное состояние водоемов I категории – также входит в оба уравнения с коэффициентом эластичности 0,12. Кроме того, на заболеваемость детей оказывает влияние работа взрослого населения во вредных и опасных условиях труда (x_{11}), коэффициент эластичности равен 0,14.

На младенческую (y_4) и детскую (y_5) смертность также оказывают влияние одинаковые экологические факторы, это, прежде всего, численность городского населения (x_1) (коэффициенты эластичности соответственно 0,47 и 0,43). Следующие по силе влияния – факторы x_{10} (санитарное состояние водоемов II категории) и x_{17} (число зарегистрированных экологических преступлений). Интересен тот факт, что в регрессионное уравнение воздействия экологических факторов на смертность детей в возрасте 0-5 лет входит фактор x_2 с положительным коэффициентом, то есть, чем больше площадь зеленых массивов и насаждений в городах, тем выше показатель смертности детей указанного возраста.

Процент объясненной дисперсии в моделях влияния экологических факторов на общую заболеваемость населения, заболеваемость детей и подростков составляет в среднем 55%, а на младенческую смертности и смертность детей в возрасте до 5 лет – свыше 70%. На основании этого можно утверждать, что именно дети младшего возраста наиболее восприимчивы к изменениям, происходящим в окружающей среде.

Для проведения регрессионного анализа влияния экологических факторов на состояние здоровья населения в качестве результативных выступили показатели числа заре-

гистрированных заболеваний по следующим классам болезней: y_6 – инфекционные и паразитарные; y_7 – новообразованиями; y_8 – системы кровообращения; y_9 – органов дыхания; y_{10} – органов пищеварения; y_{11} – кожи и подкожной клетчатки; y_{12} – костно-мышечной системы и соединительной ткани; y_{13} – мочеполовой системы; y_{14} – врожденные аномалии (пороки развития) и хромосомные нарушения. Все показатели учитывают заболевания, зарегистрированные впервые в жизни в расчете на 1000 человек населения.

В качестве экзогенных переменных взяты те же 17 показателей, характеризующих состояние окружающей среды.

В результате были получены статистически значимые регрессионные модели. Коэффициент детерминации в моделях результативных показателей y_6, y_7 и y_{11} равен 0,26. В каждом уравнении присутствует фактор x_3 (число легковых автомобилей на 1000 человек населения) и по силе влияния оказывается на первом месте (коэффициент эластичности равен в среднем 0,25). Также в уравнения включены факторы, описывающие показатели промышленности (доля работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда (x_{11}), число действующих организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – x_{14}), и показатели состояния водных объектов (санитарное состояние водоемов I категории – x_9).

На заболеваемость органов дыхания (y_9) влияют те же факторы, что и на общий уровень заболеваемости (y_1). Действительно, случаи заболевания органов дыхания фиксируются значительно чаще заболеваний по прочим классам болезней, а значит, имеют большую долю в суммарном числе заболеваний.

На число зарегистрированных случаев заболеваемости органов пищеварения (y_{10}) и костно-мышечной и соединительной ткани (y_{12}) воздействует качество питьевой воды (x_9) с коэффициентами эластичности 0,09 и 0,13 соответственно.

Уравнения регрессии для результативных показателей y_8, y_{13} и y_{14} объясняют небольшую долю общей дисперсии (0,08–0,11) и содержат разные факторы, описывающие показатели промышленности: x_{12} – число действующих предприятий обрабатывающего производства; x_{14} – число действующих организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды и x_{11} – доля работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда.

Таким образом, в моделях влияния экологических факторов на состояние здоровья населения по основным классам болезней экзогенные переменные объясняют небольшой процент вариации зависимой переменной и уравнение регрессии при этом статистически значимо.

Также была проведена статистическая группировка регионов РФ по уровню заболеваемости населения: в первую группу с низким уровнем заболеваемости населения (387,8 – 582,9 случаев на 1000 человек) вошли регионы Южного и Центрального федерального округа (6 и 2 соответственно); во второй группе (583,0 – 778,0) представлены регионы из всех федеральных округов с преимуществом областей Центрального федерального округа и в эту же группу входит Новосибирская область; третья группа (778,1 – 973,0) самая большая и состоит в основном из регионов Приволжского федерального округа; в четвертую группу, характеризующуюся достаточно высоким уровнем заболеваемости (973,1 – 1168,1) входят четыре региона из четырех различных федеральных округов (Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Сибирского); пятая группа с наихудшими показателями заболеваемости населения (1168,2 – 1363,2) - Московская и Ленинградская области (включая г. Москву и г. Санкт-Петербург) и Чукотский автономный округ.

По результатам эконометрического моделирования сделаны следующие выводы:

• в целом в моделях влияния экологических факторов на состояние здоровья населения для разных возрастных групп, и по основным классам болезней в окончательные уравнения регрессии попадают одни и те же группы показателей: все показатели состояния водных объектов, промышленности, экологических правонарушений и некоторые показатели урбанизации и услуг связи. Статистически значимая связь между показателями уровня загрязнения воздушного бассейна и результативными показателями не подтвердилась. Возможно, влияние этих факторов учитывается косвенно через другие показатели (количество легковых автомобилей, число действующих организаций промышленности и другие);

• процент объясненной дисперсии в моделях влияния экологических факторов на состояние здоровья населения для разных возрастных групп составляет в среднем 60%, по основным классам болезней – 20%, что говорит о достаточно высокой зависимости здоровья человека от окружающей среды;

• во многих уравнениях регрессии присутствует показатель доли работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда. Это говорит о том, что работа взрослого населения на предприятиях промышленности с вредными и опасными условиями труда оказывает значительное воздействие не только на здоровье самих работников, но и на здоровье их детей;

• качество питьевой воды также остается одним из главных показателей, влияющих на здоровье населения, а значит необходимо принять все меры для установки на предприятиях, выбрасывающих сточные воды, очистных сооружений и приведения в порядок коммунальных водопроводов.

Библиографический список

1. Здравоохранение в России. 2009: Стат.сб./Росстат. – М., 2009. – 365 с.
2. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2008 году: Государственный доклад.– М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2009.
3. Основные показатели охраны окружающей среды. 2009: Стат. бюллетень / Росстат. – М., 2009.
4. Платное обслуживание населения в России. 2009: Стат. сб./ Росстат. – М., 2009.
5. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат.сб. / Росстат – М., 2009.
8. Труд и занятость в России. 2009: Стат.сб./Росстат – М., 2009.
9. Елисеева И.И., Курышева С.В., Костеева Т.В. и др. Эконометрика: Учебник / Под ред. И.И. Елисеевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2005.
10. Протасов В.Ф. Экология, здоровье и охрана окружающей среды в России: Учебное и справочное пособие. – 2-е изд. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 672 с.: ил.
11. Бердус М.Г. Экологические факторы и здоровье человека [Электронный ресурс]. – Калуга: Калужский филиал МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2002. – 40 с. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/ecology/00050547_0.html

Куница М.Н.
(г. Брянск)

ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ДЕМО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Kunitsa M.N. (Bryansk)

TYPOLOGY OF THE RURAL SETTLEMENTS OF CENTRAL RUSSIA: DEMO-ECOLOGICAL ASPECT

Аннотация. *Проведена типология сельских населенных пунктов Центральной России по совокупности демо-экологических показателей. Представлен комплексный анализ выделенных типов. Раскрываются региональные особенности современной типологической демо-экологической структуры сельского расселения.*

Abstract. *The typology of the rural settlements of Central Russia on the basis of demo-ecological indices is carried out. The article presents the complex analysis of the defined types. The regional features of modern typological demo-ecological structure of the rural settlement pattern are discovered.*

Ключевые слова: *сельский населенный пункт, демо-экологическая структура, типология, демо-экологические типы сел, типологическая демо-экологическая структура сельского расселения.*

Key words: *rural settlement, demo-ecological structure, typology, demo-ecological types of the rural settlements, typological demo-ecological structure of the rural settlement pattern.*

Поселение является результатом взаимодействия подсистем различного генезиса – селитебной геосистемой – СГС (2). Ядром ее формирования выступает производственно-техническая подсистема – «профессия» СГС. Активной формирующей подсистемой служит население – этнодемосоциальный блок – главная производительная сила и совокупность потребителей. Она обеспечивает выполнение всех функций поселения, управляет, воздействует на параметры других подсистем – производственно-технической, инфраструктурной, организационно-административной, природной. Естественную основу СГС, ее территориальный, природно-ресурсный и геодинамический «фундамент» создает блок природы – геокомпонентов и ландшафтных геокомплексов. Он – базовая основа всех видов жизнедеятельности населения. Он вмещает и концентрирует разные виды «окружающих сред» – природную, квазиприродную, артеприродную, социальную (9). В нем природные, природно-антропогенные, антропогенные комплексы взаимодействуют, «переплетаются» в единый ландшафтно-экологический базис. Подсистемы СГС взаимосвязаны жизнью и деятельностью людей, потоками информации, веществ, энергии, материальных ценностей. Функционирование поселения осуществляется посредством одновременного проявления в процессах взаимодействия подсистем их сотворчества (комфортного, компромиссного) и антагонизма – борьбы (конфликта, кризиса). При согласованности взаимоотношений подсистем возникает устойчивое состояние СГС – демо-экологическое и демо-экономическое «равновесие». Нарушение сложившихся устойчивых связей вызывает изменение структуры населенного пункта. Интенсивность развития этой тенденции в поселениях определяет активность ее «диффузионного» распространения на систему расселения, тренд трансформации сети, влияет на демографическую, экономическую и экологическую ситуации в районе.

В Центральной России, регионе активного земледельческого освоения, преобладают сельские поселения с глубокими историческими корнями. Прослеживается генетическая преемственность их развития – социальная и ландшафтная.

Сельские населенные пункты являются результатом длительного взаимодействия социально-экономических и природных систем. Села как особый тип социоприродных отношений отличает: наибольшая экологическая «чистота», «открытость» социоприродного взаимодействия, теснота связи с ландшафтно-экологическими условиями, особая среда жизнедеятельности населения, выполнение функции «хранителя традиций» и опы-

та адаптации человека к природе.

Со второй половины XX века наблюдаются качественные изменения. Значительный динамизм развития демографической структуры и более инерционной системы расселения, нарастание негативных изменений – рост естественной убыли, сверхактивные миграционные процессы, усиление мелкоселенности и даже депопуляция ряда регионов, перестройка сложившихся расселенческо-демографических и эколого-демографических отношений – современная действительность.

Изменяются, но в разной степени, все функции деревни. А.И. Алексеев выделяет в качестве основных социальную, экономическую, экологическую, воспроизводства и передвижений населения, Т.И. Заславская – производственную, социальную, социально-пространственную, экологическую, рекреационную. Особо значимой в настоящее время становится демографическая функция. Это отмечают Ж.А. Зайончковская, Е.Е. Горяченко, С.Г. Крапчан, И.Б. Мучник, Г.М. Федоров и другие. Людность – один из важных индикаторов уровня социально-эконо-мического развития пункта, степени устойчивости его функционирования. Негативные процессы в воспроизводстве населения воздействуют на изменение социально-демографических функций поселения. Усиливается «острота» демоэкологического развития сел, на что указывает широкий круг авторов, в частности, А.И. Алексеев, Ю.Д. Дмитревский, Н.Г. Джанаева, Н.В. Зверева, Р.В. Татевосов.

Состояние поселений, степень динамизма их территориальной системы – один из интегральных показателей социально-экологического «здоровья» региона. Возрастает актуальность проведения типологии сельских населенных пунктов по характеру их демо-экологической структуры. В качестве основных территориальных единиц исследования выбраны административные субъекты (17 областей ЦФО) с наличием сопоставимой статистической информации. В ряде модельных регионов, в частности Брянской области, анализ проводился и на локальном уровне. При выявлении типов учитывалась система признаков за период с 1986 года.

Анализировались следующие блоки данных:

– численность населения;

– естественное движение: общие коэффициенты рождаемости и смертности, показатель естественного прироста (убыли), условный коэффициент депопуляции (отношение количества умерших и родившихся);

– структурные показатели: доля лиц старше трудоспособного возраста, уровень демографической старости (соотношение удельного веса возрастных групп старше и моложе трудоспособной);

– миграционное движение: сальдо миграции;

– категории степени антропогенизации природных комплексов ареала поселения: доминирование природных, квазиприродных (природно-антропогенных) или артеприродных (антропогенных).

Основные принципы типологии:

– отражение демо-экологической специфики системой выбранных признаков и показателей;

– наличие пороговых (количественных и качественных) различий между типами;

– относительное внутреннее единство каждого типа;

– сходство трендов демо-экологических процессов.

Разработанная типология отражает характер адаптационных демо-экологических отношений, влияющих на функциональную устойчивость населенных пунктов.

Проведенные исследования позволили выделить в Центральной России 11 демо-экологических типов сел.

Первый тип – «пустующие деревни» (пункты без постоянного населения). Особенно характерен для периферии Центра страны. Основные причины депопуляции: кризис в аграрном секторе; очень высокая естественная убыль населения, миграционный отток; плановое отселение и стихийный выезд жителей из радиоактивно загрязненных зон; сселение людей в более крупные поселения. В этих пунктах уже не живут люди и происходят активные процессы разрушения социально-экономической структуры. Наблюдается интенсивное восстановление саморегуляции ландшафтов – переход от сложногенетической среды к моногенетической – природной. Ведущая траектория развития территории села – возобновление комфортных условий для функционирования природных комплексов. Проблема увеличения данного типа поселений обостряется. Ареалы демографической де-

градации, определяемые высокой концентрацией данного типа поселений, наиболее велики на севере и северо-западе ЦФО – в зоне выборочного земледельческого освоения средне- и южно-таежных и хвойно-широколиственных ландшафтов с господством мелко- и мелко-среднеселенного расселения (Костромская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Ивановская области).

Второй тип – села, «переходные к пустующим». Количество жителей в них не превышает 10 человек. Высокие коэффициенты естественной и миграционной убыли способствуют резкому старению населения, определяют интенсивное снижение – до исчерпания их демографических ресурсов. Оставшиеся в разрушающихся поселениях старые люди остались социально незащищенными, брошенными. Происходит резкое упрощение структуры сел. Природно-антропогенные и антропогенные комплексы – «точечны». Активизируется восстановление природных ландшафтов. Возникает своеобразное состояние демо-экологического «компромисса».

Данный наименее устойчивый тип определяет потенциал «сжатия» сети расселения. Негативна тенденция нарастания его доли в ЦФО – до 28 % (10). Однако этот тип концентрирует крайне малое количество жителей – 1,5 %: 2,0 % в Центре, 0,1 % в Центральном Черноземье. Максимален его удельный вес (40-50 %) не только в районах выборочного освоения с мелко- и мелко-среднеселенным расселением (Костромской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Ивановской областях), но и в сельской глубинке – на периферии других регионов, особенно зоны отселения чернобыльской территории страны.

Третий тип – «вымирающие деревни». Численность населения составляет 11–50 человек. Тип представлен однофункциональными аграрными и несельскохозяйственными пунктами, полностью зависимыми в своем обслуживании от больших сел. Экономической основой их существования становятся личные подсобные хозяйства людей. Очень низкий демографический потенциал продолжает снижаться вследствие высокой естественной и миграционной убыли, деформированной регрессивной половозрастной структуры (абсолютное доминирование женщин пенсионных возрастов). Эти села не привлекали вынужденных переселенцев из-за сокращения социально-экономических функций вплоть до их утраты, недостаточной транспортной доступности. Происходит упрощение структуры поселений. На фоне преобладающих природно-антропогенных комплексов антропогенные – точечны, природные – очаговы. Наблюдается «балансирование» процессов демо-экологического взаимодействия в «зоне перехода» от компромисса к точечному конфликту.

Данный тип – источник пополнения деревень, «переходных к пустующим». Он доминирует в абсолютном большинстве субъектов ЦФО. Особо выражена его роль в регионах с мелко- и мелко-среднеселенным типам расселения, на периферии и в полупериферии других районов. Эти очень малые пункты являются наиболее неустойчивым элементом системы расселения.

Четвертый тип – «поселки пенсионеров». В них проживает от 51 до 100 человек. Среди сел преобладают однофункциональные аграрные поселения. Основное производство осуществляется в личных подсобных хозяйствах людей. Обслуживание населения полностью зависит от более крупных сел. В ряде из них сохранились магазины, фельдшерско-акушерские пункты. Главной функцией становится селитебная. Значительна естественная убыль, в ряде сел достигающая 20–25 ‰. Регрессивна половозрастная структура: очень высока (более 40 %) доля лиц старшей группы при абсолютном доминировании женщин. Этот тип сел – «поселки пенсионеров» – обеспечивают воспроизводство (жизнедеятельность) людей пожилого возраста (1). Деформируется структура поселения. Доминируют природно-антропогенные, очаговы антропогенные, восстановленные природные комплексы. Характерна точечная конфликтность демо-экологического взаимодействия. Этот тип наиболее значим в регионах с мелко-среднеселенным и среднеселенным расселением (север, северо- и юго-запад ЦФО) и в районах периферии сельской местности. Ведущая тенденция – измельчение поселений.

Пятый тип – «слабо устойчивые села с убывающим населением». Людность сел – 101–200 человек. Поселения в основном представлены однофункциональными аграр-

ными. Небольшая часть является внутрихозяйственными центрами. Слаборазвитая социальная инфраструктура не обеспечивает самостоятельного функционирования сел. Население стареет. Уменьшается число жителей, так как доминируют два негативных демографических процесса – естественная и миграционная убыль. Ряд поселений утратил организационные функции, что постепенно приводит к «сворачиванию» производственных и социально-культурных. Возрождение малых сел возможно при создании социально-экономических условий для адаптации мигрантов. При преобладании природно-антропогенных комплексов выделяются очаги антропогенных и природных. Начинает проявляться тенденция восстановления природных ландшафтов. Конфликтность демо-экологических отношений незначительна.

Главный тренд развития этого типа населенных пунктов – сокращение их числа и измельчение. Они пополняют третий и четвертый типы. Повышен их удельный вес в регионах со среднеселеным расселением. Негативная тенденция депопуляции усиливается. Происходит потеря позиций сел третьего, четвертого и пятого типов. Уменьшается их количество, удельный вес в сети и численности населения ЦФО. Однако на их долю приходится 48 % поселений округа, где сконцентрировано 20 % его сельских жителей. Наиболее значимы эти типы пунктов для районов с доминированием мелко-среднеселенного и среднеселенного расселения, периферии и полупериферии других регионов.

Шестой тип – «относительно устойчивые села». Численность населения обычно составляет от 201 до 500 человек. Доминируют местные организационные центры (внутрихозяйственные, реже – межхозяйственные) с минимальным набором обслуживающих учреждений. Демографическая ситуация определяется естественной убылью. Однако снижение численности населения в части поселений несколько сдерживает слабый приток. Типично «рассредоточенное» расселение мигрантов, учитывающих комплекс факторов (транспортную доступность сел, стоимость жилья, условия трудоустройства, уровень радиоактивного загрязнения территории и др.). К жизнеспособным поселениям С.А. Ковалев относил организационные внутрихозяйственные центры, села с выгодным ЭГП, пригородные (4). В данных населенных пунктах доминируют природно-антропогенные комплексы. Антропогенные и природные распространены очагово. На фоне возросшей антропогенной нагрузки несколько повышена конфликтность демо-экологических отношений.

В большинстве регионов этот тип является базовым для развития системы расселения. В ЦФО в целом наблюдается относительная стабилизация их удельного веса в сети и в количестве сельских жителей. В 8% таких пунктов концентрируется 21 % населения округа. Особо значим данный тип для регионов со средне-крупноселенным расселением (Белгородская, Воронежская, Тамбовская области Черноземья).

Седьмой тип – «центры устойчивости» каркаса сельского расселения.

Их образуют большие (501 – 1000 чел.) и крупные села (1001 – 2000 чел.). Они выполняют функции местных организационных (межхозяйственных – кустовых и внутрихозяйственных), агропромышленных центров. Преобладают пункты с полным «набором» обслуживающих учреждений. В связи с развитием новых форм производства их значение в системе расселения возрастает. Эти поселения, обладая значительным социально-экономическим потенциалом, служат ядрами формирования местных типов расселения. Для населения характерна естественная убыль. В большинстве пунктов численность жителей уменьшается. Однако в последние годы повысился удельный вес сел со стабилизацией и даже ростом людности за счет миграционного притока. Особенно выражен данный процесс в поселениях с «компактным» расселением беженцев и вынужденных переселенцев, пригородных, с выгодным ЭГП. Очень слабое развитие или отсутствие таких сел – важная проблема социально-экономического функционирования регионов. При доминировании природно-антропогенных комплексов усиливается значение антропогенных, нарастает степень демо-экологической конфликтности.

Положение этого типа в сети расселения достаточно устойчиво. Менее 6 % таких пунктов концентрируют 36 % населения ЦФО. Тренды в регионах различны. Наиболее выражена роль данных сел в регионах с господством средне-крупноселенного и крупноселенного расселения, полупригородах и пригородах.

Тип восьмой – «центры управления сельской местностью». Численность населения этих крупнейших сел – более 2000 человек. Выполняя функции местных организационных центров административных районов и межхозяйственных систем расселения, агропромышленных центров, они обладают условиями для обеспечения городского уровня обслуживания. Преобладают пригородные пункты. В большинстве сел положительное миграционное сальдо компенсировало естественную убыль и численность населения увеличилась. Приток несколько улучшил половозрастную структуру поселений. Наращивание экономического потенциала, усиление системообразующей роли – предпосылки возможного перерастания некоторых сел в поселки городского типа. Усиливается роль антропогенных комплексов при преобладании природно-антропогенных, что повышает нагрузку и степень конфликтности демо-экологических отношений. Количество поселений данного типа невелико. Их доля слабо выросла: в сети расселения – до 0,2 %, сельском населении – до 22 %. Особо значимы они в регионах Черноземья, Московской области. Значительная часть пунктов сосредоточена в пригородных районах.

Тип девятый – «заложники Чернобыля». Это – села, функционирующие в подзоне зоны отселения, где плотность радиоактивного загрязнения превышает 30 Ки/км^2. Здесь за 70 лет доза облучения человека может достигнуть 35 бэр. Данный тип представлен в одном субъекте ЦФО – на юго-западе Брянской области. Согласно принятым в 1990 году Государственной программе и в 1992 году Закону «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» предусматривалось планомерное отселение людей из юго-западных районов с плотностью загрязнения свыше 15 Ки/км^2, установление компенсаций и льгот. Из-за недостаточного финансирования программа была выполнена только частично. Переселены люди из 4 десятков сел. Не полностью отселено население еще около 30 поселений. Эти пункты и оставшихся в них жителей можно назвать «заложники Чернобыля» (6). Абсолютно преобладают очень малые аграрные села. Люди вынуждены производить продукцию на личных подсобных участках. Немногочисленные несельскохозяйственные и аграрно-промышленные поселения утратили основную производственную функцию вследствие закрытия предприятий торфяной, деревообрабатывающей, промышленности строительных материалов. Не работает большая часть объектов социальной инфраструктуры. Растет количество брошенных домов. Главный тип динамики численности населения – ее уменьшение в результате высокой естественной и миграционной убыли. Людность даже средних сел упала в 1,5-2 раза. Однако наблюдается и обратный процесс – рост числа жителей ряда поселений. Главная причина – приезд возвратных мигрантов, не адаптировавшихся в других районах и привлеченных наличием компенсационных выплат. Данная ситуация углубляет комплекс социально-экономических проблем. Характерна особая среда поселения: радиоактивно загрязненная природно-антропоген-ная, антропогенная, восстанавливающаяся природная. Демо-экологические отношения – кризисны, степень дискомфорта – экстремальна.

Тип десятый – «возрождающиеся деревни». Их количество пока невелико. Генезис сел различен: поселения с выгодным ЭГП; с развитием крупных аграрно-промышленных комплексов, фермерских хозяйств в пригородных, полупригородных, реже – полупериферийных районах сельской местности; с компактным проживанием активно адаптировавшихся переселенцев; с развитием рекреационных и культурных функций. Демографический потенциал и качество жизнедеятельности повышаются. Наблюдается тенденция усложнения структуры, увеличение очагов антропогенных, природно-антропоген-ных, сокращение – природных комплексов. Демо-экологические отношения – компромиссны.

Данный позитивный процесс наиболее характерен для среднеселенных регионов.

Тип одиннадцатый – «коттеджные поселки». Это – новый элемент расселения. Демографическая структура довольно благоприятна, значительна доля трудоспособного населения, понижен показатель демографической старости. Поселения отличает высо-

кое качество жизнедеятельности населения, формирование культурных антропогенных комплексов при доминировании природно-антропогенных и сохранении очагов природных. Демо-экологические отношения сознательно организуются для достижения их комфортности.

Абсолютный лидер формирования данного типа поселений – Московская область. Процесс их развития в пригородах других регионов менее интенсивен. В Подмосковье они разнообразны – поселки элитного, бизнес- и эконом-класса, среди которых преобладают небольшие населенные пункты, концентрирующиеся на западе ближних и средних пригородов (7). Они постепенно приобретают функции второго постоянного места проживания.

Значительны региональные особенности типологической демо-экологической структуры сельского расселения, в котором «переплетаются» зональные и азональные черты, обусловленные природными, социально-экономическими, демографическими и другими факторами. Можно выделить 4 основные контрастных региона (таблица).

Первый – районы доминирования южнотаежных и хвойно-широколиственных ландшафтов. Их отличает относительно высокий природно-экологический потенциал, выборочное сельскохозяйственное освоение, наиболее неблагоприятные социально-демографические условия развития сельской местности (Костромская, Тверская, Ярославская, Ивановская, Смоленская, часть Калужской области) (3, 8). Обширны территории социально-экономической депрессии. Доля пустующих сел достигает максимума в ЦФО. Особенно активен процесс отмирания пунктов на периферии. Мелко- и мелко-среднеселенное расселение характеризует абсолютное преобладание (90-95 %) «гаммы» наименее устойчивых сел (первого – пятого типов) с наибольшим удельным весом (40-50 %) поселений, «переходным к пустующим». Основу опорного каркаса расселения образуют немногочисленные «относительно устойчивые села». Доля «центров устойчивости» и «управления сельской местностью» очень мала. Тенденция возрождения деревень выражена слабо. Данная типологическая «формула» четко проявляется в Тверской области. Ее характеризует ярко выраженная тенденция разрушения сети поселений (доля пунктов без населения достигла в 2009 году 18,2 %, с людностью до 10 человек – 39,5 %, 11-50 человек – 27,6 %), низкий удельный вес сел численностью 51-100 человек – 5,8 %, а остальных более устойчивых типов – 8,9 % (5).

Второй – районы с доминированием широколиственных и хвойно-широколиственных ландшафтов (Брянская, Орловская, Тульская, Владимирская, Рязанская, часть Калужской области). Их отличает наиболее высокий природно-экологический потенциал, поляризованное сельскохозяйственное освоение, относительно неблагоприятные социально-демографические условия развития сельской местности, особенно на периферии (3, 8). Пунктов без населения меньше, чем в первом регионе. Преобладает среднеселенное расселение. Его характеризует: доминирование (75-85 %) первого – пятого типов с наименее устойчивыми поселениями, средняя доля (20-30 %) сел, переходных к пустующим. Основа опорного каркаса расселения – относительно устойчивые села и центры устойчивости (13-22 %). Удельный вес центров управления сельской местностью невелик. «Возрождающиеся деревни» в основном представлены на территории полупригородов и полупериферии. Особо проблемный тип – «Заложники Чернобыля». Начинают развиваться коттеджные поселки. Специфична типологическая структура расселения Брянской области. Активизируется процесс разрушения сети и депопуляция (доля в 2009 году пунктов без населения – 8 %, переходных к пустующим – 19 %), нарастает мелкоселенность и снижается устойчивость значительного количества сел (удельный вес вымирающих деревень – 33 %, поселков пенсионеров – 10 %, слабо устойчивых сел с убывающим населением – 8 %), усиливается роль относительно устойчивых поселений (доля – 14,5 %), стабилизируется – наиболее жизнеспособных населенных пунктов (удельный вес – 7,5 %) (11). Острота демо-экологических проблем функционирования поселений наиболее выражена на сильно радиоактивно загрязненном юго-западе области, особенно в селах типа «заложники Чернобыля» (6). Тенденция возрождения деревень и формирования коттеджных поселков пока не активна.

Третий – районы с преобладанием лесостепных и северо-степных ландшафтов

(Центральное Черноземье – Курская, Белгородская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская области). Их отличает наиболее высокий природно-экологический потенциал с комфортными условиями жизнедеятельности, интенсивное сельское хозяйство, относительно плотное средне-крупносе-ленное и крупноселенное расселение (3, 8). Количество пустующих деревень незначительно (на периферии). Для типологической структуры характерно преобладание наименее устойчивых поселений (52-72 %), небольшой удельный вес сел, «переходных к пустующим». Основу опорного каркаса сельского расселения составляют относительно устойчивые пункты, центры устойчивости, центры управления сельской местностью. Доля последних значительна – до 5 %. Тенденция возрождения деревень проявляется на периферии и полупериферии. Процесс формирования коттеджных поселков пока не интенсивен.

Четвертый – Московская область с особо выраженными азональными чертами. Территория с доминированием хвойно-широколиственных ландшафтов отличается наиболее высоким природно-экологическим потенциалом, благоприятными социально-экономическими условиями развития сельской местности пригородного типа с полифункциональной экономикой (3, 8). Ареалы депопуляции с пунктами без постоянного населения малы. Специфику средне- и круп-носеленного расселения образует: соответствующие природно-хозяйственной зоне доминирование наименее устойчивых (82 %) пунктов и средний удельный вес «переходных к пустующим» поселений (26 %); формирование опорного каркаса относительно устойчивыми селами и центрами устойчивости; повышенная роль центров управления сельской местностью (3 %), концентрирующих максимальную для ЦФО долю сельского населения – 42 %; активизация процесса возрождения деревень; интенсификация роли нового элемента сети – коттеджных поселков.

Типологическая демо-экологическая структура сел, ее дифференцированность, зонально-азональные особенности – индикатор степени устойчивости и комфортности не только ядер-поселений, но и систем расселения. Комплексный типологический анализ – важное звено разработки и реализации демографической политики, территориального планирования и управления на разных уровнях – локальном, региональном, межрегиональном.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория).– М.: Мысль, 1990.– 266 с.
2. Воропай Л.И., Куница М.Н. Селитебные геосистемы физико-географических районов Подолии.– Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1982.– 92 с.
3. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию.– СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.– 192 с.
4. Ковалев С.А. О прогнозировании изменений в сельском расселении Нечерноземья // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья.– М., 1991.– С. 4–6.
5. Кузнецова С.Н., Яковлева С.И. Соотношение структуры и транспортно-географических условий сельского расселения Тверской области // Региональные исследования.– 2010. № 1.– С. 55–64.
6. Куница М.Н. Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России.– Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009.– 312 с.
7. Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования.– 2008. № 2.– С. 13–20.
8. Нефедова Т.Г. Перспективы регионального развития сельского хозяйства и сельской местности // Социально-экономическая география: традиции и современность /под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова.– М. – Смоленск: Ойкумена, 2009.– С. 180-198.
9. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь – справочник.– М.: Мысль, 1990.– 637 с.
10. Численность и размещение населения: Итоги Всероссийской переписи населения. 2002.– М.: ИИЦ Статистика России, 2004. Т. 1.– 574 с.
11. Численность постоянного населения муниципальных образований городских и сельских поселений Брянской области на 1 января 2010 года (Стат. бюллетень).– Брянск, 2010.– 115 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Львова Е.К.
(г. Москва)

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ И ЕГО РЕГИОНОВ

Lyvova E.K. (Moscow)

THE ROLE OF INVESTMENTS IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINA AND ITS REGIONS

Аннотация. *В статье исследуется влияние масштабов и структуры инвестиций в основные фонды (далее ИОФ) на экономическое развитие территории КНР в 1978-2008 гг. Работа основана на выводах неоклассических теорий о связи инвестиций и роста ВВП. В работе рассматривается макроэкономическая ситуация, создавшаяся в КНР под влиянием избыточного инвестирования, изучаются территориальные особенности эффективности инвестирования и взаимосвязь структуры инвестиций с существующими на территории Китая диспропорциями в уровне жизни населения. Выделены этапы эволюции инвестиционного процесса за 30 лет реформ в КНР.*

Abstract. *The article is devoted to the studies of the role that the volume and structure of investments played in the economic development of China in 1978-2008. The article is based upon the neoclassical theory which reveals the relations between the investments and the increase of the Gross Domestic product.*

Ключевые слова: *структура инвестиций в основные фонды, экономическое развитие, региональные диспропорции развития, бедность, Китай;*

Key words: *Structure of investments in fixed assets, economic development, regional disparities of development, poverty, China.*

Вопрос взаимосвязи диспропорций экономического развития КНР, ее регионов и инвестиционной стратегии исследуется экономико-географами достаточно давно. В 1970-х гг. изучением эффективности уравнительной региональной политики инвестирования Китая, периода 1950–60-х. гг., занимались Ларди Н.[6] и Донисорн А [4]. В центре их внимания было соотношение роли центра и местных администраций в инвестиционном потоке, и влияние этого соотношения на территориальные диспропорции в КНР.

С начала 1980-х гг. в связи с тенденциями децентрализации в инвестиционном механизме КНР тематика получила дальнейшее развитие в работах Нотона Б.[8], Солинджера Д. Дж.[9] и других.

Связь экономического развития КНР и общих объемов инвестиций постоянно изучается в работах коллективов ученых Всемирного Банка [12] и ПроООН [11]. В основном эти работы используют метод сравнения региональной структуры общих ИОФ, ВВП и занятости.

В настоящее время тема территориальных диспропорций развития разрабатывается многими авторами, например Канбур Р. и Джан С. [13] Среди российских авторов тема эффективности региональной инвестиционной политики КНР затрагивается в работах Кондрашевой Л. И [2], Новоселовой Л.В. [1]. Как правило, работы сосредотачиваются на связи общих ИОФ или какого-то отдельного вида инвестиций (ПИИ, общественных и государственных инвестициях) с экономическим развитием страны, а также на связи отдельного сектора хозяйства с инвестициями (сельская местность, дороги и т.д.). Основные выводы работ свидетельствуют об общей положительной связи инвестиций и экономического развития. Поэтому исследование взаимовлияния всех элементов инвестиционной структуры и экономического развития КНР поможет более де-

Рис. 1

Источник: Рассчитано на основе [10], [15].

тально изучить неравенство, выявить причины в существующих региональных диспропорциях и дать оценку эффективности региональной инвестиционной стратегии государства.

Инвестиции и ВВП КНР. В последние тридцать лет экономика КНР росла темпами около 9,8%. в год [15]. Такая высокая динамика обеспечивалась главным образом за счет опережающего развития инвестиционного процесса по сравнению с непроизводственными затратами. Если за период в 30 лет 4 процентных пункта от среднего ежегодного прироста ВВП в 9,8% были обеспечены ИОФ (41%), то в последнем десятилетии это уже 4,8 процентных пункта (60%) от среднего ежегодного прироста ВВП в 8% [15].

ВВП в КНР формируется благодаря инвестициям в основные фонды в значительно большей мере, чем в ряде других успешно развивающихся стран даже в периоды наиболее высоких темпов экономического роста [1]. Эта особенность функционирования экономки КНР объясняется не только следованием определенной долгосрочной экономической стратегии, но и особенностями менталитета китайского населения. В соотношении потребления – накопления отразились определенные культурно-социальные установки, заложенные в сознании китайского народа и ограничивающие текущее потребление: прежде всего – это бережливость. Накопления составляют около 52% в ВВП страны (2008 г.) [16], что ограничивает потенциальную емкость внутреннего потребления населения. Эти финансовые ресурсы реализовываются в инвестициях фирм.

Наличие большого количества населения, проживающего за чертой бедности или около нее, также свидетельствует о слабости текущего потребления и объясняет стремление государства увеличить объемы инвестиций, направленных на развитие страны.

Темпы роста ИОФ и ВВП находятся в прямой зависимости. Воздействие инвестиций на ВВП проявляется в экономике КНР с временным лагом в 1 год (рис. 1).

Общие ИОФ КНР в 1980-2008 гг. выросли более чем в 150 раз, средний ежегодный темп прироста в течение этих лет составлял 22% . Таким образом, разница темпов прироста примерно в 2 раза привела к увеличению доли общих ИОФ в ВВП Китая. Усиленная опора на инвестиции для поддержания экономического роста сопровождалась регрессией капиталоотдачи, поэтому в научной и политической среде широко обсуждался вопрос об оптимальности капиталоемкой парадигмы развития КНР.

Эффективность инвестирования на макроуровне можно оценить через ICOR (предельный коэффициент капиталоотдачи) и коэффициент эластичности (Рис 2). Линейные тренды показателей свидетельствуют об общем снижении эффективности вложения ИОФ за последние 30 лет (повышение ICOR и уменьшение эластичности)

Хотя инвестиционный спрос «разгоняет» инфляцию потребительских цен, приводя к

Рис. 2

Источник: Рассчитано на основе [15].

ухудшению качества жизни в краткосрочном периоде, и эффективность инвестирования все более снижается, но правительство КНР не может отказаться от избранной политики стимулирования ИОФ [1], так как уменьшение количества инвестиций сопровождается снижением роста ВВП. Для сохранения набранных темпов роста нужны все более возрастающие размеры инвестиций, а их формирование все более снижает долю потребления в ВВП. Таким образом, экономика попадает в замкнутый круг интенсивного инвестирования, и работает на будущее внутреннее потребление, а также в некоторой степени на внешние рынки сбыта, которые заменяют недостаточный уровень внутреннего потребления. Чистый экспорт дает в отдельные годы (2005–2007 гг.) до 2,6% роста ВВП. (Это составляет примерно 50% от вклада внутреннего потребления в средний ежегодный темп роста ВВП в эти годы). В этот же период (2005–2007 гг.) объем экспорта товаров и услуг превышал внутреннее потребление домохозяйств КНР в денежном выражении на 10% в среднем. Недостаточно высокий рост внутреннего потребления по сравнению с экспортом и инвестированием создает чувствительность воспроизводственного процесса в КНР к влиянию международной конъюнктуры, а также осложнения для монетарной политики страны в связи с огромным наплывом иностранной валюты на внутренний денежный рынок.

Для изменения ситуации КНР требуется или нарастить внутреннее потребление, или перевести значительный объем экспортного спроса во внутренний. Механизмом внедрения этих изменений в структуру китайской экономики является дальнейшее стимулирование эволюции территориальной, управленческой и экономической структуры ИОФ.

Территориальная структура распределения инвестиций в рыночной экономике обычно прямо связана с экономическим развитием, так как возможности инвестирования определяются наличием свободных экономических средств. Но для провинций КНР в связи с наличием плановой экономики, на некоторых исторических этапах эта экономическая закономерность нарушалась (см. табл. 1)

До начала периода реформ (до 1978 г.) денежные ресурсы для ИОФ изымались у быстрорастущих Восточных провинций и направлялись в отсталые Западные и Центральные районы плановым образом, что было связано с региональной политикой принудительного сглаживания территориальных диспропорций экономического развития. [3].

Табл. 1

Доля 3-х районов КНР в инвестициях, ВВП и темп роста ВВП на душу, в %

Период гг.	ИОФ Вост.	ИОФ Цент.	ИОФ Зап.	ВВП Вост.	ВВП Цент.	ВВП Зап.	Рост ВВП на душу Вост.	Рост ВВП на душу Цент.	Рост ВВП на душу Зап..
1976–1980	45,8	32,7	21,6	57,8	27.8	14,4	6,8	5,6	8,4
1981–1985	50,7	31,3	18,3	57,7	27,9	14,4	9,6	9,5	9,3
1986–1990	56,2	26,5	17,2	58,9	26,6	14,5	6,4	5,1	6,2
1991–1995	58,7	25,4	15,9	62,1	24,4	13,5	14,2	10,3	9,0
1996–2000	56,5	25,3	18,3	64,2	23,8	12,0	9,6	9,2	7,8
2000–2005	52,8	26,9	20,3	65,6	23,0	11,4	10,6	11,3	10,%

Источник: [5]

Такими действиями власти пытались решить проблему, известную в теории экономического развития как гипотеза, отмеченная С. Кузнецом.

Если на макроэкономическом уровне инвестиции имеют положительное влияние на экономическое развитие, через ускорение экономического роста, то рассматривая тот же объем инвестиций, вложенных в одну из частей страны, на региональном уровне можно получить уже не столь однозначные результаты. Ускоряя развитие «избранных» территорий в странах со значительным уровнем бедности, вложения в капитал тем самым усиливают неравенство между территориями, а значит, и социальную напряженность в обществе.

Плановое распределение инвестиций показало себя экономически нецелесообразным, так как было слабо эффективно в отношении устранения существующего уровня бедности и забирало средства от более обеспеченных территорий, что снижало общие темпы роста ВВП КНР. Стратегия принудительного уравнивания была отменена.

Реформы, начавшиеся в 1978 г., были направлены на увеличение открытости – стимулирование (через поощрение ИОФ) быстрого роста прибрежных территорий и экспортоориентированных отраслей, которые должны были затем оказать положительный эффект на экономическое развитие страны в целом. [9]

В 1986-1990 гг. в региональной политике КНР стал использоваться метод деления на 3 экономико-географических пояса, каждому их которых была отведена своя специализация: побережью – развитие обрабатывающей промышленности основанной на экспорте и применении ПИИ, центру – энергетики и сельского хозяйства, западу – добывающей промышленности и животноводства. [5]. Такое деление означало закрепление за восточными провинциями права первенства в получении инвестиций на развитие инфраструктуры и в притоке ПИИ, а за западом и центром функции вспомогательных элементов.

Кроме того, снизившееся количество трансфертов из госбюджета создало недостаток инвестиций в западных и центральных районах. Это привело к увеличению разрыва в ВВП между регионами (Табл. 1)

Изменение отношения ИОФ к ВВП также отражает эволюцию региональной инвестиционной политики. Восток в течение последних тридцати лет получал больше инвестиций, чем другие регионы, и отношение ИОФ к ВВП у него было высоким (особенно у 3-х городов центрального подчинения). В 1996-2000 гг. задача сделать рост более интенсивным, обусловила необходимость вложений в технологичные сферы экономики. Инвестиционная политика Восточных провинций стала более селективной, что в свою очередь увеличивает перемещение ИОФ в западные районы, как результат переноса низкотехнологичных, капиталоемких и трудозатратных производств с побережья и финансирование базовой инфраструктуры (табл. 1). Так как цель добиться высоких показателей экономического роста в прибрежных провинциях была достигнута, то правительство начало

Табл. 2

Показатели развития и инвестиции регионов КНР на 2008 г.

Доля регионов в:	ВВП КНР в %	Населении КНР в %	Общих ИОФ КНР в %	Сельском населении КНР в %	Сельских ИОФ КНР в %
Северо-Восток	8,62	8,19	10,83	6,53	7,82
Восток	54,27	35,47	45,0	28,72	60,48
В т. ч.(без Шанхая, Пекина и Тяньцзиня)	44,94	32,53	38,0	28,31	56,64
Центр	17,19	26,71	21,2	29,05	18,58
Запад	17,80	27,50	**20,8**	**31,23**	**12,95**
в т.ч. Юго-Запад	10,45	18,39	11,85	21,41	8,49
Северо-Запад	7,35	9,12	9,0	9,82	4,46
Неклассифицированные	2,2	2,2	2,2		

Источник: Рассчитано на основе [10], [15].

реализацию второй части плана – подтягивание отстающих территорий к уровню развитых. В 1999 г. стартовала программа «Развития Западного Китая», несколько повысившая приток инвестиций в западные провинции. За ней в 2003 г. последовала программа «Возрождения старопромышленной базы Северо-Востока» и в 2004 г. «План подъема Центрального Китая». После утверждения вышеперечисленных программ возрастало соотношение ИОФ к ВВП для провинций, участвующих в них. Например, для провинции Ляонин отношение превысило 70%. Такая концентрация ИОФ в ВВП приводит к сильному снижению уровня окупаемости капитала в регионах.

На протяжении периода с 1982 по 2008 г. общая макроэкономическая эффективность инвестиций Востока была выше, чем в других регионах (исключая 3 Г.Ц.П. в период активного создания СЭЗ 1986-1996 гг.). Самой низкой макроэкономической эффективностью отличается Запад. Центр и Северо-Восток имели примерно одинаковую отдачу. В настоящее время самыми эффективными являются районы с меньшим соотношением ИОФ к ВВП (Восток и 3 Г.Ц.П.).

Кроме сдвига инвестиций на запад, можно отметить также смягчение политики «ценовых ножниц», улучшение системы фискальных трансфертов от центрального правительства провинциям, и прямые трансферты слаборазвитым провинциям на борьбу с бедностью. Темп ежегодного прироста ВВП на душу в процентах для трех регионов выровнялся (Табл. 1). Но успехи КНР в устранении неравенства стали причиной усложнения задачи. Уровень бедности сильно снизился, и вместе с ним уменьшилась и эластичность бедности к росту ВВП. Особенно это характерно для удаленных горных сельскохозяйственных районов [12].

По объемам ИОФ в 2008 г. лидируют провинции Цзянсу (9,2% от общекитайского объема), Шаньдун (8,7%), (Гуандун 6,6%). Из географических тенденций в Восточном регионе можно отметить сдвиг центра инвестирования с Юга в Центр, а затем на Север. В свою очередь, «инвестиционный вес» начинает смещаться с центрального побережья вглубь страны (провинция Хэнань 6%, Сычуань 4%).

Если в результате политики регионального развития, проводимой правительством с 9-ой пятилетки (с 1996 г.), разрыв в общих ИОФ между регионами сократился, то разрыв в сельских ИОФ между регионами вырос. (Табл. 2). Центральный и Западный регионы, несмотря на то, что их доли в сельском населении примерно равны Восточному региону, получают меньше ИОФ в сельскую местность, чем последний, в 3 и 5 раз соответственно (Табл. 3). Диспропорции в ИОФ сельской и городской местности – это результат отличий в структуре экономики. Для КНР эти диспропорции имеют принципиальное значение, так как в сельской местности проживает большая часть населения

Табл. 3

Доля сельской местности провинций КНР в инвестициях в основные фонды, %

Период	1997-2001 гг.	2003-2008 гг.	2008 г.
Провинции	**Доля сельской местности в ИОФ КНР**		**Доля провинции в сельском населении**
	20,82	**15,45**	**54,32**
Провинции с долей инвестиции в сельскую местность больше средней в КНР (провинции Побережья и сильные сельскохозяйственные провинции Центра)			
Чжэцзян	31,69	29,49	42,40
Цзянсу	30,91	24,33	45,70
Хэбэй	35,14	20,89	58,10
Шаньдун	34,08	20,86	52,40
Хэнань	32,10	19,90	63,97
Гуандун	15,86	17,14	36,63
Хунань	30,88	16,13	57,85
Сычуань	22,36	14,65	62,60
Анхой	26,90	14,51	59,50
Провинции с долей инвестиций в сельскую местность ниже средней в КНР не более чем на 30% (Юг и промышленные провинции центра)			
АР Нинся-Хуэйский	16,37	13,69	55,02
Фуцзянь	18,36	13,52	50,10
Ляонин	15,09	12,70	39,95
Цзянси	25,17	12,14	58,64
АР Гуанси-Чжуанский	23,11	11,83	61,84
Юннань	18,52	11,79	67,00
Гуйчжоу	18,27	11,60	70,89
Хубэй	17,20	10,42	54,80
Ганьсу	12,94	10,25	67,85
Провинции с долей инвестиций в сельскую местность ниже средней в КНР более чем на 30% (Г.Ц.П. и Запад)			
АР Синьцзян-Уйгурский	9,52	9,49	60,36
Гирин	12,75	9,11	46,79
Шаньси	11,11	9,08	54,89
Шанхай	8,75	8,77	11,40
Хэйлунцзян	7,82	8,46	44,60
Тяньцзин	11,60	8,24	22,77
Шэньси	17,25	8,19	57,90
АР Тибет	0,28	8,06	77,39
Пекин	6,57	8,00	15,10
Чунцинь	19,30	7,76	50,01
Хайнань	10,49	7,57	52,00
Цинхай	7,40	7,43	59,14
АР Внутренняя Монголия	15,99	3,80	48,29

Источник: Рассчитано на основе [10], [15].

Рис. 3

Источник: рассчитано на основе [14], [15]

страны.

Среднегодовой темп прироста ИОФ в сельскую местность только в первый период (1980-1989 гг.) был выше темпов прироста ИОФ в городскую местность [14], что связано с периодом бурного инвестирования в сельскую промышленность [13]. Доля сельской местности в ИОФ в этот период не опускалась ниже 26%[14]. С 1990 г. темп прироста ИОФ на городских территориях превышает сельские районы. В результате в 2008 г. сельская местность получила менее 14% ИОФ на 60% занятых от всей экономики.

В последние двадцать лет ежегодные ИОФ на одного занятого в городской местности были больше, чем на одного занятого в сельской местности, почти в 8 раз. Перемещение рабочей силы в города гораздо более медленный процесс, чем рост инвестиций, и сельская местность остается сосредоточением избытка экономически активного населения и бедности.

Важно отметить, что сельская местность в западных и центральных районах менее развита, больше оторвана от городской местности, чем в восточных, и получает меньше ИОФ в связи с несколькими причинами. Во-первых, прибрежные провинции стали отправным центром для программы развития сельской промышленности. Это дало возможность сельских районам Востока накопить больше собственных инвестиционных ресурсов за счет вторичного сектора и повысить потенциал для развития экономики. В то время как первичный сектор в сельской местности центральных и западных районов – (сельское хозяйство), аккумулировал меньше собственных средств, за счет низкой добавленной стоимости товаров. Во-вторых, физико-географические условия внутренних районов Китая не столь благоприятны, как на побережье, что требует большего объема затрат на социальную и производственную инфраструктуру, а также на развитие сельского хозяйства в географически сложных условиях (горные и пустынные районы). В-третьих, на сельскую местность восточных провинций оказывают положительный эффект близлежащие городские территории, более развитые, чем в западных районах.

Структура инвестиций может быть рассмотрена по нескольким признакам: по источнику управления, по источнику финансирования, по форме собственности объекта финансирования и т.д.

Управленческая структура инвестиций отражает экономическую систему хозяйства страны, так как показывает участие государства в непосредственном управлении экономикой, и степень централизации этого управления. Более высокая доля центра обычно свидетельствует о низкой эффективности управления, так как слишком увеличивает аппарат чиновников и лишает регионы инициативы.

Управленческая структура инвестиций в

Табл.4

Этапы изменения структуры и динамики объемов инвестиций

Период	Накопленные за период ИОФ млрд. юаней	Средний темп прироста ИОФ, %
1980–1989 гг	2 450	21,1
1990–1999 гг	17 444	24,1
2000–2008 гг	74 860	21,7

Источник: Рассчитано на основе [7]

течение последних 30 лет в КНР характеризовалась главной тенденцией – снижением доли проектов, управляемых центральным правительством. До периода реформ, начавшихся в 1978 г. государство контролировало планирование инвестиционных проектов и финансовые ресурсы для их реализации. Снижение доли центрального правительства означает перераспределение большей части хозяйственных проектов на места и закрепление за центральным правительством общих регулирующих, административных функций, что должно было повысить эффективность управления проектами. Больше всего проектов под прямым управлением центрального правительства КНР реализовывается в районах приоритетного развития (рис. 3).

Структура источников финансирования отражает изменение механизма инвестирования в государстве, т.е. соотношение субъектов экономики в инвестиционном процессе. Среди источников финансирования различаются следующие формы: а) государственные средства, которые расходуются с меньшим экономическим эффектом и обладают большим влиянием на социальное благосостояние, а также направлены на перераспределение богатства;

б) собственные средства – ориентированные на прибыльность; в) иностранные средства, связанные с притоком иностранных технологий и методов управления; г) заемные средства – средства от банков и кредитных организаций, показывают недостатки собственных ресурсов у кредиторов. [7].

На разных этапах доля этих форм в структуре источников финансирования менялась. На фоне растущего объема наблюдались конъюнктурные циклы, в соответствии с которыми можно выделить 3 этапа в рассматриваемом периоде. (см. табл.1). Каждый этап включает фазы циклов, отражающие реакции объемов инвестиций на действия правительства: стимулирование – перегрев – ограничение-недостаток. Структура источников ИОФ изменяется в каждом районе КНР, в соответствии со структурой хозяйства этого района.

Восточный регион лидирует по всем видам источников финансирования (кроме бюджетных средств), как регион обладающий экономикой генерирующей достаточно собственных средств для реинвестирования, привлекательный для ПИИ и кредитоспособный. Самый мало финансируемый район и по объему и по доле элементов структуры – Северо-Запад. Его низкая инвестиционная привлекательность связана со сложными географическими условиями (пустынные районы). Наиболее равномерно по территории распределяется финансирование из государственного бюджета. Причем повышенный объем получает Запад (Юго-Запад и Северо-Запад) и Центр, как регионы, требующие социально ориентированных инвестиционных проектов. Наименее равномерно распределяются ПИИ, по их объемам лидирует побережье. Западные районы не привлекательны для иностранных инвесторов вследствие низкого уровня развития инфраструктуры, квалификации кадров, транспортной доступности.

Отсталость Западных и Центральных районов усилилась из-за свойственной им структуры экономики. На их территориях первичный сектор представлен шире. Таким образом, за счет инвестиций в него можно повысить уровень экономического развития территорий, но этот сектор менее привлекателен для капиталовложений.

Сильный поток ИОФ создал новые рабочие места в третичном и вторичном секторах (см табл. 2), но их недостаточно для обеспечения работой всего избытка населения. В 2008 г. первичный сектор обеспечивает работой около 40% занятых КНР, производя 10% ВВП, получая при этом менее 3% от ИОФ. С одной стороны то, что первичный сектор Китая продолжает оставаться трудоемким, способствует

решению проблемы занятости. С другой стороны, решением проблемы сокращения диспропорций развития в КНР является создание достаточного количества окупающих себя рабочих мест в экономике. А создать их можно, только вкладывая капитал.

Для страны с большим избытком экономически активного населения требуется время на реализацию данной задачи. В настоящее же время существующая структура занятости продолжает оставаться ассиметричной. Большая часть населения занята в низкодоходном слабоинвестируемом секторе.

Рассмотрим соотношение структуры инвестиций на отдельных этапах.

1980–1989 гг. Неустойчивый рост инвестиций с повышенной долей государственного финансирования. Начало реформ в экономике характеризовалось высокой долей госбюджета как источника финансирования ИОФ, но к концу периода роль государства в структуре финансирования постепенно снижается, что объясняется процессом фискальной децентрализации, и реформой в системе финансирования капитального строительства государственной экономики. Местные правительства и госпредприятия в поисках недостающих денежных средств обратились к банковской системе, в результате чего доля внутренних заемных средств значительно выросла.

1990–1999 гг. Период усиленного роста с высокой долей ПИИ и Азиатско-Тихоокеанский кризис. Хотя создание СЭЗ с налоговыми каникулами относится к первому периоду, активное строительство инфраструктуры на их территориях началось именно после призыва Дэн Сяопина к большей открытости в 1992 г. Недостающие средства на инвестирование местные правительства получали из банковской сферы, что стало причиной увеличения их доли в источниках инвестирования – в 1992 г. их доля достигла 27,4%, Улучшение инфраструктуры повлекло за собой ускорение темпов прироста прямых иностранных инвестиций (далее ПИИ) (Рис 3). Самый быстрый период роста был в 1994-1998 гг. (когда доля ПИИ в структуре превысила 9%).

Переинвестирование недвижимости в СЭЗ стало причиной сильного роста общих инвестиций в 1992 г. и 1993 г. соответственно на 44,4% и 61,8% и усилило и так очень высокую инфляцию [7]. В период борьбы с перегревом (1993–1995гг.) темп прироста инвестиций замедлился, что привело к снижению роста ВВП. Азиатско-тихоокеанский финансовый кризис, который начался в 1997г., еще более усилили эффект снижения. Рост доли бюджетных источников в 1998–2002 гг. показывает, как государство стимулировало экономику. Темп прироста общих ИОФ в 1999 г. опять стал увеличиваться. Но после Азиатско-тихоокеанского финансового кризиса доля иностранных источников резко упала и так и не восстановилась.

2000–2008 гг. Период стабильного поступательного роста инвестиций, снижение доли банков и формирование современной структуры инвестирования ИОФ. После 3-х лет ускорения, в 2003 г. прирост инвестиций стабилизировался на уровне 23% в год [15]. Произошло сокращение доли заемных средств в структуре финансирования (2003-2008гг.) до уровня 14,5%, в связи с усложнением процедуры получения кредитов для местных правительств (вывод банков из-под контроля местных администраций и запрет использовать землю как залог для получения ссуды) [13].

Таким образом, структура источников финансирования претерпела значительные изменения в рассматриваемые периоды. Общей тенденцией этих изменений было снижение доли государственной поддержки и относительная децентрализация инвестиционного процесса. Основными финансовыми источниками для ИОФ являются собственные средства – 78% и внутренние кредиты. ПИИ, имевшие сильное влияние на рост экономики КНР во втором периоде, через вливание технологий и новых управленческих решений в настоящее время несколько утратили свое значение. Государственный бюджет оказывает влияние на экономическое развитие опосредовано, через развитие базовой инфраструктуры.

Выводы:

Экономическое развитие территорий и регионов прямо связано с объемом ИОФ. Для КНР эта связь особенно сильна, что объясняется как особенностями региональной политики, так и спецификой китайского менталитета (склонность к бережливости). Тем не менее, предельная полезность ИОФ для китайской экономики начинает убывать в связи с их высокой концентрацией в ВВП.

Существующие в КНР три главных аспекта диспропорций развития находятся во взаимос-

вязи со структурами инвестиций: демографической – для направления «город-деревня», территориальной – для направления «восток-запад-центр», отраслевой – для направления «первичный-вторичный-третичный» сектора. Однако сильнее всего на диспропорции влияет структура источников финансирования, так как с ней связана прибыльность капиталовложений для общества и для экономики.

Изменения в территориальной структуре инвестиций как усиливали, так и сглаживали существующие диспропорции в экономическом развитии территории КНР на различных исторических этапах развития хозяйства. Принудительное перераспределение инвестиций в слаборазвитые провинции, характерное для дореформенного периода выровняло диспропорции развития, но привело к снижению общего роста ВВП для страны. Стратегия КНР после реформ (1978 года) позволила свободно развиваться побережью, но усилила неравенство между территориями.

Правительство КНР осознает значение структуры ИОФ для формирования структуры хозяйства и общества, поэтому придает большое значение реформам инвестиционного механизма и инвестиционной сферы. Региональная политика инвестирования в КНР, направленная на устранение диспропорций в обществе и экономике, в значительной мере сглаживает их. Однако проблемы, связанные с особенностями культурного и исторического наследия страны трудноустранимы и в ближайшее время останутся препятствием в достижении целевых показателей устойчиво растущего равномерно распределенного благосостояния.

Библиографический список

1. «Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России»/ Отв. Ред. Л.В. Новоселова.– М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2008.

2. Кондрашова Л.И Современная региональная политика КНР Российская Академия наук, институт экономики отделение международных экономических и политических исследований.– Москва, 2007.

3. Самбурова Е.Н. Роль внешнеэкономических факторов в трансформации территориальной структуры хозяйства Китая в пореформенный период (1978–2008 гг).

4. Donnithorne A, Centre-Provincial Economic Relations in China – (Canberra: Contemporary China Center, Research School of Pacific Studies, Australian National University, 1981);

5. Groenewold Nicolaas, Chen Anping and Lee Guoping Linkages beyween China's Regions.– Measurment And policy, Edward Elgar Cheltenham, UK Northampton,MA, USA,2008

6. Lardy N, Economic Growth and Distribution in China – (N.Y.: Cambridge University Press, 1978);

7. Loo B., A Re-examination of Lardy-Donnithorne Debate in the Provincial Context of Guangdong, 1949–1992.– Journal of Contemporary China (1998), 7(17),– 61–87

8. Naughton, "The decline of central control over investment in post-Mao China," in David M. Lampton (ed.), Policy Implementation in Post-Mao China – (Berkeley: University of California Press, 1987), pp. 81–118 and 51–80 respectively

9. Solinger D.J, "The 1980 inflation and the politics of price control in the PRC."

10. Statistics on investment in fixed assets of China (1950-2000).– China Statistic Press, 2002

11. UNPD ,"Access for all Basic public services for 1.3 billion people" .Human Development Report China 2007/08.– UNPD, China

12. World Bank "From poor areas to poor people : China's evolving poverty reduction agenda : an assessment of poverty and inequality in China", March, 2009 East Asia and Pacific Region. Poverty Reduction and Economic Management Department.

13. Zhang Xiaobo, Ravi Kanbur "Spatial inequality in education and health care in China." – China Economic Review 16 (2005).– 186–204.

14. Чжунгуо тоуцзы тичжи гайге 30 нянь янцзю, под редакцией Чжу Тунсань Цзинцзигуанличубаньше, 2009 (исследование китайской инвестиционной системы)

15. Чжунгуо Цзинцзи Тунцзи Няньцзянь, Пекин, Чжунгуотунцзичубаньше 2009.– (Китайский экономический статистический ежегодник)

16. http://data.worldbank.org/indicator – Сайт Всемирного банка, статистическая база данных по странам.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Прусс Е.А.
(г. Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЯПОНСКИХ БАНКОВ В США

Pruss E.A. (Moscow)

THE TERRITORIAL STRUCTURE OF JAPANESE BANKS IN THE U.S.A.

Аннотация. *Статья посвящена географическому изучению деятельности японских банков, размещенных в США. Особое внимание уделяется рассмотрению методов формирования заграничной банковской сети Японии и анализу размещения японских банковских учреждений на территории США.*

Abstract. *The article is devoted to the geographical studies of the Japanese banks activity which are located in the USA. A special attention is paid to the methods of Japan foreign banking network formation and to the analysis of Japanese banking establishments location in the USA territory.*

Ключевые слова: *географический анализ, японские банковские учреждения, заграничная банковская сеть, представительство, агентство, филиал, дочерний банк, размещение банковских учреждений, факторы размещения.*

Key words: *geographical analysis, Japanese banking establishments, foreign bank network, representative office, agency, branch, affiliated bank, location of banking establishments, location factors.*

Начиная с 70-х гг. XX века банки наиболее развитых с экономической точки зрения стран начали активно проводить политику внешней экспансии. В поисках лучших условий финансовой деятельности, получения максимальной прибыли и решения других стратегических задач они все чаще выходили за пределы национальных границ с целью расширения своего влияния в разных регионах мира.

Одним из наиболее интересных объектов для исследования современных процессов банковской глобализации, а также соответствующих ей географических аспектов являются США. Эта страна имеет не только высокоразвитую банковскую систему с длительной историей, но и характеризуется значительным географическим разнообразием, которое проявляется и в банковской сфере. Несмотря на прошедшую волну слияний и поглощений, США остаются мировым рекордсменом по количеству действующих коммерческих банков (более 6 тысяч на сентябрь 2010 г.) [4]. Кроме того, в США существуют тысячи кооперативных и сберегательных банков, а также иных специализированных финансовых институтов.

Вместе с тем, территория США является «полем действия» для множества банков из самых разных стран мира. Сегодня иностранные банки представляют собой значимый сегмент банковской системы США, поскольку они контролируют более 20% американского финансового рынка, что в денежном выражении составляет 2,9 трлн. долл. [5]. При этом, анализ статистических данных докризисного и кризисного периодов свидетельствует о том, что иностранные банки в США не утратили своих позиций. Если в 2005 г. их активы в США составляли 1,7 трлн.долл., то в 2010 г., как уже отмечалось, – 2,9 трлн.долл. [5].

Одной из стран, представительство банковских учреждений которой на территории США весьма значительно, является Япония. Следует отметить, что в настоящее время эта страна продолжает активно проводить политику внешней экспансии своих банковских институтов. Сегодня японские банки

уже представлены во всех частях света, их география разнообразна и отражает значение того или иного региона для японской экономики. Присутствие японских банковских учреждений на территории США является свидетельством растущего интереса Японии к развитию экономических отношений со своим заокеанским партнером.

Формирование заграничной банковской сети Японии.

Банки разных стран, в том числе и Япония, проявляют избирательность в вопросе использования тех или иных методов проникновения на территорию других стран. Заграничный аппарат банков, выходящих за национальные пределы, состоит из банковских учреждений различного типа: представительства, агентства, отделения или филиалы, дочерние банки, а также другие зависимые (афилированные) банки. Особенности каждого типа всех этих учреждений проявляются при анализе специфики выполняемых ими функций, с одной стороны, и степени их финансовой связи с головным банком, с другой.

Как правило, первым и самым доступным способом проникновения банка на территорию другой страны становится открытие юридически несамостоятельного *представительства*. Несмотря на то, что зарубежные представительства банков не выполняют прямых банковских функций, они, тем не менее, играют важную роль в структуре зарубежных подразделений. Представительства поддерживают связь с местными деловыми кругами, предоставляют им необходимую информацию о возможностях своего банка, собирают сведения о стране пребывания, устанавливая тем самым предварительные контакты с потенциальной клиентурой банка, организуют сделки для других подразделений банка.

Отделения или филиалы – это уже юридически автономные и функционально полноценные банковские учреждения. Они являются составной частью банков-учредителей, несущих полную ответственность по их обязательствам. Практика показывает, что большинство филиалов функционирует за границей как обычные банки, то есть покрывают весь спектр обычно выполняемых банками операций. Коммерческая привлекательность открытия филиала диктуется тем, что подобная организационная форма позволяет головному банку монополизировать не только контроль над соответствующим учреждением, но и получаемую прибыль. Филиал иностранного банка, как правило, не может создавать смешанные предприятия с местными или другими иностранными банками, что повлекло бы за собой разделение контроля и получаемой прибыли.

Кроме филиалов за границей учреждаются также банковские *агентства*, которые отличаются от филиалов тем, что не выполняют всех основных банковских операций, например, не могут заниматься привлечением вкладов. По сути, агентства являются ограниченными по своим функциям банковскими филиалами.

Особую роль в заграничном аппарате банков играют *дочерние и другие зависимые банки*. Они формируются финансовым методом, который основан на системе акционерного (паевого) контроля со стороны иностранного банка над капиталом соответствующего учреждения. Дочерний банк, даже если он полностью (на 100%) контролируется учредителем, оказывается формально самостоятельным, поскольку имеет собственный устав, капитал, лицензию, отдельно от учредителя ведется баланс, присваивается особое фирменное наименование. Несмотря на это, экономически дочерний банк полностью интегрирован в систему головного банка. Как правило, всю полученную прибыль он обязан перечислять своему учредителю.

Нередко иностранный банк приобретает контроль лишь над частью капитала зависимого банка, а остальная часть может принадлежать как местным резидентам, так и другим иностранным банкам. Такие совместные предприятия снижают издержки головного банка, позволяют ему быстрее освоиться на незнакомых рынках, получить прямой доступ к местным финансовым ресурсам и клиентам. Однако в этом случае контроль и прибыль также «расщепляются» между несколькими собственниками банка.

Изучение истории и практики внедрения японских банков на территорию США показывает, что ими использовались в разных случаях все перечисленные методы проникновения и формы организации своих зарубежных подразделений. Таким образом, для создания банковских подразделений на территории США японские банки использовали следующие основные методы:

– создание представительства в качестве первого этапа проникновения;

Карта 1. География банковских учреждений в США, подконтрольных японскому капиталу, 2009 г.

Таблица 1

Иностранные банки в США по странам их происхождения: 10 крупнейших стран по активам, 2009 г.

Страны	Всего банковских учреждений	Всего активы иностранных банков в США, млн. долл.	Доля страны в суммарных активах всех иностранных банков на территории США	Крупнейшее банковское учреждение страны в США (город, штат базирования)	Доля крупнейшего банковского учреждения в суммарных активах банков своей страны в США,%
1. Великобритания	45	581 781	19,51	HSBC BK USA NA, Маклин, Виргиния	27,32
2. Франция	24	441 780	14,82	SOCIETE GENERALE NY BR, Нью-Йорк, Нью-Йорк	23,13
3. Канада	41	395 304	13,26	TD BK NA, Уилмингтон, Делавэр	26,41
4. Япония	52	382 877	12,84	NORINCHUKIN BK NY BR, Нью-Йорк, Нью-Йорк	24,48
5. Германия	29	318 855	10,69	DEUTSCHE BK AG NY BR, Нью-Йорк, Нью-Йорк	38,75
6. Испания	19	215 352	7,22	SOVEREIGN BK, Вайомиссинг, Пенсильвания	34,88
7. Нидерланды	14	106 375	3,57	RABOBANK NEDERLAND NY BR, Нью-Йорк, Нью-Йорк	79,86
8. Ирландия	14	105 419	3,54	MANUFACTURERS & TRADERS TC, Буффало, Нью-Йорк	65,14
9. Швейцария	27	103 572	3,47	UBS AG STAMFORD BR, Стэмфорд, Коннектикут	46,38
10. Италия	5	45 122	1,51	INTESA SANPAOLO SPA NY BR, Нью-Йорк, Нью-Йорк	51,30

Создано на основе данных ФРС США [5]

– учреждение функционально ограниченного агентства;

– открытие отделения или филиала, не располагающего собственным акционерным (паевым) капиталом;

– учреждение дочернего банка;

– создание зависимых (афилированных) банков.

По состоянию на июнь 2009 г. на территории США действовало 52 японских банковских учреждения, в том числе 9 зависимых банков, 20 филиалов, 2 агентства и 21 представительство [5][1].

Современное размещение японских банков в США.

Япония занимает одну из лидирующих позиций в иностранном банковском секторе США. Наряду с такими странами, как Великобритания, Франция, Германия и Канада, она концентрирует более 10% суммарных активов всех иностранных банков; при этом по количеству банковских учреждений, размещенных на территории США, ей нет равных (см.табл.1). Наибольшую активность в США проявляют крупнейшие японские банки, прежде всего NORINCHUKIN BK. Его филиал в

[1] В использованной базе данных ФРС присутствуют сведения только о головных учреждениях иностранных банков в США. Не приводятся отдельные данные о филиалах зависимых банков на территории США, дополнительных офисах, подчиненных иностранным филиалам и агентствам и т.п.

Таблица 2

10 крупнейших иностранных банковских учреждений в городе Нью-Йорке, 2009 г.

№	Название банковского учреждения	Страна происхождения	Активы, млн. долл. (на территории США)	Доля в суммарных активах всех иностранных банков на территории США, %	Доля в суммарных активах банков своей страны на территории США, %	Статус банковского учреждения
1	DEUTSCHE BK	Германия	123 570	4,14	38,75	филиал
2	SOCIETE GENERALE	Франция	102 184	3,43	23,13	филиал
3	NORINCHUKIN BK	Япония	93 733	3,14	24,48	филиал
4	RABOBANK NEDERLAND	Нидерланды	84 952	2,85	79,86	филиал
5	BNP PARIBAS EQUITABLE TOWER	Франция	81 953	2,75	18,55	филиал
6	BARCLAYS BK PLC PARK AVE	Великобритания	79 416	2,66	13,65	филиал
7	CALYON	Франция	70 972	2,38	16,07	филиал
8	BANK TOK-MIT UFJ	Япония	64 408	2,16	16,82	филиал
9	MIZUHO CORPORATE	Япония	60 015	2,01	15,67	филиал
10	DEXIA CREDIT LOCAL	Франция	52 945	1,78	11,98	филиал
	Всего 10 крупнейших банковских учреждений		814 148	27,31		

Создано на основе данных ФРС. [5]

Нью-Йорке (активы 93,7 млрд.долл.) занимает 1-е место среди японских банков и 3-е место среди всех иностранных банковских учреждений, расположенных в США (см.табл.2). Среди других японских банков нельзя не отметить BANK TOKYO-MITSUBISHI UFJ. До мирового финансово-экономического кризиса филиал BANK OF TOKYO-MITSUBISHI, расположенный в Нью-Йорке, был крупнейшим по активам банковским учреждением Японии в США. После слияния в 2006 г. с банковским холдингом UFJ BANK был создан объединенный BANK OF TOKYO-MITSUBISHI UFJ [3]. Несмотря на почетное второе место, группа BANK OF TOKYO-MITSUBISHI UFJ располагает самой мощной сетью подразделений на территории США. Так, банковские учреждения BANK OF TOKYO-MITSUBISHI UFJ можно встретить в Нью-Йорке (Нью-Йорк), Сан-Франциско и Лос-Анджелесе (Калифорния), Чикаго (Иллинойс), Хьюстоне и Далласе (Техас), Сиэтле (Вашингтон), Флоренсе (Кентукки), Миннетонке (Миннесота), Портленде (Орегон) и других городах США. Всего в 2009 г. группа BANK OF TOKYO-MITSUBISHI UFJ располагала в США 16 учреждениями с суммарными активами 148, 5 млрд.долл. (почти 40% всех активов японских банков в США).

Среди других банковских учреждений Японии, размещенных в США, отметим дочерний банк UNION BK NA в Сан-Франциско с активами в 73,6 млрд.долл., филиалы банков MIZUHO CORPORATE (активы 60 млрд. долл.) и SUMITOMO MITSUI BKG (активы 51,2 млрд.долл.) в Нью-Йорке.

Трудно понять и объяснить тот успех, которого добились японские банки за пределами национальной территории, не принимая во внимание исторического контекста, то есть тех факторов, которые оказали влияние на изменение банковской системы Японии на поворотных пунктах мировой истории, в частности, и в первую очередь, в момент окончания Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Вместе с тем, нельзя не учитывать особенности японского менталитета в самом широком культурологическом аспекте: речь идет о наделенности японской нации особым даром брать лучшее извне, трансформировать его и представлять миру улучшенные результаты этой трансформа-

ции как нечто своеобразное и сугубо национальное. Реформы, касающиеся банковской системы Японии, не являются в этом смысле исключением. Как известно, японская банковская система была построена, или точнее сказать, перестроена после Второй мировой войны по американскому образцу. Однако современная банковская система страны имеет ярко выраженную национальную специфику, а не является всего лишь копией американского банковского законодательства. Кроме того, экономические успехи Японии в так называемый период «японского экономического чуда» оказали решающее влияние на судьбу японских банков, придав размах и агрессивность их действиям как внутри страны, так и на международных рынках.

Вообще, успех японских банков на международной арене, где они фактически появились только в 1960-е гг., можно назвать поразительным феноменом. Страна, которая еще в XIX веке пребывала в полной самоизоляции от остального мира и потерпела сокрушительное поражение во Второй мировой войне, сумела «породить» мощные финансовые институты, представленные сейчас почти во всех регионах мира. Процесс приобщения японских банковских институтов к международной финансовой жизни примечателен еще и тем, что он, как ни в одной другой стране, был тесно связан с общим развитием внешнеэкономических связей Японии. Этапы внешней экспансии японских банков точно соответствуют официальным актам отмены ограничений на движение капиталов и товаров в страну и из страны и на осуществление валютных операций.

К формированию разветвленной сети банковских учреждений за рубежом Япония приступила позже других государств. Если Англии и Франции потребовались десятки и десятки лет колониального господства, для того чтобы создать мощную сеть банковских институтов для проведения финансовых операций за рубежом, то Японии потребовался для этого относительно короткий период (фактически конец 60-х – начало 70-х годов) [1].

После Второй мировой войны Япония стала важным политическим и экономическим партнером США. Первоначально Япония выступала, главным образом, как экспортер промышленной продукции. Позднее, особенно в 1980–1990-е гг., Япония начала также активно инвестировать в американскую экономику: в США привлекалась значительная часть капиталов, необходимых для японской экономики и внешней торговли, размещались промышленные предприятия, подконтрольные японскому капиталу. Поэтому было вполне закономерным стремление японских банков не только устанавливать отношения с их американскими коллегами, но и получать прямой доступ к денежному рынку США путем создания там своих отделений и филиалов. Все это можно рассматривать в качестве факторов размещения японских банковских учреждений в США.

Географический анализ деятельности японских банков в США позволяет выявить следующую картину: больше половины ее банковских институтов, размещенных в этой стране, базируется в Нью-Йорке и его пригородах. Почти 80% активов (298,3 млрд. долл.), подконтрольных японскому капиталу в США, сосредоточены в одном центре – городе Нью-Йорке (без пригородов). Расположенный здесь крупнейший японский банк NORINCHUKIN BK сосредотачивает почти четверть всех активов Японии, находящихся в США. В Хобокене (Нью-Джерси) находится SUMITOMO TR & BKG CO USA (активы 539 млн.долл.), а в Джерси-Сити и Стейтен-Айленде – такие представительства, как BANK TOKMIT UFJ, MIZUHO CORP BK HARBORSIDE и MIZUHO CORP BK. Такая высокая скученность и масштаб деятельности японских банков в этом районе страны отражает значение Нью-Йорка как международного валютно-финансового центра. Поэтому неслучайно, что именно с открытия в Нью-Йорке в 1952 году отделения BANK OF TOKYO началось послевоенное восстановление заграничной банковской сети Японии. Отсюда она черпала подавляющую часть внешних займов и кредитов, здесь размещались ценные бумаги японского правительства и корпораций.

Помимо Нью-Йорка множество менее крупных банковских учреждений Японии размещаются в Тихоокеанских штатах США, прежде всего в Калифорнии (карта 1). Следует отметить, что Калифорния всегда рассматривалась Японией в качестве своеобразных «ворот» для экспорта в США, и по сей день операции японских банков в Калифорнии имеют ярко выраженную торговую направленность. Наиболее сильные позиции в этом штате занимают UNION BK NA, находящийся в Сан-Франциско (73,6 млрд.долл.),

и расположенные в Лос-Анджелесе BANK TOKYO-MITSUBISHI UFJ (3,1 млрд.долл.), MIZUHO CORPORATE BK (1,9 млрд.долл.) и MANUFACTURERS BK (1,9 млрд.долл.). За послевоенные годы здесь была создана «перевалочная база» для японского экспорта в США. В одной лишь Южной Калифорнии, по состоянию на июль 2008 г., размещалось более тысячи японских компаний. В целом же, в штате Калифорния расположено самое мощное ядро японского промышленного присутствия в США [6]. В Лос-Анджелесе в июле 1974 года был учрежден JAPAN CALIFORNIA BANK – первый зарубежный банковский институт Японии, в капитале которого, помимо банков и инвестиционных компаний, принимали участие торговые и промышленные фирмы. Акционерами банка явились свыше 30 японских компаний, имевших свои отделения и филиалы в Калифорнии, где традиционно высок процент американских граждан японского происхождения. Все это создает широкие возможности для деятельности японских банков, которые помимо торговых операций занимаются еще и депозитным обслуживанием населения.

Что же касается Чикаго, то там размещаются два филиала японских банков с общей суммой активов 2,3 млрд.долл. Кроме того, японские банковские учреждения, активы которых измеряются сотнями млн.долл., представлены в Хьюстоне (Техас) и Сиэтле (Вашингтон). В юридической столице США Вашингтоне (Федеральный Округ Колумбия) и ряде других американских городов, например, в Атланте (Джорджия), Далласе (Техас), Флоренсе (Кентукки), Миннетонке (Миннесота), Портленде (Орегон), размещены лишь не имеющие собственных активов представительства японских банков.

Библиографический список

1. Богданов О.С., Сергеев Б.И. Зарубежные интересы японских банков. – М.: Международные отношения, 1981.
2. Лузанов А.Н. Национальные особенности банковского дела в зарубежных странах. // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, Геогр.– 2001.– № 4.
3. Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ (www.bk.mufg.jp/english/index.html – официальный сайт банка Tokyo-Mitsubishi UFJ)
4. Federal Financial Institutions Examination Council (http://research.stlouisfed.org/fred2)
5. Structure Data For U.S. Offices Of Foreign Banks As Of 06/30/2009. (www.federalreserve.gov; сайт ФРС США).
6. Survey of Japanese Companies in Southern California 2008 (www.jetro.go.jp/en/reports/survey)
7. The Federal Reserve System: Purposes and Functions. (www.federalreserve.gov; сайт ФРС США).

Родионова И.А., Гордеева А.С.
(г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ СТРАН МИРА

Rodionova I.A., Gordeeva A.S.

INFORMATION TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF THE ECONOMIC GROWHT AND DEVELOPMENT OF COUNTRIES

Аннотация. *В статье характеризуется тесная связь между индексом развития человеческого потенциала, уровнем использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и экономическим процветанием общества. Выявляются позиции стран в рейтинговых таблицах по показателям использования ИКТ. Раскрывается связь между внедрением достижений НТП, развитием ИКТ и экономическим развитием стран мира на основе формирования экономики инновационного типа. Рост использования ИКТ в странах мира выражается в положительной динамике большинства экономических показателей.*

Abstract. *The article characterizes a position of countries on the international rating of Human development index, Networked readiness index, Informational society index, Knowledge economy index. The authors reveal the connection between the implementation of the scientific and technical progress results, ICT and economic growht and development of countries on the basis of the formation of innovative economy. The growth of ICT usage is reflected in the dynamics of the majority of economic indicators.*

Ключевые слова: *индекс человеческого развития, информационные и коммуникационные технологии, индекс экономики знаний, индекс информатизации общества, индекс готовности стран к сетевой экономике, экономический рост и развитие.*

Keywords: *information technologies (ICT), human development index, knowledge economy index, informational society index, networked readiness index, economic growht and development.*

Постановка проблемы. Современное общество невозможно себе представить без использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Компьютеризация охватила практически все сферы человеческой деятельности в современном обществе и помогла расширить информационное пространство до глобальных размеров. Информационные системы и сети передачи информации обеспечивают банковскую и финансовую деятельность стран, налоговую систему, управление транспортом, управление промышленными предприятиями и многое другое. Интернет, электронная почта – стали частью нашей жизни. Под влиянием информационных технологий уже давно идет формирование нового образа и стиля нашей жизни. Новые поколения воспринимают информационные системы как часть естественной среды обитания [1].

Возрастание роли наукоемких, конкурентоспособных на мировом рынке производств, и опережающий рост их доли в структуре обрабатывающей промышленности в настоящее время является доминантной тенденцией, проявляющейся в развитии экономики наиболее развитых стран мира и мировой экономики в целом. Данные производства формируют спрос на научные исследования, и, следовательно, способствуют дальнейшему развитию науки, техники и технологий. В свою очередь размеры наукоемкого сектора экономики и масштабы использования ИКТ характеризуют научно-технический и экономический потенциал стран и позиции их в мировом табеле о рангах. А отставание в передовых направлениях науки и высоких технологиях, применении ИКТ приводит к отсутствию конкурентных преимуществ разных секторов экономики, а в итоге – приводит к ослаблению экономической и технологической безопасности той или иной страны мира.

Задача управления социально-экономическим развитием в современных условиях заключается в том, чтобы поставить знания на службу обществу путем обеспечения благоприятных условий для генерирования идей и инноваций, а также для их распространения и использования различными субъектами. Развитие сектора ИКТ предоставляет возможность странам, и в особенности Рос-

Таблица 1

Динамика показателя Индекса развития человеческого потенциала в странах-лидерах, 1980-2010 гг.

Страны	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2007	2010*
Норвегия	0.900	0.912	0.924	0.948	**0.961**	**0.968**	**0.971**	**0.938**
Австралия	0.871	0.883	0.902	0.938	0.954	0.967	0.970	0.937
Исландия	0.886	0.894	0.913	0.918	0.943	0.965	0.969	0.869
Канада	**0.890**	**0.913**	**0.933**	**0.938**	0.948	0.963	0.966	0.888
Ирландия	0.840	0.855	0.879	0.903	0.936	0.961	0.965	0.895
Нидерланды	0.889	0.903	0.917	0.938	0.950	0.958	0.964	0.890
Швеция	0.885	0.895	0.906	0.937	0.954	0.960	0.963	0.885
Франция	0.876	0.888	0.909	0.927	0.941	0.956	0.961	0.872
Швейцария	0.899	0.906	0.920	0.931	0.948	0.957	0.960	0.874
Япония	0.887	0.902	0.918	0.931	0.943	0.956	0.960	0.884

Составлено по: [5, 6, 7].

* Индекс человеческого развития (2010), скорректированный с учетом неравенства (ИЧРН)

сии и всем странам с переходной экономикой улучшить свое положение в глобализирующемся мире.

Необходимы знания, навыки владения методиками расчета показателей, индексов, позволяющих если не в полной, то в значительной мере оценивать, сравнивать и сопоставлять ситуацию в разных странах и регионах мира с позиции готовности к экономике знаний. В статье предпринята попытка показать связь между индексом развития человеческого потенциала, уровнем использования информационно-коммуникационных технологий и экономическим ростом и развитием стран мира.

Уровень информатизации общества и развитие человеческого потенциала в странах мира. В основе появления нового типа экономики лежат масштабные изменения в экономических процессах, вызванные повсеместным применением ИКТ, возможностью передачи больших объемов информации на любые расстояния довольно быстро и дешево (включая аудио- и видеоматериалы). При этом одной из самых важных черт ИКТ является возможность создания глобального пространства для деятельности всех экономических агентов мировой экономики, число которых растет.

Наиболее характерными чертами новой (сетевой) экономики принято считать: изменение характера товаропроводящих сетей и систем доставки, изобретение новых механизмов торговли (виртуальные торговые площадки, аукционы, сетевые он-лайн биржи), глобальный характер (границы при передаче информации стираются), использование ИКТ для повышения производительности труда, для увеличения темпов экономического роста и развития, сохранения на низком уровне инфляции и безработицы, изменения в финансовой сфере (электронные деньги, Интернет-банкинг и Интернет-трейдинг), изменения в системе управления производством и т.д. [4].

В современных условиях сетевая экономика предоставляет странам мира возможность адаптироваться в сложном процессе интеграции в мировую экономику. В данном контексте уровень информатизации общества выступает в качестве одного из важнейших показателей конкурентоспособности государства. А возможности населения использовать ИТК определяются, в первую очередь, уровнем развития человеческого потенциала.

Индекс человеческого развития ИЧР (Human Development Index – HDI), или Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) представляет собой агрегатный показатель, включающий в себя три важные характеристики общества: 1) показатель долголетия (ожидаемая продолжительность жизни населения от рождения); 2) показатель образования (уровень грамотности взрослого населения); 3) показатель благосостояния жителей (ВВП в расчете на душу населения). Между этими тремя характеристиками имеется прямая зависимость. Проведенный нами анализ показал, что список стран-лидеров по Индек-

су человеческого развития (ИЧР) за последние 30 лет практически не изменяется, наблюдаются лишь небольшие передвижки [8]. Лидирующие позиции занимают экономически высокоразвитые государства. С 1975 по 2000 гг. страной-лидером являлась Канада, с 2000 г. – Норвегия (табл. 1).

Анализировалась ситуация в 182 странах мира. Среди стран-аутсайдеров в рейтинге по ИЧР в основном наименее развитые страны мира – страны Азии и Африки. Это государства, где бедность и неразвитость экономики тормозят развитие человеческого потенциала.

Необходимо отметить тот факт, что практически все бывшие социалистические страны (в т.ч. республики СНГ) занимают ныне далеко не лучшие позиции в международном рейтинговом списке. И даже, несмотря на то, что государства СНГ находятся в группе с высокими показателями индекса ИЧР (Беларусь и Россия), и со средними показателями ИЧР (остальные), все они занимают довольно невысокие позиции в рейтинге. Казахстан занимал 82-ю позицию, Армения – 84, Азербайджан – 86, Грузия – 96, Туркменистан – 109, Молдова – 117, Узбекистан – 119, Киргизия – 120, Таджикистан – 127-ю (рядом с ним находятся Ботсвана, Намибия, Марокко, Индия).

Следует отметить, что индекс, характеризующий уровень развития человеческого потенциала модернизируется. В 2010 г. на базе ИЧР был рассчитан новый индекс (ИЧРН), в котором до 4-х увеличилось число составляющих. Так как Индекс человеческого развития (ИЧР), как и все усредненные показатели, скрывает различия в человеческом развитии среди отдельных групп населения в пределах одной страны, был добавлен еще один показатель, характеризующий неравенство населения в распределении имеющихся в стране достижений по всем трем основным критериям: здоровье, образование, доходы. Иными словами, был добавлен показатель, учитывающий неравенство разных групп населения. Новый индекс (ИЧРН) был рассчитан только для одной даты – 2010 года [7].

Охарактеризуем позиции стран СНГ по Индексу человеческого развития, скорректированному с учетом неравенства (ИЧРН). На 61-й позиции в рейтинге находится Беларусь (0.732), на 65-й – Россия (0.719), на 66-й – Казахстан (0.714), на 67-й – Азербайджан (0.713), на 69-й – Украина (0.710), на 87-й – Туркменистан (0.669), на 102-й – Узбекистан (0.617), на 112-й – Таджикистан (0.580), рядом с Сирией, Вьетнамом, Марокко, Никарагуа. Для сравнения: у Норвегии, занимающей 1-ую позицию в рейтинге ИЧРН, индекс – 0.938. Иными словами, позиции стран СНГ в международном рейтинге по данному показателю далеко не лучшие.

Сравнительная характеристика отдельных индексов, характеризующих уровень информатизации общества. Уровень информатизации общества, степень внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности населения можно оценивать на основе сопоставления значений комплекса показателей (в т.ч. по числу Интернет-пользователей, расходам на НИОКР и множеству других). Но в настоящее время уже известно несколько комплексных (интегральных) индексов (включающих до 70 показателей), характеризующих условия, в которых развивается экономика страны и общество в целом, оценивается экономическая и правовая среда, качество регулирования и развития бизнеса и частной инициативы, способность общества и его институтов к эффективному использованию имеющегося и созданию нового знания и широкому внедрению ИКТ. Среди них: «Индекс экономики знаний» (Knowledge Economy Index, KEI) и «Индекс знаний» (Knowledge Index, KI) [13],«Индекс Информатизации Общества» (Informational Society Index, ISI) [11], «Индекс готовности к сетевой экономике» (Networked Readiness Index, NRI) [10], «Глобальный инновационный индекс» [12] и др. Эти индексы не только оценивают готовность той или иной страны к участию в информационном мире, но и фактически показывают, что лежит в основе различий между странами в степени их использования ИКТ.

Так, например, в рейтинге стран по «Индексу экономики знаний» фигурируют 134 государства. Лидирующие позиции в рейтинге занимают западноевропейские государства (Дания, Швеция, Финляндия, Нидерланды, Норвегия), но в первую десятку также входят Канада и США (6-я и 9-я позиции соответственно). Россию (60-я позиция) опережают и Украина, и Бразилия, и Армения, и Аргентина. Особенно низкие позиции у нашей страны отмечены по таким состав-

ляющим Индекса экономики знаний, как экономическая и правовая свобода и индекс использования ИКТ [13].

С 1996 г. публикуются данные о расчетах «Индекса Информатизации Общества», где все имеющиеся показатели агрегированы в четыре блока (компьютерная, информационная, социальная инфраструктура и инфраструктура Интернет), а затем по интегральному показателю ранжируются страны мира [11].

С 2002 г. публикуются доклады The Global Information Technology Report, в которых государства ранжируются по интегральному «Индексу готовности стран к сетевой экономике» (NRI), характеризующему уровень развития информационных технологий по 67 параметрам [10]. Данный индекс составлен на основе расчета трех блоков данных: 1) наличие сетевой инфраструктуры; 2) готовность к ее использованию в гражданском обществе, деловой среде и государственных структурах; 3) реальный уровень использования ИКТ.

Так, в рейтинговой таблице за 2009 г. в первую десятку лидеров по «Индексу готовности стран к сетевой экономике» входили: Дания, Швеция, США, Сингапур, Швейцария, Финляндия, Исландия, Норвегия, Нидерланды и Канада, за которыми вплотную следуют Республика Корея (11-я позиция) и Тайвань (13-я позиция), опережающие Великобританию и Японию. Россия в данном списке занимает лишь 74-е место. При этом ее опережают Эстония (18), Литва (35), Латвия (48), Азербайджан (60), Украина (62) и Казахстан (73). Следует отметить, что многие страны (развитые и развивающиеся), интенсивно инвестирующие в научные исследования и ИКТ, вырываются в рейтинге вперед, постепенно отодвигая Россию на все более низкие позиции (2001 г. – 61-я; 2003 г. – 63-я; 2007 г. – 71-я; 2009 г. – 74-я) [2].

Однако, по нашему глубокому убеждению, Россия готова к изменениям в этой области, что позволяет прогнозировать улучшение положения России по сравнению с другими странами в рейтинге NRI. Для нашей страны необходимо задействовать имеющийся довольно высокий уровень человеческого капитала для того, чтобы интегрироваться в сообщество экономически развитых стран, использующих преимущества инновационного развития и широко внедряющих ИКТ. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации подготовлена с учетом международных обязательств РФ, Доктрины информационной безопасности РФ, федеральных законов, а также нормативных правовых актов Правительства РФ, определяющих направления социально-экономического развития, повышения эффективности государственного управления и взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества в РФ [3].

Особенности влияния информационных технологий на экономический рост и развитие стран мира. Наличие рейтинговых таблиц по странам мира по интегральным индексам, публикуемым авторитетными международными организациями, охарактеризованным выше, которые комплексно показывают уровень использования информационных технологий (в т.ч. наличие сетевой инфраструктуры; готовность к ее использованию в гражданском обществе, деловой среде и государственных структурах; реальный уровень внедрения ИКТ и т.д.) позволило нам выявить влияние информационных технологий на экономический рост и развитие стран мира.

Нами были выполнены расчеты коэффициентов корреляции между несколькими парами показателей. Среди отобранных показателей были следующие: ВВП на душу населения; ВВП на 1 занятого; объемы производства высокотехнологичной продукции в расчете на душу населения; производство продукции ИКТ-сектора на душу населения[1]; «Индекс развития человеческого потенциала»; «Индекс экономики знаний»; «Индекс готовности к сетевой экономике», «Индекс Информатизации Общества»; «Глобальный инновационный индекс».

Коэффициент корреляции по всему массиву анализируемых данных (102 страны мира) между индексом развития человече-

[1] Рассчитано по источнику: Science and Engineering Indicators – 2010. (Appendix tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, 2010. Согласно данному источнику к продукции ИКТ-сектора относят: 1) производство компьютеров и офисного оборудования; 2) производство средств связи и полупроводников, а также: 3)коммуникационные услуги и 4) компьютерное обслуживание. Иными словами – две первые позиции отражают положение дел с выпуском высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности, а две последние – характеризуют сферу ИКТ-услуг.

ского потенциала (HDI) и индексом готовности стран к сетевой экономике (NRI), т.е. готовности широко внедрять ИКТ составил 0,80, что говорит о высокой прямой зависимости этих показателей, при которой увеличение одной переменной тесно связано с увеличением другой. Нами была также рассчитана зависимость между данными показателями по группам стран мира. Так, в наиболее развитых странах (первая группа по уровню HDI – «very high human development» or «developed») отмечается очень тесная положительная связь между данными показателями развития общества – 0,71 (2006 г.) и 0,66 (2007–2009 гг.). В странах, отнесенных ко второй группе по уровню HDI («high human development» or «developing»), в которой находится Россия и многие другие страны СНГ– также отмечается связь положительная (0,67 и 0,56). В третьей группе стран по уровню человеческого развития («medium human development» or «developing») – отмечается умеренная положительная связь (0,44 и 0,47). В наименее развитых странах («less developed») с самым низким уровнем индексов HDI и NRI («low human development») - отмечается слабая положительная связь (0,15 и 0,32).

ИКТ играют в современном мире основную роль в создании и внедрении инноваций, повышении производительности труда и конкурентоспособности, способствуют диверсификации экономики и стимулируют деловую активность, тем самым, способствуя повышению уровня жизни людей. Чтобы понять – верен ли данный тезис и верно ли отражают интегральные индексы («Индекс экономики знаний», «Индекс готовности к сетевой экономике», «Индекс Информатизации Общества», «Глобальный инновационный индекс») уровень готовности стран к экономике, основанной на знаниях, нами были просчитаны коэффициенты корреляции между ними – каждого с каждым. Была выявлена очень высокая зависимость между всеми отмеченными выше индексами.

Рассчитанная нами корреляция между значениями индексов и ВВП на душу населения стран мира находилась в диапазоне 0,86–0,93; между индексами и реальным ВВП на 1 занятого – в диапазоне 0,80–0,85; между значениями индексов и данными по объему производства продукции высокотехнологичных отраслей в расчете на душу населения в анализируемых странах мира – в диапазоне 0,57–0,67 [Рассчитано по: 13]. Это свидетельствует, во-первых, о высокой репрезентативности данных интегральных индексов, во-вторых, о том, что в настоящее время к развитию сетевой экономики (экономики знаний и широкого использования ИКТ) готовы лишь государства с наиболее высоким уровнем социально-экономического развития, в-третьих, о том, что лидерами по производству высокотехнологичной продукции являются именно те страны, которые поставили знания и ИКТ на службу экономике, благодаря чему они и занимают ныне лидирующие позиции в мировой экономике.

Страны с высоким уровнем распространения ИКТ достигают больших результатов в увеличении благосостояния граждан (рост ВВП на душу населения). Однако этот эффект сказывается только тогда, когда страна благодаря управлению социально-экономическим развитием достигает определенного порога использования ИКТ. Такой эффект можно получить в первую очередь за счет использования ИКТ там, где происходит основной рост производительности труда и рост ВВП, а именно в промышленности.

К сожалению, из-за медленного восстановления промышленности и незначительного использования ИКТ в России еще не достигнут нужный критический порог, при котором ИКТ начинают прямо влиять на экономику страны. Роль России на мировом рынке высокотехнологичной продукции достаточно мала, хотя именно в этом направлении имеется значительный потенциал конкурентоспособного развития. В процессе информатизации огромную роль играют российские регионы-субъекты РФ, и по результатам этой деятельности можно судить о возможностях вхождения России в информационное общество. Институт развития информационного общества уже несколько лет проводит мониторинг регионов России на соответствие их международным критериям вхождения стран в информационное общество (почти 70 критериям). Анализ показал, что лишь Москва, Санкт-Петербург и еще несколько субъектов РФ приближаются к ним [1].

Подводя итоги нашего исследования, отметим следующее. Уровень развития человеческого потенциала, уровень развития и использования информационных технологий,

унифицированность законодательства страны с мировыми нормами, государственная политика поддержки ИКТ – наиважнейшие критерии качества процесса управления социально-экономическим развитием в эпоху информационной революции. Государства, которые сумели поставить на службу национальной экономике преимущества глобализации мировых рынков высокотехнологичной продукции, широко внедряющие новейшие технологии и ИКТ в производство и процесс управления социально-экономическим развитием, ныне добиваются наиболее впечатляющих результатов. Использование или неиспользование указанных возможностей зависит от способностей и политической воли государства, а также проводимой им экономической политики.

России, не откладывая, необходимо заложить прочные основы для формирования потенциала в деле приобретения и генерирования знаний и технологий в интересах использования всех имеющихся возможностей. Простое использование научно-технического потенциала прошлых лет без его всестороннего развития, без повсеместного внедрения результатов НТП и использования информационных технологий обрекает экономику страны на неизбежное и нарастающее отставание от группы развитых государств.

Библиографический список

1. Букреев И.Н. Движение России в информационное общество //Информационное общество, 2009. Вып.3.– С. 22–34.

2. Родионова И.А., Гордеева А.С. Готовность стран мира к сетевой экономике и тенденции развития высокотехнологичного производства //Вестник РУДН. Серия Экономика, 2009.– № 4.– С. 62–71.

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.Путиным 7 февраля 2008 г., № Пр-212). Направления и основные задачи Национального плана реализации Стратегии развития информационного общества в РФ на 2009–2011 годы (http://www.mdi.ru/encycl.php?RubricID=3477. – Раздел. - Развитие информационного общества в Российской Федерации)

4. Стрелец И.А. Сетевая экономика.– М.: Эксмо, 2006.

5. Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. Published for the United Nations Development Programme (UNDP).– N.-Y., USA, 2008 (http://undp.org). ICT,

6. Human Development Report 2009. Overcoming barriers: Human mobility and development. Published for the United Nations Development Programme (UNDP).– New York. 2009 (http://undp.org).

7. Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. Published for the United Nations Development Programme (UNDP).– N.-Y., USA, 2010.

8. Rodionova I., Gordeeva F. Human development index and informatisation of society in CIS //Bulletin of Geography Socio-economic Series. Poland.– No. 13/2010.– p. 79–87.

9. Science and Engineering Indicators – 2010. (Appendix tables 6). Two volumes. Arlington.– VA: National Science Foundation, 2010 (Режим доступа: http://nsf.gov – сайт Научного фонда США).

10. http://gtmarket.ru/news/state/2009/04/05/2477 - The Global Information Technology Report. 2009: Readiness for the Networked World (World Economic Forum). The Global Information Technology Report 2008-2009. Mobility in a Networked World (World Economic Forum).

11. http://info.worldbank.org/etools/kam/kei_table.asp. – рейтинг Всемирного банка. – «Индекс Информатизации Общества».

12. http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/about.cfm – INSEAD. – The Business School for the World. Confederation of Indian Industry.

13. http://www.worldbank.org/kam. – The World Bank Group, July 2009. – Knowledge Economy Index.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Катровский А.П.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКА.»

Раз в пять лет Смоленск становится одним из основных центров обсуждения проблем отечественной и зарубежной общественной географии. По традиции, начиная с 1991 года, здесь проходят научные мероприятия, посвященные памяти выдающегося советского ученого-географа, внесшего существенный вклад в развитие истории, теории и методологии географической науки Юлиана Глебовича Саушкина. В этом году Юлиану Глебовичу Саушкину исполнилось бы 100 лет, поэтому в качестве темы конференции, проводимой уже в пятый раз, было взято название его главного фундаментального труда «Экономическая география: история, теория, методы, практика». Также по традиции конференция проходила весной в канун дня рождения выдающегося ученого и организатора географической науки.

Инициаторами проведения конференции выступили Смоленский гуманитарный и Московский государственный университеты, Смоленское отделение Русского географического общества, Ассоциация российских географов обществоведов (АРГО), редакция журнала «Региональные исследования».

Конференция получила финансовую поддержку со стороны Российского фонда фундаментальных исследований. Часть расходов взял на себя Смоленский гуманитарный университет.

В подготовительный период был создан оргкомитет и научный совет, в которые наряду с учеными Смоленского гуманитарного университета: проректором по научной работе, директором НИИ региональных исследований Катровским А.П. (председатель оргкомитета), проректором по учебной и воспитательной работе Мажар Л.Ю., начальником научного отдела Бобровым Е. А, (ученый секретарь оргкомитета), ученым секретарём редакции журнала «Региональные исследования» Ковалевым Ю.П., доцентом кафедры географии и туризма СГУ М.Ю. Евдокимовым вошли академик РАН, директор Тихоокеанского Института географии П.Я. Бакланов, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России Московского государственного университета В.Е. Шувалов.,снс Географического факультета МГУ А.А., Агирречу. Международная конференция по фундаментальным проблемам социально-экономической географии вызвала большой интерес у отечественной и зарубежной научной общественности. В адрес оргкомитета поступило около 250 заявок на участие из более чем пятидесяти российских и зарубежных научных центров. Все присланные материалы прошли строгий отбор, результатом которого стала рекомендация к публикации 124 статей 141 автора. Масштабы, число участников, опубликованных докладов позволяют отнести конференцию к крупнейшему отечественному научному мероприятию по социально-экономической географии в 2011 году. Конференция вызвала значительный интерес у смоленских ученых, молодых географов, экономистов, учителей географии. На пленарном заседании в первый день работы конференции присутствовало более 120 человек, из которых почти половину составляли молодые ученые. Во второй день работы конференции успешно прошел специальный круглый стол, в котором наряду с такими известными учеными как П.Я. Бакланов, А.Н. Пилясов, В.Е. Шувалов и В.А. Шупер выступили и приняли участие в дискуссии около двадцати молодых ученых из Смоленска, Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Курска, Иркутска, Воронежа и др.

В конференции помимо географов приняли участие экономисты, историки, социологи, ученые других областей знания.

В канун научного мероприятия кафедрой экономической и социальной географии Рос-

сии Московского университета была издана прежде неопубликованная работа Юлиана Глебовича Саушкина «Географическое мышление», которая была подарена каждому участнику конференции.

Материалы конференции были опубликованы. Сборник материалов – общий объем 607 стр., тираж 300 экземпляров. С материалами можно также ознакомиться на сайте www.shu.ru и www.ecoross.ru

Конференцию открыл ректор Смоленского гуманитарного университета, д.п.н. проф. Н.Е. Мажар. С приветственным словом к участникам конференции обратились председатель оргкомитета, проректор по научной работе университета д.г.н., профессор А.П. Катровский и заведующий кафедрой экономической и социальной географии России Московского университета им. М.В. Ломоносова, кафедры, которой более тридцати лет руководил Юлиан Глебович Саушкин, Владимир Ефимович Шувалов.

Пленарное заседание открыла серия докладов и сообщений посвященных вкладу Ю.Г. Саушкина в развитие географической мысли, творческому пути ученого. Первый из них - «Творческое наследие Юлиана Глебовича Саушкина», сделал известный российский ученый – регионалист д.г.н., профессор, Александр Николаевич Пилясов. В своем докладе он отметил, что «неверно сказать что Юлиан Глебович Саушкин работал в экономической географии, его жизнь была как служение, выполнение особой мессианской задачи укрепления роли и места экономической географии в советском обществе». Выступающий, детально, на основе использования индекса цитирования, остановился на роли отдельных трудов известного ученого для науки и на использовании самим Юлианом Глебовичем трудов отечественных географов. Самыми цитированным автором в главном труде Ю.Г. Саушкина был В.В. Покшишевский, а второе-третье место занимали Н.Н. Баранский и И.М. Маергойз. Самым цитируемым из зарубежных географов был В. Айзард. По мнению А.Н. Пилясова, в творчестве Ю.Г. Саушкина можно выделить шест основных «супертем». Это темы: географических ландшафтов и их преобразования в результате человеческой деятельности; научных школ и их научных лидеров; экономического районирования, экономической специализации и территориального разделения труда; синтеза экономической географии с другими географическими дисциплинами, интеграции всей географии с другими областями научного знания; времени, возраста, истории в географических исследованиях; взаимодействия природы и общества. Выступающий подробно остановился на вкладе Ю.Г. Саушкина в каждое из представленных выше направление. Рассматривая уроки и выводы из крупнейших трудов ученого, докладчик заметил что «Вероятно самый интегральный завет Ю.Г. Саушкина для нас его коллективных наследников в деле развития нашей общей науки – укреплять теоретическую географию».

С докладом «Ю.Г. Саушкин и создание географических основ государственной политики в России» выступил известный отечественный ученый д.г.н., профессор Георгий Михайлович Лаппо. Как он заметил «Саушкин осознал географию как науку очень большого государственного значения», одним из первых использовал понятие «конструктивная география», подчеркивал значение географического синтеза. Вместе с тем, по мнению выступающего, недостаточная востребованность географической науки в нынешней России поразительна, но видимо и географов есть в чем упрекнуть…

Третий доклад на пленарном заседании «Вклад Ю.Г. Саушкина в становление теоретической географии» сделал д.г.н., профессор Вячеслав Александрович Шупер. Как заметил в своем докладе выступающий «перечитывая лучшие статьи 60-х годов, трудно отделаться от мысли о том, география с тех пор во многих важных отношениях не столько поднималась к новым вершинам, сколько спускалась с них». И далее «Вспоминая Ю.Г. Саушкина, мы вспоминаем время, когда мы были на очень достойном уровне в теоретических исследованиях, возможно даже в чем-то опережая наших зарубежных коллег. Не имея масштабных задач, поставленных перед нами государством, мы вынуждены вернуться к тем теоретическим задачам, которые были выдвинуты Ю.Г. Саушкиным и его соратниками в 60–70-е годы, и попытаться их решить».

В сообщении А.А. Агирречу основное внимание было последнему, незавершенному до недавнего времени неопубликованному труду ученого «Географическое мышление». По мнению выступающего «в книге с

доскональной подробностью дается описание определенных этапов жизни и деятельности ученого, глубоко анализируется вклад в развитие науки ведущих специалистов в различных областях географической науки… Можно представить, что целиком написанное произведение было бы уникальным изданием, повествующем об особенностях развития отечественной географии (и экономической географии в частности), о роли советской географической мысли в мировой науке, о ключевых направлениях географической науки».

Личными воспоминаниями об юбиляре поделились доцент Московского университета Галина Ивановна Гладкевич и профессор Смоленского государственного университета Сергей Петрович Евдокимов и др.

После перерыва пленарное заседание перешло в плоскость обсуждения фундаментальных проблем современной социально-экономической географии. С большим вниманием участники конференции прослушали доклад одного из крупнейших современных ученых – географов, директора Тихоокеанского института географии академика П.Я. Бакланова «Территориальные социально-экономические структуры и системы – основной объект современной социально-экономической географии», по мнению которого Ю.Г. Саушкин в свое время фактически подошел к важнейшим методологическим принципам экономико-географических исследований, среди которых: комплексность, территориальность, историчность, необходимость использования точных количественных методов. В своем выступлении П.Я. Бакланов, особое внимание уделил закономерностям системообразования. По его мнению «важнейшим свойством территориальных социально-экономических систем различных уровней является их структурно-функциональная инвариантность».

Среди других докладов сделанных на пленарном заседании в первый день работы конференции необходимо выделить выступление известных ученых А.А. Ткаченко (Тверь) «О научных школах в современной отечественной географии человека», В.Е. Шувалова (Москва) «Трансформация понятийно-концептуального и методического аппарата отечественной социально-экономической географии на современном этапе развития», В.Н. Стрелецкого (Москва) «Регионализм как феномен культуры: взгляд с позиций культурной географии», А.Т. Темирбекова (Алма-Аты) «О сущности и соотношении понятий «территория» и пространство» в экономической и социальной географии», В.Л. Бабурина (Москва) «Географические аспекты современных экономических проблем России», А.В. Мошкова (Владивосток) «Особенности неравновесности и самоорганизации территориально-производственных систем», М.П. Крылова (Москва), «Актуальные и дискуссионные вопросы общественной географии (современные коллизии общественно-географической мысли и некоторые особенности творческого наследия Ю.Г. Саушкина», А.К. Черкашина (Иркутск) «Методологические и теоретические основы единой географии», Клюева Н.Н.(Москва), «Полиструктура природопользования современной России», Осипова В.А. (Тюмень) «Инженерно-географические подходы к оптимизации использования аграрных земель на основе экономического анализа альтернативной стоимости участков» и ряда других.

Важнейшей чертой работы конференции стало активное обсуждение представленных на ней докладов. Только временные рамки сдерживали масштабы и продолжительность дискуссии.

Во второй день работы конференции обсуждение проблем современной общественной географии осуществлялось в рамках нескольких секций, а во второй половине дня в формате круглого стола состоялось обсуждение более двадцати выступлений молодых ученых.

Тематика выступлений и обсуждения охватывала практически весь спектр направлений современной общественной географии: от истории, теории и методологии до прикладных проблем территориальной организации общества, проблем развития отраслевых систем различного уровня. Круглый стол стал площадкой для активной дискуссии молодых исследователей, представляющих различные научные школы. Об этом свидетельствует и тематика и широкая география участников. В круглом столе приняли участие

Аверкиева К.В., Куликов Г.К, Мильчаков М.В., Землянский Д.Ю., Мироненко К.В., Елманова Д.С. (все Москва), Кошевой В.О. (Минск), Булгакова А.И.(Смоленск), Морачевская К.А., Зиновьев А.С.(все Санкт-Петербург), Красноштанова Н.Е. (Иркутск) и ряд других.

Во второй половине дня 14.мая были подведены основные итоги конференции. В принятом решении обращалось внимание на необходимость большего внимания вопросам истории общественной географии. В этой связи признано целесообразно не реже одного раза в пять лет проводить Всероссийские конференции по проблемам истории общественной географии. Участники конференции просили кафедру социально-экономической географии России Московского университета возглавить работу по подготовке нового издания книги «Отечественные экономико-географы», а общественно-географическому сообществу принять активное участие в подготовке данной работы. Принято решение о разработке специальной программы переиздания классических общественно-географических трудов, о целесообразности уже в 2011 году начать работы над «Хрестоматией по истории и теории социально-экономической географии».

Конференция просила редакцию журнала «Региональные исследования» больше внимания уделять вопросам истории социально-экономической географии и регионалистики.

Участники конференции просили оргкомитет обратиться к Администрации Географического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова с просьбой об увековечении памяти Юлиана Глебовича Саушкина, путем присвоения одной из аудитории факультета его имени. (28 сентября 2011 года на Географическом факультете МГУ состоялось торжественное открытие аудитории Ю.Г. Саушкина).

Участники конференции выразили благодарность Владимиру Ефимовичу Шувалову, Александру Антоновичу Агирречу и Николаю Владимировичу Петрову за подготовку и издание незавершенной книги Ю.Г. Саушкина «Географическое мышление».

15 мая для участников конференции была организована профессиональная экскурсия на родину первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бильчак Михаил Васильевич – аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: bilchakvs@mail.ru

Гордеева Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов. E-mail:ng1@bk.ru

Горячко Мария Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. E-mail: marishik@rambler.ru

Елацков Алексей Борисович – к.г.н., доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета
Email: abelmail@mail.ru

Землянский Дмитрий Юрьевич – младший научный сотрудник, географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Карякин Владимир Васильевич – кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований.
E-mail:Vladimir-karyakin@rambler.ru Сайт www.riss.ru

Клейменов Сергей Петрович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии Псковского государственного педагогического университета им.С.М. Кирова

Коломенская Анастасия Сергеевна – аспирантка кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail:nastazi19@mail.ru

Куница Марина Николаевна – кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой экономической географии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: geodem@mail.ru

Лопатников Дмитрий Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики ФУ

Львова Евгения Константиновна – аспирантка кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Мичурин Сергей Барисович – преподаватель кафедры туризма Пермского государственого университета

Мичурина Фрида Захаровна – доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой отраслевой и территориальной экономики Пермской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д.Н. Прянишникова

Носачевская Екатерина Александровна – кандидат экономических наук, докторантка Российского государственного университета им. И. Канта, старший преподаватель кафедры экономики Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова.
E-mail:peno39@mail.ru

Пилясов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил.
E-mail: pelyasov@mail.ru

Прусс Елена Александровна – аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова E-mail: prusse@mail.ru

Родионова Ирина Александровна, – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов.
E-mail:iarodionova@mail.ru

Семенова Зоя Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, докторант Факультета географии и геоэкологии СПбГУ E-mail: semzoy@yandex.ru

Соколова Александра Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры естествознания и географии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. E-mail: falcones@list.ru

Стрелецкий Владимир Николаевич – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. E-mail: vstreletski@mail.ru

Хаустова Олеся Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математических методов в экономике Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail:Lex711@yandex.ru

Чистобаев Анатолий Иванович – доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор СПбГУ E-mail: chistobaev40@mail.ru

Шурбе Вера Захаровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail:shurbe@ngs.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *doc.)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (graysckale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *tif., *jpg., *psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция